

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

182

ПАМЯТНИКИ
АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

182

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА»

1985

Выпуск посвящен археологии античных памятников Северного Причерноморья. Рассматриваются вопросы хозяйства, торговли, культуры и искусства античных городов и сельских поселений.

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), *Н. Н. Гурина*,
А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора), *Ю. А. Краснов*,
В. В. Кропоткин, *И. Т. Кругликова* (ответственный редактор),
В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*, *Р. М. Мунчаев*,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора), *Д. Б. Шелов*

Рецензенты: *А. К. Коровина*, *Ю. М. Десятчиков*

СТАТЬИ

А. Н. ШЕГЛОВ

25 ЛЕТ РАБОТ ТАРХАНКУТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Тарханкутская экспедиция была образована в 1959 г. после объезда в 1958 г. П. Н. Шульцом и автором известных к тому времени памятников Северо-Западного Крыма. Поводом для поездки послужило сообщение о находке надгробного рельефа с греческой надписью в районе городища Джан-Баба у с. Марьино Черноморского р-на. Во время последовательного осмотра расположенных вдоль южного побережья Тарханкутского полуострова городищ и возникла идея возобновить изучение этого района.

На протяжении первых 10 лет (1959—1968 гг.) организатором экспедиции был Херсонесский государственный историко-археологический музей (ныне — заповедник). С 1969 г. экспедиция организуется и финансируется ЛОИА АН СССР. Соответственно выделяются и два этапа работ, каждый из которых имеет свои особенности.

Основная цель первоначальных исследований определялась необходимостью выяснить, какова роль области Северо-Западного Крыма в экономической и политической истории двух соседних образований — Херсонеса и позднескифского царства. По сути дела, это должна была быть проверка гипотезы П. Н. Шульца — А. И. Тюменева о внешних владениях Херсонеса и о единовременном выдвигании греков и скифов к берегам этого района в IV—III вв. до н. э., превратившаяся в тот период в общепризнанную концепцию². Основные на такой постановке проблемы археологические задачи сводились, в первую очередь, к определению принадлежности памятников Северо-Западного Крыма тому или другому образованию, т. е. к выяснению их типологии, стратиграфии и хронологии. Поставленная проблема могла успешно разрабатываться методами археологии только в том случае, если стратегия полевого поиска базируется на региональных исследованиях. Именно такой путь и был избран на первом этапе работ экспедиции.

За 10 лет было проведено разведочное обследование прибрежной зоны Западного Крыма протяженностью около 250 км — от устья р. Качи на юге и до Бакальской косы на севере — и в глубину до 10 км. Археологические разведочные маршруты в 1964—1967 гг. были дополнены аэрофотосъемкой, а также проводившимся на местности дешифрованием археологических объектов на снимках³. Использование материалов аэрофотосъемки и визуальные наблюдения с самолета повысили эффективность региональных исследований. Они позволили за короткое время обследовать значительную территорию и обнаружить ряд памятников, не поддающихся выявлению обычными методами наземной разведки.

Кроме изучения топографии памятников и выделения их типологических особенностей, на каждом памятнике закладывались стратиграфические шурфы и раскопы, или же проводилась зачистка обрывов. В результате практически

для всех укрепленных и неукрепленных поселений, обследованных экспедицией, были получены полные стратиграфические колонки. Наиболее значительным достижением полевых работ этого периода было открытие и изучение следов древнего землепользования. В 1962 г. у м. Ойрат близ с. Морское обнаружен земельный надел с плантажом уникальной сохранности IV—II вв. до н. э. В этом же году выявлены остатки наделов, а в 1963—1965 гг. открыта и изучена с помощью наблюдений система наделов, прилегающая к Черноморскому (Ак-Мечетскому) городищу, которое отождествляется с херсонесским Калос Лимен письменных источников. В 1966—1967 гг. следы древнего размежевания были выявлены с использованием аэрометодов и наземных разведок и на других участках Евпаторийско-Тарханкутского побережья.

Региональные разведочные работы постоянно сочетались со стационарными раскопками. В 1960—1966 гг. осуществлялись раскопки городища Тарпанчи — небольшой позднекифской крепости II в. до н. э. — первых вв. н. э., возведенной на руинах предшествующего херсонесского укрепленного поселения; в 1963—1966 гг. изучалась раннеэллинистическая сельская усадьба близ Калос Лимена; в 1963 г. совместно с Южно-Донузлавской экспедицией ИА АН СССР были начаты раскопки городища Беляус⁴. Стационарные работы дали весьма важную информацию о структуре, типологии и хронологии поселений, позволившую проверить, уточнить и дополнить данные разведок.

Составной частью программы работ экспедиции являлись палеографические исследования, целью которых была добыча материалов для реконструкции природных и культурных ландшафтов и изучения взаимодействий природной среды и человека в этом районе Крыма в интересующую нас эпоху. С 1960 г. в нескольких пунктах стали вести наблюдения над характером и скоростью изменения берегов в районе поселений античного времени. В 1966—1967 гг. совместно с Институтом географии АН СССР проведено палеогеоморфологическое обследование берегов Западного Крыма, в результате которого впервые были сделаны оценки относительных изменений уровня суши и моря в историческое время по археологическим данным на разных участках побережья Западного Крыма — от Херсонеса и прилегающей к нему прибрежной зоны Гераклеяского п-ва до Тарханкутского п-ва⁵. В дальнейшем эти наблюдения легли в основу опыта реконструкции древних берегов.

Интересные результаты по палеоэкологической программе получены в процессе лабораторного изучения добытых в поле материалов. Так, анализ обугленных остатков дерева⁶ в сочетании с другими признаками позволили высказать предположение о существовании значительных участков древесно-кустарниковой растительности в Северо-Западном Крыму в античную эпоху. Сведения о дикой и домашней фауне дал остеологический анализ, выполненный в Институте зоологии АН УССР⁷. Совместные исследования, проводившиеся с Лабораторией ихтиологии Института биологии южных морей АН УССР, принесли новые данные о рыбном промысле, ихтиофауне, а также температурном режиме моря в I в. до н. э.⁸ Выполненный в 1960 г. рентгенанализ лепной керамики впервые зафиксировал факт выращивания винограда на Тарханкуте в III в. до н. э. Кроме видового определения зерен злаковых из раскопок, проводившихся во Всесоюзном институте растениеводства, специальный эксперимент, осуществленный в Херсонесском музее, позволил реконструировать вес тарханкутской пшеницы II в. до н. э. (1 гл = 74,7 кг). Эксперимент подтвердил сообщение Плиния (NH, XVIII, 66) о херсонесской пшенице и основанные на нем расчеты А. Жарде.

Наконец, в этот же период, в 1964—1965 гг., совместно с Лабораторией археологической технологии ЛОИА на усадьбе был поставлен один из первых в СССР опытов выявления планировки погребенных античных строительных остатков с помощью электроразведки методом симметричного профилирования⁹. Была показана принципиальная возможность использования геофизических методов в античной археологии и намечены основные методические приемы, в частности принцип построения съемочной сети в археолого-геофизическом поиске на античных памятниках.

Накопленный за 10 лет опыт показал безусловное преимущество комплексного характера полевых исследований, подчиненных решению строго сформулированных задач и целей.

В итоге была разработана типология, стратиграфия и хронология памятников Северо-Западного Крыма, получены данные для реконструкции природной среды и основных направлений экономики района, добыты материалы для изучения социально-экономической и этнической структуры поселений и изучения греко-варварских взаимодействий в Западном Крыму. На основании серии стратиграфических колонок была построена стратиграфическая шкала для всех известных памятников региона. Все это дало возможность уже в 1963 г. обосновать новую периодизацию истории Северо-Западного Крыма от конца VI — начала V в. до н. э. по III в. н. э., связав ее с историей Херсонеса и позднескифского государства¹⁰. Этим и завершился первый этап работ Тарханкутской экспедиции.

На втором этапе, начавшемся в 1969 г., продолжалась проверка, уточнение и детализация построенной схемы. Но не это стало теперь главной задачей экспедиции. Стало очевидно, что Северо-Западный Крым во второй половине IV—II вв. до н. э. надо рассматривать как составную часть Херсонеса. Херсонес, Керкинитида, Калос Лимен, «старый» Херсонес, упомянутый Страбонем, и другие укрепленные и неукрепленные поселения разных типов, расположенные на Гераклеяском, Маячном, Тарханкутском полуостровах и в Сакско-Евпаторийском прибрежном районе, могильники и, наконец, системы древнего размежевания на земледельческой территории в Юго-Западном и Северо-Западном Крыму — все это единая взаимосвязанная и взаимообусловленная археологическая структура, отражающая определенный период социально-экономического и политического состояния и развития целостного организма — Херсонесского полиса. Проблема, следовательно, заключается в исследовании этой системы в целом как одной из моделей греческого полиса в зоне греческой колонизации¹¹. Исходя из такого представления, и была сформулирована основная программа работ экспедиции: изучение наименее известной части системы — устройства хоры Херсонеса времени его политического и экономического возвышения в Причерноморье в домитридатовский период, характера и динамики греко-варварских взаимодействий в этом регионе. Такая постановка проблемы заставила перейти от региональных исследований к стационарным раскопкам тех памятников, которые представляли отдельные блоки в системе херсонесской хоры.

Основным объектом раскопок усадебного и курганного отрядов экспедиции, начавшихся в 1969 г., остаются эталонные поселения и некрополь Панское I, расположенное у Ярылгачской бухты¹². В 1969—1974 гг. на поселении было полностью раскрыто крупное (около 1200 кв. м) здание У6, а также исследованы остатки постройки У14. В 1976—1977 гг. раскопана небольшая усадьба У13, укрепленная встроенной в одно из помещений круглой башней, и прилегающая к ней двучамерная постройка У13а. С 1979 г. начато изучение центрального монументального строительного комплекса У7, фланкированного по углам мощными башнями. Курганный отряд (руководитель Е. Я. Рогов) с 1969 по 1980 гг. раскрыл широкой площадью примерно одну треть территории некрополя, на котором исследовано 22 кургана и большое количество грунтовых могил в межкурганном пространстве. Материалы раскопок позволяют сейчас говорить, что поселение Панское I и его некрополь возникли около начала IV в. до н. э. Ряд черт дает возможность предполагать, что появление этого поселения было связано с деятельностью ионийских греков; не исключено, что на первом этапе оно каким-то образом было связано с Ольвией. В середине — 2-й половине IV в., после сильного пожара и разрушений, поселение было включено в состав Херсонеса, значительно перестроено и расширено. К рубежу IV—III вв. до н. э. оно превратилось в крупное, по-видимому, военно-хозяйственное поселение, состоящее из группы изолированных построек. Внезапная гибель поселения относится к первой трети III в. до н. э.

Кроме систематического изучения указанного памятника, усадебный отряд (Ю. А. Виноградов, Е. Я. Рогов, Дж. Наман) в 1978 г. полностью раскопал поселение Панское III, которое представляло небольшую изолированную херсонесскую усадьбу 2-й половины IV — начала III в. до н. э.

Поскольку перечисленные памятники прекращают свое существование в первых трех десятилетиях III в. до н. э., возникла необходимость получить

материалы, которые характеризовали бы период от 2-й трети III в. до середины II в. до н. э.— времени перехода территории Северо-Западного Крыма в руки скифов. В связи с этим в 1981 г. был создан Капельский отряд (руководитель Н. К. Белая), который преступил к раскопкам укрепленной однобашенной усадьбы на берегу моря. Уже получены первые материалы, подтверждающие правильность нашего прогноза относительно характера и времени этого поселения.

Разведочный археологический отряд продолжал поиски и изучение следов древнего земледольства на Тарханкутском полуострове. Работы велись в сочетании наземной разведки с использованием материалов аэрофотосъемки и визуальных наблюдений с воздуха¹³. Были проведены раскопки плантажа и межевых валиков. Но самым результативным явилось уточнение прежних наблюдений и открытие новых крупных систем земельных участков на южном побережье Тарханкута и особенно в его западной части, где выявлена и сейчас исследуется система размежевания, занимающая территорию более 10 000 га. Открытие крупных межевых систем заставляет полностью пересмотреть наши прежние представления о земельном фонде Херсонеса в IV—III вв. до н. э.¹⁴.

С изучением земельного кадастра тесно связана палеогеографическая программа, выполнение которой продолжалось, как и в предшествующий период, совместно с Институтом географии АН СССР, а также с сотрудниками ряда других учреждений. Проводились работы по составлению серии карт, показывающих взаимосвязи древних хозяйственных и природных систем на Тарханкутском полуострове. Изучалась геоморфология окрестностей Ярылгачской бухты (Н. С. Благоволин), в результате чего была предложена палеогеографическая реконструкция этого «микрорайона» херсонесской хоры. Палеоботаническая группа (З. В. Янушевич, Н. Н. Кузьмина) впервые установила факт произрастания на Тарханкуте в IV в. до н. э. дикорастущего винограда, а также обнаружила ряд нефиксировавшихся ранее семян культурных растений (чечевицы, вики эрвлин, а также косточек оливок — вероятно, привозных) и сорняков.

В 1970—1980 гг. был проведен длительный эксперимент, задача которого заключалась в изучении возможностей применения комплекса методов естественных наук и техники в античной полевой археологии. Исследования велись по единой программе, в которой принимали участие Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР, кафедра геофизики Ленинградского горного института, лаборатория квантовой радиофизики НИИФ ЛГУ, лаборатория магнитометрии ВНИИ метрологии им. Д. И. Менделеева, Институт географии АН СССР, СГУ¹⁵. В ходе эксперимента последовательно на выбранном полигоне (поселение Панское I) были использованы аэрометоды, изучение микрорельефа, метод геоботанического картирования, биолокационный метод, эхолокация, бурение (в том числе морское), а также методы электроразведки и магнитометрии. Для реализации части этой программы был организован специальный археолого-геофизический отряд (руководители Г. А. Внучков, В. В. Глазунов, М. М. Бочаров). Наблюдения и измерения производились по единой жестко закрепленной сети наблюдений, что обеспечивало точность и сопоставимость результатов. Одна из главных задач этого эксперимента — выявление планировки погребенных строительных комплексов до раскопок — была успешно решена с достаточно высокой точностью¹⁶.

К настоящему времени экспедицией получен огромный наблюдательный и вещественный материал, позволяющий полнее и глубже характеризовать структуру херсонесской хоры и заставляющий в значительной степени уточнить или изменить наши прежние представления о Херсонесе и взаимоотношениях греков и варваров в изучаемом районе Крыма.

¹ По материалам доклада, прочитанного 9.IV 1983 г. на Всесоюзной конференции «Советская археология в XI пятилетке» (Москва).— Архив ИА АН СССР.

² Шульц П. Н. Евпаторийский район, 1933—1934.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936 гг. М.; Л., 1941; Тюменев А. И. Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население (скифы).— ВДИ, 1950, № 2; VI. Херсонес и Керкинитиды.— ВДИ, 1955, № 3.

- См. также: *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, гл. 1, см. также библиографию.
- ³ В полевых работах принимал участие К. В. Шишкин. См.: АО 1966 г. М., 1967, с. 212; АО 1967 г. М., 1968, с. 214.
- ⁴ *Дашевская О. Д., Щеглов А. Н.* Херсонесские укрепления на городище Беляус.— СА, 1965, № 2. В дальнейшем стационарное изучение городища и его некрополя продолжает Южно-Донузлавская экспедиция.
- ⁵ *Благоволин Н. С., Щеглов А. Н.* Колебания уровня Черного моря по данным археолого-геоморфологических исследований в юго-западном Крыму.— ИАН СССР, сер. географ., 1968, № 2; *Они же.* Применение археолого-геоморфологического метода для анализа современных деформаций земной поверхности и колебаний уровня моря.— В кн.: Проблемы современных движений земной коры. Третий Международный симпозиум. М., 1969; см. также: АО 1967 г., с. 214; АО 1968 г., с. 291.
- ⁶ Определение Г. Н. Лисицыной.
- ⁷ Определения выполняли В. О. Топачевский, А. С. Уманская, Н. Н. Щербак.
- ⁸ *Бурдак В. Д.* Об изменении темпа роста черноморских кефалей в историческое время.— ДАН СССР, 1966, т. 167, № 5; *Бурдак В. Д., Щеглов А. Н.* О темпе роста, возрастном составе стад и миграциях некоторых черноморских рыб в античную эпоху.— В кн.: Эколого-морфологические исследования nektonных животных. Киев, 1966; *Щеглов А. Н., Бурдак В. Д.* О промысле рыбы у берегов Тарханкута в античную эпоху.— Рыбное хозяйство, 1965, № 3; *Щеглов А. Н.* Новый метод определения величины рыб по ее чешуе и некоторые данные о промысле кефали в Северо-Западном Крыму в I в. до н. э.— КСИА, 1969, вып. 119.
- ⁹ *Щеглов А. Н., Шилик К. К.* Опыт электроразведки методом симметричного профилирования на эллинистической сельской усадьбе в округе Калос Лимена.— В кн.: Материалы, сессии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР.— ТД, Баку, 1965; *Шилик К. К.* Опыт электроразведки методом симметричного профилирования.— СА, 1967, № 3; *Франтов Г. С., Пинкевич А. А.* Геофизика в археологии. Л., 1966, с. 67, сл.
- ¹⁰ Основные положения этой концепции были изложены в докладах на III годичном собрании Одесского археологического общества в 1963 г. (Севастополь) и VI Международной конференции, ЭЙРЕНЕ в 1964 г. (Ленинград). См. также: *Щеглов А. Н.* Хора Херсонеса Таврического в IV—II вв. до н. э.— В кн.: Материалы сессии...; *Он же.* О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху.— ВДИ, 1966, № 4; *Он же.* Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху.— АИКСП, Л., 1968; *Он же.* Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху.— КСИА, 1970, вып. 124; *Он же.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
- ¹¹ Попытку представить Херсонес в этом плане см.: *Щеглов А. Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976.
- ¹² Ежегодную информацию о работах экспедиции см. в АО, начиная с 1969 г.
- ¹³ В работах 1979 и 1981 гг. принял участие К. В. Шишкин.
- ¹⁴ *Щеглов А. Н.* Новые материалы к изучению пространственной организации раннеэллинистического Херсонеса.— В кн.: ТД Всесоюзной научной конф. «Проблемы античной истории и классической филологии», 6—8 февраля 1980 г. Харьков, 1980, с. 73; *Он же.* Тарханкутская экспедиция в 1981—1982 гг.— В кн.: Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда: ТД к Всесоюзн. совещ. «Археология в XI пятилетке». Л., 1983, с. 17 и сл.; *Scheglov A. N.* Utilisation de la photographie aeriene dans l'étude du cadastre de Chersonésos Taurique (IVe—IIe s. av. n. e.).— In: DHA, 1980, 6, p. 62 f.
- ¹⁵ В реализации программы участвовали С. А. Алексеев, Т. П. Алексеева, О. И. Абрамович, Н. С. Благоволин, М. М. Бочаров, Г. А. Внучков, Т. А. Внучкова, В. В. Глазунов, Л. А. Звягин, В. И. Кац, А. К. Керимов, А. В. Мельников, А. П. Наумов, Е. М. Плоткина, Т. А. Смекалова, И. С. Хасиев и др., а также студенты ЛГУ, ЛГИ и СГУ.
- ¹⁶ О некоторых результатах см.: *Щеглов А. Н.* Комплексные методы исследования в археологии.— Природа, 1977, № 5; *Глазунов В. В.* Опыт выявления детального плана постройки методом электроразведки.— КСИА, 1978, вып. 152; *Внучков Г. А., Глазунов В. В., Наумов А. П., Хасиев И. С., Щеглов А. Н.* Применение квантового магнитометра в исследовании археологических памятников.— В кн.: Геомагнитное приборостроение. М., 1977; *Глазунов В. В., Наумов А. П., Внучков Г. А., Алексеев С. А., Хасиев И. С.* Геофизические исследования на античном поселении Панское I.— В кн.: Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979.

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПЛОЩАДИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Херсонес Таврический, основанный выходцами из Гераклеи Понтийской в конце V в. до н. э. первоначально занимал восточную часть скалистого полуострова. В дальнейшем город разросся в западном направлении и к концу III в. до н. э. его территория увеличилась в три раза. Раскопки позволяют установить, что город начал строиться по регулярному плану с первых же дней своего существования. Окончательно его планировка сложилась к концу IV — началу III в. до н. э. Трассировка улиц велась в строгой зависимости от специфики рельефа территории с учетом жизненно необходимых городу интересов: возможности возведения самотечного водопровода, организации сточных каналов и т. д. Стержнем планировки Херсонеса являлась его главная продольная улица, простиравшаяся с юго-запада на северо-восток и заканчивавшаяся мощеной площадью. Эта площадь была обнаружена раскопками 1877—1881 гг. Границы ее в основном были установлены Р.-Х. Лепером в 1908—1909 гг.

Эта северо-восточная площадь городища до сих пор остается неизученной. Большинство исследователей считают, что она возникла уже в ранний период существования Херсонеса, а вымостку площади относили к первым векам н. э.¹

Настоящая статья имеет целью на основании данных многолетних раскопок попытаться определить характер объемно-пространственной композиции Северо-восточной площади Херсонеса на период конца IV—II вв. до н. э., установить возможную причину ее возникновения и предложить вариант реконструкции площади.

Рассматриваемая площадь, которой завершается Главная улица, очевидно, сформировалась еще в конце V — начале IV вв., когда территория города была еще невелика. Только к середине IV в. до н. э. размеры города достигли границы, отвечающей VIII, IX Поперечным улицам, что составляло примерно 0,07 кв. км. Эту черту города надежно фиксирует некрополь V в. до н. э.² Лишь к середине — концу IV в. до н. э. могла сформироваться большая площадь в районе XI квартала городища, где, как полагают³, находился акрополь с главным храмом. Однако на раннем этапе существования города роль главного храмового участка, вероятно, выполняла приморская площадь на северо-востоке городища, куда вела основная улица. Что представляла собой эта ранняя площадь, определить трудно из-за недостатка аргументированных данных. Но материалы раскопок этого района позволяют поставить вопрос о планировке и реконструкции Северо-Восточной площади на конец IV—II вв. до н. э., т. е. на то время, когда Херсонес уже достиг почти максимальных размеров своей территории.

С возникновением площади в центральной части города, Северо-восточная площадь, вероятно, перестала быть главной, но продолжала выполнять функцию храмового участка. Она хорошо сохранилась до наших дней и представляет собой удлиненный прямоугольник размерами около 30 × 9 м. По отношению к Главной улице ее ось повернута под углом 30° на запад (рис. 1, А).

Площадь раскрывается зрителю, идущему по Главной улице, незаметно. Она как бы «вытекает» из улицы при легком повороте. Незначительное ее расширение по сравнению с шириной улицы (всего на 1,5 м с каждой стороны) не затормаживает ритма движения идущего. По-прежнему, как и в улице, у начала площади значительно преобладает длина перед шириной. Такой композиционный прием удлиненного решения городской площади, акцентированный поворотом, не мог оказаться случайным; динамическая направленность площади несомненно должна была обуславливаться постановкой в ее конце здания-доминанты, т. е. в данном случае монументального храма.

Постановка последнего в любом другом месте такой удлиненной площади была бы невозможна без разрушения ясности композиционной схемы, всегда

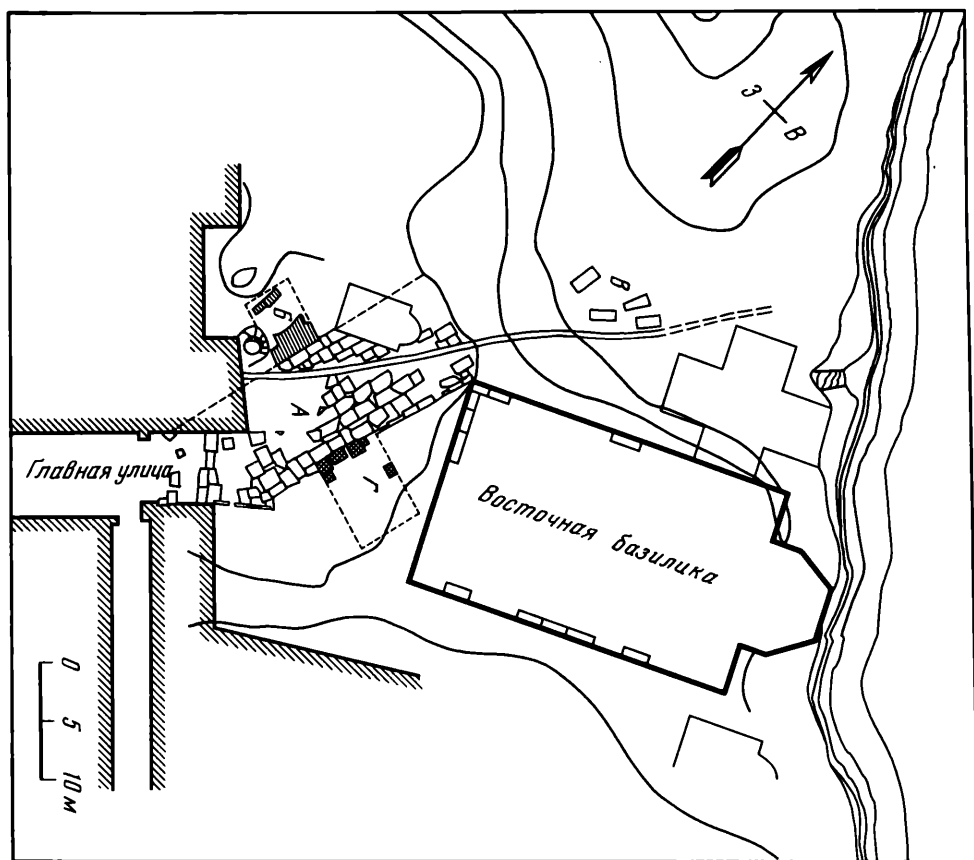

Рис. 1. План Северо-восточной площади Херсонеса Таврического

так тщательно соблюдаемой градостроителями эллинизма. Поэтому попытка некоторых исследователей связать мощеную площадь с греческим храмом, якобы мбгущим стоять на месте Восточной базилики⁴, при таком решении площади не может быть принята. Этому противоречит и наличие природной скалы, которая служит основанием базилики, находясь на 0,3—0,5 м выше уровня вымостки, и поворот средневекового здания по отношению к продольной оси площади под углом в 45°.

На месте 1-го квартала городища, раскопанного еще Р.-Х. Лепером, Херсонесский музей в 1976 г. предпринял археологические работы. В результате раскопок на месте позднесредневековых построек был обнаружен фрагмент нижней части небольшого здания эллинистического времени⁵ (рис. 1, Б). Его размеры примерно 5,0 × 6,1 м⁶. Найденный фрагмент здания, по утверждению автора раскопок, построен «поверх вымостки площади», что «позволяет отнести время сооружения этого плитного покрытия площади к эллинистическому времени»⁷. Но, по наблюдению автора статьи, здание лишь примыкает к вымостке и имеет свои фундаментные плиты, «отрезанные» от вымостки, лежащие ниже поверхности мостовой на 0,11 м. И все же каменное мощение следует отнести к III—II вв. до н. э. Эта датировка может быть определена рядом существенных доводов: 1) плиты вымостки и стилобата найденного эллинистического здания имеют одинаковую толщину — 0,18—0,20 м.; многие из них сходны и по габаритным размерам; 2) идентичен характер обработки лицевых поверхностей плит; 3) вымостка уложена на сnivelированной скале по щебеночной подготовке без применения извести, так характерной для римского времени; 4) строго перпендикулярное расположение оси обнаруженного здания к продольной оси площади и примыкание к последней определяют взаимообусловленность и одновременность их существования, ибо и мощеная площадь и здание входили в единую композиционную систему.

Эта система станет еще более определенной и убедительной, если изучить восточную сторону площади, на которую исследователи до сих пор не обращали должного внимания.

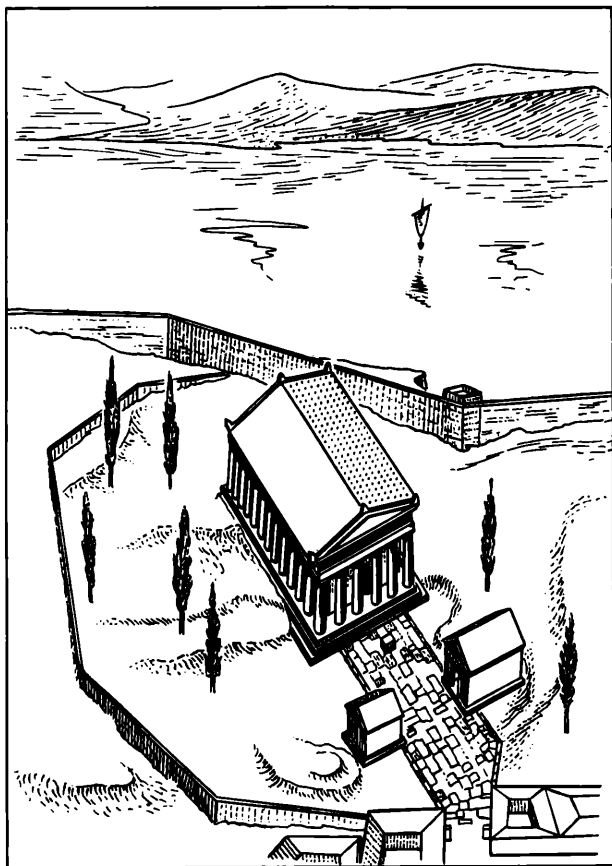

Рис. 2. Реконструкция ансамбля Северо-восточной площади

Рассмотрим, как эта сторона вымостки зафиксирована на «Генеральном плане северо-восточной части херсонесского городища...», составленном по «раскопкам с натуры» в 1928 г. архитектором Н. Янышевым⁸, и сравним ее с натурным обмером, выполненным автором в 1978 г. В обоих случаях мы обнаружили четко определяющую восточную границу площади, идущую строго по прямой, параллельной ее продольной оси. И на чертеже, и в натуре можно также заметить, что точно напротив обнаруженной в 1976 г. на западной стороне площади нижней части постройки, слегка выдвинутой вперед (на 0,38 м), расположены каменные плиты (рис. 1, Г), выступающие в сторону площади на 0,30 м. Наличие и расположение последних дает возможность предположить, что они составляли также часть небольшого здания, по габаритам близкого найденному напротив.

Таким образом, проведенный анализ дал основание предположить, что Северо-восточная площадь херсонесского городища была задумана как единая ансамблевая композиция, завершающаяся на ее северной стороне монументальным храмом. Небольшие постройки, вероятнее всего — сокровищницы, фланкировали площадь с запада и востока, выходя на нее своими главными фасадами.

Наличие значительного по размерам здания (храма) в северном конце площади определяет не только ее направленность, но также и наличие на этом месте крупных известняковых стеновых блоков с пиронными гнездами типа «ласточкин хвост», которые датируются концом IV—III вв. до н. э. (рис. 1, В) и имеют размеры: $1,3 \times 0,62 \times 0,37$ м; $1,57 \times 0,6 \times 0,37$ м; $1,1 \times 0,6 \times 0,32$ м. Такие же блоки уложены и в стенах Восточной базилики.

Поворот площади по отношению к Главной улице, ее направленность с юга на север, вероятно, не случайны и вызваны какими-то важными причинами. Если завершение площади храмом сомнения не вызывает, то возникает недоумение по поводу ориентации пронаоса в южную сторону, так как подавляющее большинство греческих храмов ориентировано на восток. Причины такой необычайной постановки храма можно истолковать следующим образом.

Одним из распространенных культов в Древней Греции был культ Афродиты, которая почиталась не только как богиня красоты и любви, но и как покровительница мореплавания. Ее часто называли богиней, успокаивающей море. Поэтому распространение культа Афродиты чаще всего можно было встретить по морским берегам, в гаванях, бухтах и пристанях. Известен храм Афродиты на острове Делос. В «Описании Эллады» Павсаний упоминает о храмах Афродиты на берегу Ионического моря в Патрах, на острове Эгина, на пристани Кенхрейрей⁹ и др.

О распространении в Херсонесе Таврическом культа Афродиты свидетельствуют как поздние эпиграфические данные¹⁰, так и большое количество

граффити IV—II вв. до н. э.¹¹; статуэтки Афродиты: мраморные II—I вв. до н. э.¹² и терракотовые около III в. до н. э.¹³ Известны также протомы богини IV в. до н. э.¹⁴

Примечательно, что большинство этой культовой пластики найдено в районе, примыкающем к исследуемой площади.

Суммируя все вышеизложенное, можно предположить, что Северо-восточная площадь, служившая продолжением Главной улицы херсонесского городища, могла завершаться построенным у входа в порт Херсонеса храмом Афродиты. Тогда становится понятным и поворот площади относительно Главной улицы и ориентация храма на юго-юго-запад. Здесь строители использовали греческую традицию направлять ось особо чтимых храмов к святилищам местам, где располагались главные храмы этим богам. Одним из таких мест почитания культа Афродиты был остров Кипр. Предполагаемый херсонесский храм Афродиты точно ориентирован на город Пафос, где греками был построен храм Афродиты, имеющей общегреческое значение.

В заключение можно отметить, что на продолжении Главной улицы, на северо-восточной оконечности херсонесского городища, еще при основании города сформировалась площадь, выполнявшая функцию теменоса. Позднее, в эллинистическое время, площадь, хотя по-прежнему и оставалась храмовым участком, видимо, была перестроена в связи с ее новым назначением. Создание нового монументального храма (возможно Афродиты) обусловило как ориентацию, так и объемно-пространственную композицию всего ансамбля. Его реконструкцию автор настоящей статьи предлагает на рис. 2.

¹ Херсонесский сборник. Севастополь, 1930, вып. III, с. 14.

² Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938.

³ Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 85, 86.

⁴ Херсонесский сборник, вып. III, с. 15.

⁵ Золотарев М. И. Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса.— АО 1976 г. М., 1977, с. 299, 300.

⁶ Размеры определены обмерами автора настоящей статьи.

⁷ Золотарев М. И. Раскопки..., с. 300.

⁸ Херсонесский сборник, вып. III. Приложение в конце сборника.

⁹ Павсаний, VII, 21, 11; II, 29, 6; II, 2, 3.

¹⁰ Надпись на мраморном карнизе II в. н. э. (JOSPE, I², 440).

¹¹ Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). Киев, 1978, с. 37 (№ 384—386).

¹² Античная скульптура Херсонеса (каталог). Киев, 1976, с. 20—24. (№ 22, 24—26, 29, 30).

¹³ Белов Г. Д. Терракоты Херсонеса из раскопок 1908—1914 гг.— Херсонесский сборник, вып. III, с. 233, 234 (№ 24 и 25).

¹⁴ САИ, М., 1970, вып. Г1—11, с. 70—77, табл. 10.

Г. М. НИКОЛАЕНКО

МЕЖЕВАНИЕ ПОЛЕЙ ХЕРСОНЕССКОЙ ХОРЫ

На пригородной хоре Херсонеса, расположенной на Гераклеюмском полуострове, насчитывается несколько сот наделов¹. Из них приблизительно 350 наделов имели средние размеры: 630 × 420 м, около 30 наделов — 420 × 420 м. Несколько наделов, расположенных на морском побережье и вдоль так называемой страбоновой дороги, связывавшей Херсонес с поселением на Маячном полуострове, имели неправильную форму и нестандартные размеры.

При топографической корректировке карты, составленной по материалам аэрофотосъемки, удалось выявить внутреннюю размежевку 180 наделов² (рис. 1).

В большинстве случаев каждый надел был разделен внутри оградами из бутового камня на равные поля размером 210 × 210 м. Эти поля в свою очередь разделялись на более мелкие участки таким образом, что весь надел оказывался разбитым по длинной стороне на 12, а по короткой — на восемь равных частей. Такое внутреннее разделение надела отмечал ранее В. Д. Блаватский³. Теоретически надел был разбит на 96 полей размером 52,5 × 52,5 м. Но поскольку внутренняя размежевка всегда зависела от многих факторов,

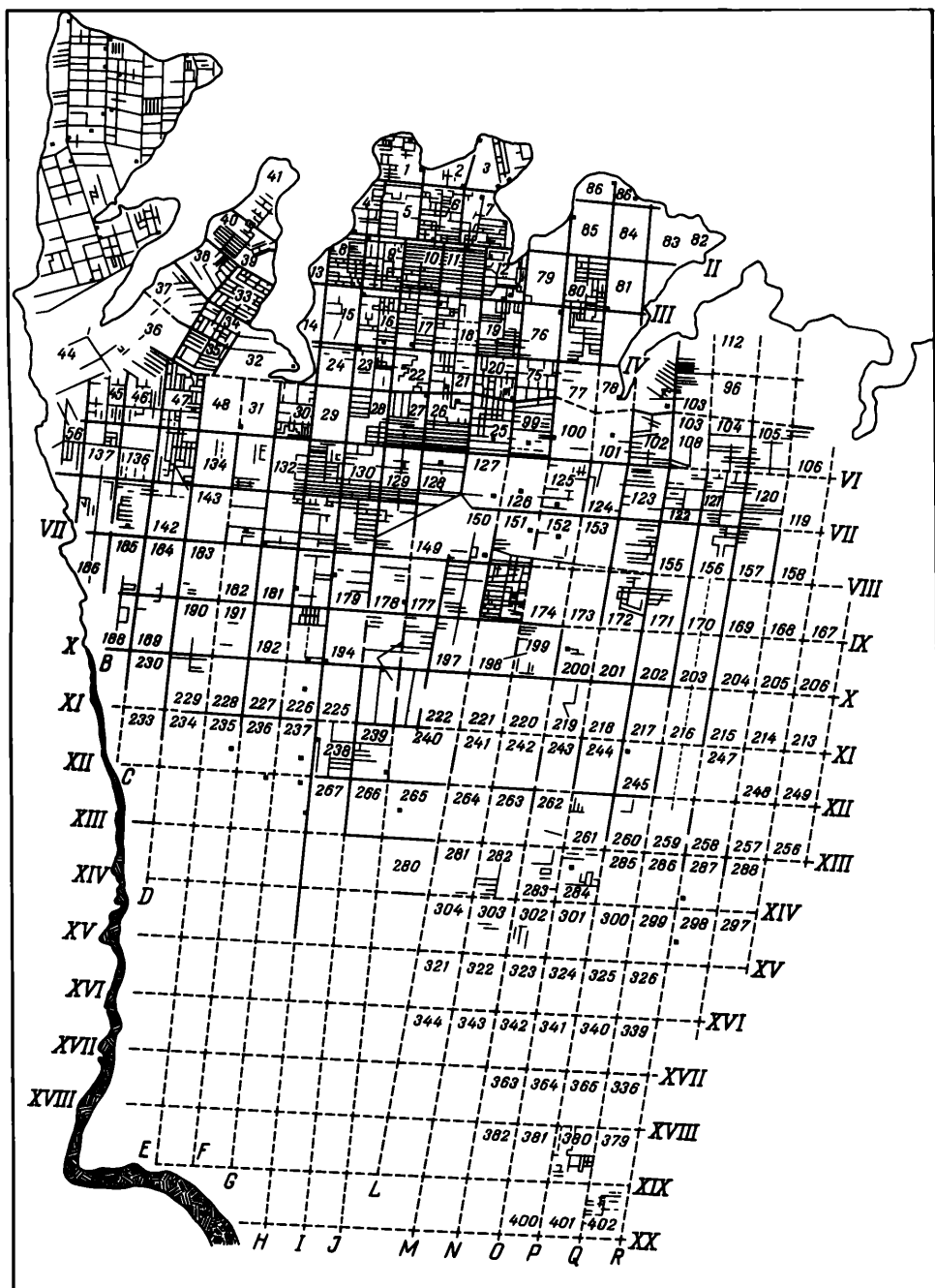

Рис. 1. Размежевание земель на ближней хоре Херсонеса

в том числе и от рельефа местности, на сохранившихся наделах удалось зафиксировать поля различной площади.

Размеры наибольшего числа полей кратны величинам 52,5 и 35. В метрической системе эти величины точно равны 100 египетским локтям и 100 египетским футам соответственно. Вероятно, эти единицы были модулями, использованными при межевании.

Попытаемся определить единицу площади, лежавшую в основе размежевания полей.

В. Д. Блаватский считал, что у Страбона есть косвенное указание на использование в Херсонесе и на Боспоре в качестве единицы площади плетра, равного 950 кв. м⁴. Действительно, у Страбона (VII, 3, 19) имеется упоминание о применении в Северном Причерноморье меры площади — плетра, но

Размеры полей, обусловленные рельефом

№ п/п	м	га	№ п/п	м	га
1	52,5×52,5	(0,25)	7	420×420	(17,6)
2	52,5×105	(0,5)	8	420×630	(26,4)
3	52,5×210	(1,1)	9	52,5×70	(0,37)
4	105×210	(2,2)	10	52,5×59	(0,31)
5	210×210	(4,4)	11	50×50	(0,25)
6	210×420	(8,8)	12	52,5×35	(0,18)

Размеры полей в египетских мерах

№ п/п	Локти	№ п/п	Футы	№ п/п	Локти	№ п/п	Футы
1	100×100	1	150×150	7	800×800	7	1200×1200
2	100×200	2	150×300	8	800×1200	8	1200×1800
3	100×400	3	150×600	9	100×133	9	150×200
4	200×400	4	300×600	10	100×112	10	150×168
5	400×400	5	600×600	11	95×95	11	143×143
6	400×800	6	600×1200	12	100×66,6	12	150×100

Площади участков

№ п/п	Плетр	кв.м	№ п/п	Плетр	кв.м
1	2,25	(2756,25) ⁵	7	144	(176400)
2	4,5	(5512,5)	8	216	(264600)
3	9	(11025)	9	3	(3675)
4	18	(22250)	10	2,5	(3097,5)
5	36	(44100)	11	2	(2500)
6	72	(88200)	12	1,5	(1837,5)

без указания его величины. Известно, что плетр (как мера площади) равен 100 футам в квадрате. Если предположить, что херсонесский плетр равен 100 египетским футам в квадрате, то в метрической системе мер его величина соответствует 1225 кв. м.

На наделах Гераклейского полуострова отмечена следующая повторяемость полей: 2,25 плетра — 100 раз; 4,5 плетра — 500 раз; 9 плетров — 570 раз; 18 плетров — 11 раз; 36 плетров — 570 раз; 72 плетра — 300 раз; 108 плетров — 7 раз; 144 плетра — 8 раз.

На Маячном полуострове площадь надела равнялась в основном 144 плетрам (17,6 га). Всего на Маячном полуострове было чуть больше 20 таких наделов⁶.

На наделах Маячного полуострова по данным аэро- и топосъемки поля размером по 2,25 плетра встречены 7 раз; по 4,5 — 4; по 9 — 22; по 18 — 30; по 36 — 70; по 72 плетра — 4 раза.

При сравнении данных по Гераклейскому и Маячному полуостровам, видно, что на Гераклейском полуострове на наделах общей площадью 216 плетров (26,4 га) наибольшее число внутренних полей имело площадь 36,9, 4,5 и 72 плетра. На наделах Маячного полуострова общей площадью в 72 плетра преобладали поля по 36; 18 и по 9 плетров. Поля площадью в 4,5 плетра практически отсутствуют. При сравнении становится очевидным, что на ближней херсонесской хоре преобладали поля площадью 36 плетров (4,4 га) и 9 плетров (1,1 га).

На дальней хоре Херсонеса (в Западном Крыму) в округе Калос Лимена наделы имели размеры в среднем по 420 × 210 м⁷ или 72 плетра (рис. 2). Наделы в округе Керкинитиды⁸ предположительно имели такую же площадь и внутреннюю планировку, что и наделы на Гераклейском полуострове: 216 плетров. На остальной территории дальней хоры наделы имели следующие площади⁹: у мыса Ойрат — 108 плетров (13,2 га) — реконструкция; в районе Южно-Донузлавского поселения — 144 плетра (17,6 га); в районе Лазурного — Окуневки I — 144 плетра; в районе Кульчукского городища — 288 плетров (35,2 га); в районе поселения Аирчи — 432 плетра (53 га).

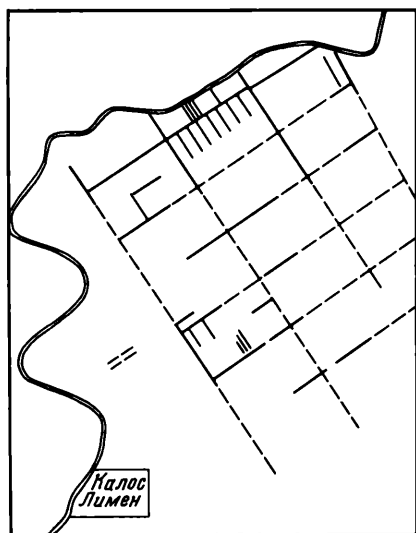

Рис. 2. Размежевание земель в округе Калос Лимена

хоре было кратным. Это свидетельствует о том, что хора была размежевана с применением единого модуля. В основе этого модуля лежал египетский фут (0,35 м). Площадь полей, возможно, измерялась плетром, равным 100 египетским футам в квадрате (1225 кв. м).

Таким образом, каждый надел херсонесской хоры был разделен на поля. Площадь наименьшего из них 2,25 плетра. Эта площадь была, по-видимому, минимальной расчетной единицей при размежевании территории землемерами. Так как на Херсонесской хоре наиболее часто встречаются поля размерами в 4,5; 9 и 36 плетров, то можно предположить, что эти площади служили расчетными единицами при распределении земли между гражданами.

Проведенные метрологические исследования дают возможность наметить примерную схему межевания хоры Херсонеса. Оно происходило, вероятно, следующим образом. На местности, отведенной для межевания, землемерами была разбита сетка квадратов. Длина стороны одного квадрата составляла 150 египетских футов (52,5 м), а площадь — 2,25 плетра. Удваивая одну из сторон или обе стороны этой площади, землемер намечал поля площадью в 4,5; 9; 36; 72 и т. д. плетров. В результате, межевание территории позволяло выделять наделы любой (указанной) величины.

Поля были разделены между собой дорогами. Частота проведения дорог зависела от количества общей площади, подлежащей размежеванию, так как дороги занимали значительную площадь. Например, на Гераклеяском полуострове одна дорога занимала в среднем 10 га полезной площади (всего дорог на полуострове зафиксировано немногим более 40).

На Гераклеяском полуострове и, предположительно, в районе Керкинитиды, были проведены продольные дороги — с северо-запада на юго-восток через каждые три стадия (630 м) и поперечные — с северо-востока на юго-запад через каждые два стадия (420 м). Сеть дорог образовывала наделы площадью 216 плетров (26,4 га) каждый. Один такой надел состоял из 96 квадратов площадью 2,25 плетра каждый или из шести квадратов площадью 36 плетров.

Продольные и поперечные дороги на Маячном полуострове были проведены через каждые 2 стадия. Они образовывали наделы площадью 144 плетра каждый. Один надел состоял из четырех квадратов по 36 плетров.

На хоре Калос Лимена проведены продольные дороги через два стадия и поперечные — через один, образуя наделы в 72 плетра каждый.

В целом, на всех участках херсонесской хоры площадь, отводимая под дороги, занимала 3—3,5% общей площади размежеванной территории.

В результате проведенных метрологических исследований становится очевидным, что при межевании полей херсонесской хоры применялся единый принцип. Единая система планировки, в основе которой лежала одна и та же система линейных мер, свидетельствует о действии единой метрологической системы на территории всего Херсонесского государства и о контроле за этими действиями со стороны государства.

Внутренняя планировка наделов также имела характерные размеры полей, в основном по 4,5 плетра (0,55 га)¹⁰. Предположительно существовали поля площадью в 9 плетров (1,1 га) и 13,5 плетра (1,6 га)¹¹. Сравнивая размеры полей на ближней и дальней хоре Херсонеса (исключая Маячный полуостров), отметим, что общей для них была площадь поля, равная 4,5 плетрам. Принимая ее за единицу, выразим соотношение площадей последовательностью чисел:

поля на Гераклеяском полуострове — 2,25:4,4:9:18:36:72:108:144:216 = 0,5:1:2:4:8:16:24:32:48; в Западном Крыму — 4,5:9:13,5:72:108:144:216:288:432 = 1:2:3:16:24:32:48:64:96; на всей хоре Херсонеса — 0,5:1:2:3:4:6:8:16:24:32:48:64:96.

Последовательность чисел наглядно иллюстрирует, что соотношение полей на всей

- ¹ Наделом мы называем размежеванное на участки и ограниченное со всех сторон транспортными дорогами поле. В прежней терминологии надел назывался клером (*Стржеleckий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического, Симферополь, 1961). Но, как уже отмечалось в литературе (*Шеглов А. Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976, с. 49, примеч.), для этого нет достаточных оснований.
- ² Такой значительный материал удалось собрать в процессе составления автором топографической карты земельных наделов с их внутренней планировкой. Для этого были использованы также обмеры земельных наделов в западной части Гераклеяского полуострова, сделанные С. Ф. Стржеleckим, А. Н. Шегловым, в юго-восточной — Е. Н. Жеребцовым, и обмеры, проведенные автором работы в северной, северо-восточной, центральной, северо-западной и южной частях полуострова. В КСИА (1981, вып. 168, с. 11, рис. 1) опубликована только схема наделов на Гераклеяском полуострове, требующая дальнейшей разработки.
- ³ *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 57 и сл.
- ⁴ *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. с. 33.
- ⁵ Эта величина равна египетской ауре. На первый взгляд, было бы удобнее измерять площади наделов именно в этих единицах, тем более, что одной ауре равна площадь наименьшего поля. Мы не делаем этого из следующих соображений: греки при образовании той или иной системы мер могли заимствовать величину меры, но принцип образования меры оставался греческим. Подтверждением этому служит херсонесская мера площади — «гекаторюг» — квадрат со стороны в 100 оргий (1 оргия равна 6 футам). См.: *Николаенко Г. М.* Метрология Херсонеса Таврического в эллинистический период. Автореф. канд. дисс. Киев, 1983, с. 14.
- ⁶ Ср.: *Жеребцов Е. Н.* Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV—I вв. до н. э. — КСИА, 1976, вып. 145, с. 14.
- ⁷ *Шеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 89, 92.
- ⁸ Там же, с. 96, рис. 51 (чертеж Н. Ф. Романченко с дополнениями А. Н. Шеглова).
- ⁹ Там же, с. 88—101, рис. 46, 47, 51, 55, с. 101 табл.
- ¹⁰ Там же, с. 92.
- ¹¹ Там же, с. 87, рис. 43; с. 100, рис. 54, 3.

Ю. М. ДЕСЯТЧИКОВ

К ВОПРОСУ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДИНАСТИИ СПАРТОКИДОВ

Как известно, в 438-437 г. до н. э., по данным Диодора (XII, 31, 1), на Боспоре произошло важное историческое событие: на смену власти Археонактидов пришла новая династия Спартокидов, которая царствовала на Боспоре более 300 лет. Кто был Спарток, основатель этого рода, каково его этническое происхождение, из какого социального слоя он вышел, какова его связь с Археонактидами, мирный или насильственный характер носила передача власти на Боспоре из рук Археонактидов к Спартокидам? Прямого ответа на поставленные вопросы нарративные источники не дают. Поэтому среди исследователей, изучающих историю Боспорского царства, существуют различные точки зрения по вопросу о происхождении династии Спартокидов и дается различная интерпретация довольно скудной информации, относящейся к этой проблеме.

С этнической точки зрения происхождение новой боспорской династии трактовалось как фракийское (Г. Перро, Г. Гайер, В. Ф. Гайдукевич, А. В. Мишулин, О. В. Кудрявцев, Г. Вернер, Х. М. Данов и другие), скифское (С. А. Жебелев, Д. П. Каллистов), синдо-меотское (Дюбуа де Монпере, М. И. Ростовцев, М. И. Артамонов, В. Д. Блаватский, Г. А. Цветаева, И. И. Руссу и другие), эллинское (А. А. Сибирский, Т. В. Блаватская, И. Б. Брашинский, А. И. Болтунова, Н. К. Сопова). Подробное изложение всех этих гипотез, критический анализ аргументации исследователей заняло бы много времени и места¹, поэтому в данной статье мы ограничимся лишь попыткой выяснения некоторых частных аспектов этой проблемы; во-первых, рассмотрим как смотрели греческие историки на происхождение династии Спартокидов. Единственным местом, в какой-то степени проливающим свет на этот вопрос, является фраза Страбона (VII, 38), который ссылаясь на Хрисиппа, писателя III в. до н. э., приводит рассуждение о высоких моральных качествах, свойственных некоторым варварам, в частности скифам, персам, египтянам и другим негреческим народам, и в качестве примера таких добродетельных варваров называется боспорский царь Лев-

кон — «Смотри также, что говорит Хрисипп о боспорских царях, именно о Левконе (перевод В. В. Латышева) — ὄρα δὲ καὶ ἃ λέγει Χρῦσιππος περὶ τῶν τοῦ Βοσπόρου βασιλέων πῶν περὶ Λεύκωνα.

Однако трактовка этой фразы Страбона вызвала дискуссию среди антиковедов. Для В. Ф. Гайдукевича и Д. П. Каллистова эта фраза Страбона является главным аргументом в пользу варварского происхождения династии Спартокидов: «... с точки зрения греческих писателей, Спартокиды по своему происхождению не были эллинами». Довольно решительно против этого перевода В. В. Латышева и, соответственно, трактовки Спартокидов, в частности Левкона, варварами, выступила Т. В. Блаватская². Она полагает, что выражение οἱ περὶ Λεύκωνα не обязательно понимать как периферическое, имеющее целью упомянуть именно Левкона. Такое толкование основывается на более поздних текстах (например, Плутарх) и предлагает исходить из обычного понимания οἱ περὶ τινὰ как «люди, находящиеся при ком-то, под начальством кого-то». Т. В. Блаватская предлагает переводить данное место из «Географии» Страбона как «царей из окружения Левкона», понимая под ними варварских царей, подвластных Спартокидам. Однако такая трактовка сообщения Страбона вызвала возражение со стороны Л. И. Грацианской³, которая обратила внимание на то, что сам термин βασιλεύς в VII книге Страбона почти не употребляется, а относительно вождей варварских племен, подчиненных Боспору, обычно употреблялись специальные термины ἡγεμόνες, δυνασταὶ или σκελτοῦχοι. Весьма существенным нам представляется так же замечание Ю. Г. Виноградова⁴, отметившего что выражение τῶν τοῦ βοσπόρου βασιλέων носит не географическое, а политическое значение — «цари Боспора», в смысле «царствующие над Боспором». Ими могли быть только Спартокиды.

Поэтому в разбираемой выше фразе Страбона, как нам представляется, скорее всего речь идет именно о боспорских царях из рода Левкона, который был наиболее известным царем из династии Спартокидов. Не случайно, что в сочинении Клавдия Элиана (автора II — начала III в. н. э.) «Различные истории» (VI, 13) упоминаются боспорские тираны из династии Левконидов (τῶν Λευκωνίδων περὶ βοσπόρου), власть которых сравнивается с тиранией Гиерона в Сицилии и Кипселидов в Коринфе.

Таким образом, видно, следует согласиться с мнением В. Ф. Гайдукевича и Д. П. Каллистова, что с точки зрения греческих писателей династия Спартокидов была скорее всего варварского происхождения.

Распространенная в нашей историографии — точка зрения, что имена боспорских царей и их родственников, такие, например, как Спарток, Перисад, Камасария, являются фракийскими по своему происхождению и подчеркивается, что аналогичные имена носили в ту же эпоху члены фракийской царской династии Одрисов (В. Ф. Гайдукевич, Д. П. Каллистов и др.). Нам представляется, что и этот вывод исследователей далеко не бесспорен. Так, уже В. Д. Блаватский в статье «Об именах Спартокидов»⁵, вслед за Ф. Юсти и Э. А. Грантовским, поставил вопрос об ираноязычности имени Перисада, подкрепляя этот тезис ссылкой на женское имя Парисатис (Парисатида), жены Дария II, о которой сообщает Ксенофонт в «Анабасисе» (I, 1, 1). Имя Перисад иранистами этимологически объясняется как «обеспечивающий изобилие» или «победоносный»⁶. Имя Камасария, которое носит супруга царя Перисада, также имеет иранский характер и переводится с древнеиранского языка как «властолюбивая»⁷ или «имеющая непокрытую голову»⁸.

Однако фракоязычный характер имени Спартока до сего времени не подвергался сомнению. Это «фракийское» имя является главным аргументом для сторонников фракийского происхождения родоначальника боспорской правящей династии (Перро, Латышев, Гайдукевич и др.), который был предводителем фракийских наемников и захватил власть, устранив с боспорского престола Археанактидов. Действительно, имя Спарток идентично одрисскому имени Спарадок. Но позволительно задать вопрос: относится это имя к ономастике собственно фракийского круга или является заимствованием из иноязычной среды, в частности скифской? Основанием для постановки такого вопроса являются следующие аргументы. При раскопках Дуванлийского могильного некрополя, в одном из курганов V в. до н. э., было открыто богатое захоронение, в инвентаре которого находился золотой перстень с именем собственника —

Скифодок. Это имя вызвало оживленную дискуссию среди болгарских ученых (Д. Дечев, В. Георгиев, К. Влахов, Ж. Велкова)⁹.

Весьма интересным в этой дискуссии является мнение, высказанное болгарским лингвистом К. Влаховым, который считает суффиксы — тохос-дохос, не фракийского, а ирано-малоазийского происхождения¹⁰. Имя Скифодок рассматривается как отражение влияния скифского мира¹¹. Нам хорошо известны брачные династийные связи скифского царского дома с фракийским: например, согласно Геродоту (IV, 80), брат Скила Октамасад был сыном дочери одрисского царя Тереса, который, видно, отдал свою дочь царю скифов Ариапифу при заключении дружеского союза. Античная традиция свидетельствует о проникновении скифских племен в конце VI в. до н. э. на Балканский полуостров, что подтверждается многочисленными находками скифских вещей на Балканском полуострове (в частности, в Добрудже) вплоть до южной части Болгарии¹². Весьма существенно и то обстоятельство, что с конца VI в. до н. э. в Добрудже появляется скифская лепная керамика, которая дает основание полагать и сам факт наличия скифов в этом регионе. Исходя из вышеизложенного можно в порядке постановки вопроса высказать предположение, что такие имена одрисского царского дома как Берисад (Перисад), Спарадок (Спарток) являются следствием влияния ономастикона скифского (иранского) круга. Основываясь на этом можно попытаться дать предположительную этимологию имени Спартока (или Спартака, как его называет Диодор), исходя из форм скифского языка, который частично реконструирован известным иранистом В. И. Абаевым.

В первой части слова *srag* — можно видеть грагол «наступать», «давить», во второй — *taka* — прилагательное «сильный», «стремительный»¹³. Таким образом, этимологический смысл этого иранского (скифского?) имени Спарток можно понимать как «наступающий стремительно» или «давящий силой», что вполне могло соответствовать физическим или психическим данным основателя династии Спартокидов.

Исходя из вышеизложенного, нам представляется возможным считать Спартока I выходцем из среды эллинизированной скифской аристократии¹⁴ Восточного Крыма, представители которой уже во второй половине V в. до н. э. вошли в состав греческого населения Пантикапея и Нимфея, о чем свидетельствуют их захоронения на территории некрополей этих городов¹⁵. Именно с приходом к власти Спартокидов Боспор активизировал внешнюю политику, в результате которой в состав Боспорской державы вошли местные племена Европейского и Азиатского Боспора, и начался интенсивный процесс взаимодействия греческих и местных элементов в культурно-экономической жизни, что и дало возможность некоторым ученым (М. И. Ростовцев, С. А. Жебелев, В. Д. Блаватский и др.) сблизить Боспор с эллинистическими государствами Древнего мира. Но независимо от того, кто был по своей этнической принадлежности Спарток, основанная им династия боспорских правителей выражала и пыталась осуществлять интересы греко-варварской аристократии Боспора до самого конца своего существования, когда последний потомок Спартока I царь Парисад V, передав власть Митридату Евпатору, пал от руки вождя восставших боспорских скифов — Савмака.

¹ Подробный анализ всех этих гипотез дается в кн.: Соколова Н. К. К вопросу об установлении династии Спартокидов на Боспоре.— УЗ МОПИ им. Н. К. Крупской, 1971, т. 288, вы. 13, с. 40; Васильев А. И. К вопросу о синдо-меотском происхождении Спартокидов (анализ, гипотезы).— В кн.: Социально-политическая история СССР. М.; Л., 1974, с. 145—171. Это обстоятельство освобождает нас от детального рассмотрения всех гипотез о происхождении Спартокидов.

² Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959, с. 40.

³ Грацианская Л. И. Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976, с. 13.

⁴ Vinogradov J. G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jahrhundert.— Chiron. München, 1980, Bd. X, S. 97.

⁵ Блаватский В. Д. Об именах Спартокидов.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 56—58.

⁶ Justi F. Iranische Namenbuch. Leipzig, 1895, S. 237, 238.

⁷ Zgusta Z. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 148.

⁸ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949, с. 169.

⁹ Велкова Ж. Скифское влияние на личные имена Фракии (V в. до н. э.).— В кн.: Studia Thracica. София, 1975, 1, с. 139—141.

¹⁰ Vlahov K. Sind die Wortteile — tokos, Sokos u. ä. die in zweistammigen P. N. thracisch?— Ziva antiká, 1966, XV, 2, S. 311, 312.

В другой своей работе «Тракийски лични имена. Фонетико-морфологични проучвания» (*Studia Thracica*. София, 1976, 2, с. 71) Кирилл Влахов прямо считает иранским имя «Спарадок», связывая его появление во фракийском ономастиконе с ахеменидским влиянием.

¹¹ *Велкова Ж.* Скифское влияние..., с. 140, 141.

¹² *Мелюкова А. И.* Скифия и Фракийский мир. М., 1979, с. 238—254.

¹³ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, с. 182, 184.

¹⁴ *Жебелев С. А.* Боспорские этюды.— В кн.: Северное Причерноморье. М., 1953, с. 14.

¹⁵ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925, с. 389—394. Вполне возможно, что скифские предки Спартака в начале V в. до н. э. появились из Фракии и Восточном Крыму и этим предположением в какой-то степени можно объяснить некоторые фракийские элементы в культуре и идеологии Боспора эпохи Спартокидов.

А. В. САЗАНОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОДНОЙ ГРУППЫ БОСПОРСКИХ РИТУАЛЬНЫХ ТЕРРАКОТ

Боспорские ритуальные терракоты, относящиеся к культу верховного женского божества,— так называемые гротески с подвесными ногами являются наименее изученной группой боспорской коропластики первых веков нашей эры. Они не были предметом специального исследования, начиная с 1948 г., когда была защищена кандидатская диссертация И. Д. Марченко «Боспорская ритуальная терракота в связи с религией Боспора I—IV вв. н. э.»¹ Известно около 150 терракот этой группы², но опубликовано чуть более 30³.

Все исследователи, так или иначе затрагивавшие в своих работах терракотовые фигурки рассматриваемой группы, довольно единодушно подчеркивали примитивный, варварский характер статуэток и относили их к негреческим культам Боспора римского времени. В дореволюционной литературе этого взгляда придерживались С. А. Усов⁴, А. М. Подшивалов⁵, В. В. Стасов⁶, Д. Н. Анучин⁷, М. И. Ростовцев⁸. В советской историографии эту точку зрения приняли В. Ф. Гайдукевич⁹, А. П. Иванова¹⁰, И. Т. Кругликова¹¹. К аналогичному выводу пришла и И. Д. Марченко¹².

Такая интерпретация основывается на бытующем в литературе мнении об отсутствии аналогий этим статуэткам на территории античной метрополии. Как следствие делается вывод о нетипичности таких статуэток для античного мира, их чуждости античным художественным и религиозным концепциям. Интерпретация этих статуэток упирается в решение вопроса об их происхождении. Этой проблеме и посвящена настоящая статья.

Главной характерной чертой изучаемых боспорских ритуальных терракот является весьма своеобразная конструкция этих статуэток (рис. 1). Они имеют полый корпус с тремя отверстиями: два снизу, по бокам корпуса и одно в темени. Два нижних боковых отверстия служили для крепления подвесных ног и фалла, в верхней части которых также имелись отверстия для продевания нити, шнура или стержня. Руки и голова статуэток прикреплены к корпусу и оставались неподвижными. Такое устройство действительно довольно необычно, но не чуждо античной терракоте. Подвесные члены, а также три отверстия в корпусе имели античные куклы и марионетки.

Куклы были хорошо известны в античном мире¹³. К. Эльдеркинг ведет их историю с VI в. до н. э. Часты находки кукол, датируемые V в. до н. э. и несколько более поздним временем¹⁴. Таковы статуэтки из Олинфа. Публикуя краткую сводку этих статуэток, Д. Робинсон указывает, что куклы находят преимущественно в могилах или в храмах, посвященных Артемиде, Афродите, Афине или Деметре¹⁵. Однако большинство из известных кукол были женскими, мужские же не имели фалла¹⁶. Боспорские ритуальные терракоты, напротив, почти все мужские статуэтки с подчеркнутым фаллом. Кроме того, руки у кукол были подвижными¹⁷. Это также отличает их от боспорских ритуальных терракот, у которых подвижными были только ноги и фалл. Принимая во внимание эти различия, можно сделать вывод, что античные куклы не могли быть прототипом боспорских ритуальных терракот круга верховного женского божества.

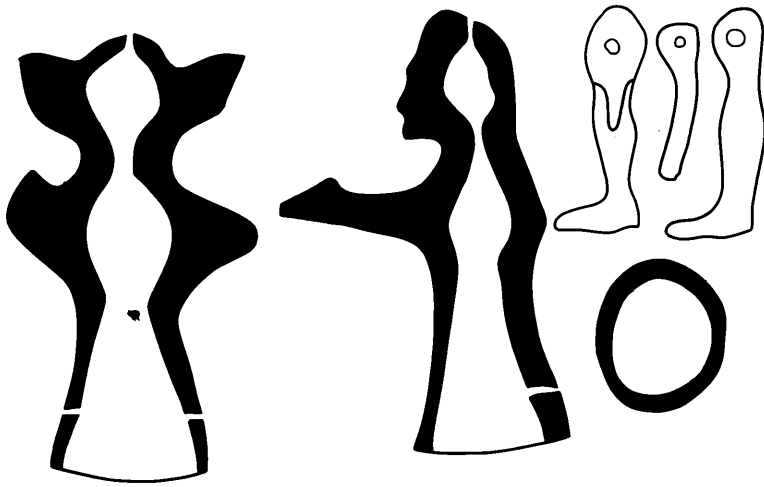

Рис. 1. Боспорская ритуальная терракота круга верховного женского божества (разрезы); ГИМ, инв. № 23931

Марионетки представлены в античной коропластике в основном мужскими фаллическими статуэтками, хотя изредка встречаются и гермафродиты. Различаются несколько типов марионеток в зависимости от их конструкции. Античные авторы упоминают об одной из групп марионеток, которые назывались невроспастами. Они были настолько популярны, что однажды в Афинах сцена театра Диониса была представлена некоему Потейну для представления невроспастов. Псевдо-Аристотель и Ксенофонт свидетельствуют, что такие марионетки приводились в движение с помощью шнуров, причем у этих статуэток подвижными были не только ноги, но и руки, шея и даже глаза¹⁸.

Вероятно, именно невроспастами были статуэтки механического театра Герона¹⁹. По-видимому, к кругу невроспастов принадлежат известные мирмекийские терракоты, датирующиеся II—I вв. до н. э.²⁰ Однако у невроспастов, так же как и у кукол, руки были подвижными. Следовательно, невроспасты также не являются прототипами боспорских ритуальных терракот круга верховного женского божества, хотя они гораздо ближе к ним, чем куклы.

Существовала и другая группа марионеток. Они также имеют три отверстия в корпусе, подвесные ноги и фалл. Руки у них не были подвижными как и у боспорских ритуальных терракот. Такие марионетки были найдены в итальянских городах²¹, Афинах²², Селевкии на Тигре²³, Кипре²⁴, Египте²⁵, Каппадокии²⁶, Ольвии²⁷, Херсонесе²⁸, а также на территории Боспорского царства²⁹ (рис. 2).

Марионетки из Помпей, найденные 21 марта 1853 г., по мнению Х. Родена, относятся к началу нашей эры. Статуэтки имеют три отверстия: два снизу по бокам статуэтки и одно в темени. Через оба нижних отверстия проходил бронзовый стержень, на котором висели подвесные ноги. Аналогичная фигурка происходит из Капуи. Руки прикреплены неподвижно к телу, причем одна рука отведена в сторону. Сохранились подвесные ноги, висящие на стержне, продевом через боковые отверстия. В верхнее отверстие в темени вставлена бронзовая металлическая петля, служившая для подвешивания статуэтки³⁰.

Аналогичные по устройству статуэтки были найдены в Афинах³¹ и Селевкии на Тигре³², где они датируются тем же временем, что и некоторые боспорские ритуальные терракоты — II в. н. э. Ко II—I вв. до н. э. относятся аналогичные по конструкции статуэтки из Мирины, Тарса и южноиталийских городов³³. Некоторые статуэтки с подвесными ногами изображают восточного танцора. Исследователи считают, что этот иконографический тип восходит к изображению мистического танца Аттиса³⁴.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что конструкция этой группы марионеток идентична конструкции боспорских ритуальных терракот круга верховного женского божества, что свидетельствует об их генетической связи. Возникает вопрос, где была родина этих марионеток и каким образом они получили распространение на Боспоре.

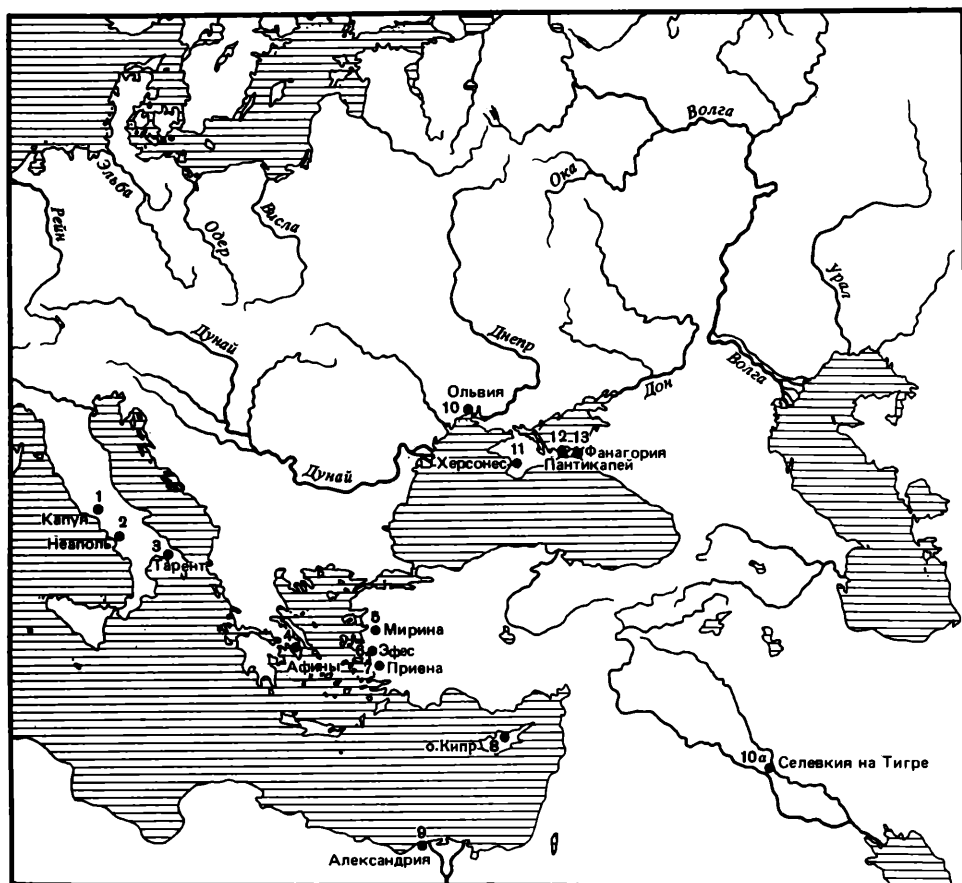

Рис. 2. Места находок терракот с подвесными ногами

Принципиальное значение имеют даты и места находок наиболее ранних марионеток. Статуэтки из Афин³⁵, Селевкии на Тигре³⁶, Помпей³⁷, Ольвии³⁸ датируются I—II вв. н. э. Наиболее ранние пантикапейские марионетки синхронны южноиталийским и датируются концом II—I вв. до н. э.³⁹

Окончательный ответ на вопрос о месте первоначального производства марионеток и их судьбе на Боспоре дает рассмотрение марионетки, изображающей мима, из собрания ГИМ⁴⁰. Статуэтка была найдена в Керчи. Глина имеет желтовато-коричневый оттенок и определяется И. Д. Марченко как италийская⁴¹. Иконография также типична для изображения италийского мима⁴². Следовательно, италийская статуэтка была завезена в Пантикапей.

При раскопках горы Митридат в 1948, 1949, 1958, 1959 и 1960 гг. были обнаружены части аналогичных статуэток, чуть меньших по размеру, но в точности повторяющих италийскую статуэтку из ГИМ⁴³. Уменьшение размеров объясняется техникой копирования, при которой форму для последующей серии статуэток снимали с одного из экземпляров предыдущей⁴⁴.

Таким образом, можно констатировать следующее. Боспорские ритуальные терракоты генетически связаны с боспорскими марионетками, которые в свою очередь были скопированы с италийских образцов во II — начале I в. до н. э. Представляется возможным выделить италийские терракоты, служившие прототипами боспорских ритуальных фигурок. Так, статуэтки воинов во фригийских колпаках восходят к капуанским терракотам⁴⁵, о статуэтках в виде мима уже говорилось выше. Некоторые фигурки, как например, статуэтки мужчины, толкущего в ступке зерно, имеют своим прототипом терракоты Малой Азии⁴⁶. Однако возможно ли превращение марионетки в культовую статуэтку?

На наш взгляд, противопоставление античных театральных и культовых представлений неправомерно. Тесная связь театра с культом общеизвестна. Своим происхождением античный театр обязан культу Диониса. Первоначаль-

но драма входила в состав земледельческих культовых обрядов⁴⁷. Известно, что в состав Элевсинских мистерий входило разыгрывание священной драмы⁴⁸. Актеры часто участвовали в культовых представлениях. Так, знаменитый Норбан Сорикс принимал участие в культовых представлениях в честь египетской богини Исиды⁴⁹. Да и темами большинства античных пьес были мифы. Даже одежду для мистерияльных священнодействий элевсинские жрецы заимствовали у актеров⁵⁰. Следовательно, превращение театральной марионетки в культовую статуэтку вполне возможно. Теперь постараемся выделить те моменты в италийской комедии, которые обуславливают возможность такой эволюции.

Родиной мимических представлений (или мимов) были Сицилия, первоначально они появились в Сиракузах, откуда позже, через ателлану, проникли в Рим. Первый прозаический мим был сочинен Софронием еще в V в. до н. э.⁵¹ Одним из видов этого зрелища был мифологический мим, изображавший пародийные сцены из античной мифологии. Особенно популярен мифологический мим в комедии флиаков⁵².

О сюжетах театра флиаков — италийской народной комедии — можно судить на основании некоторых данных античных авторов, однако основную информацию дают так называемые вазы флиаков⁵³. Эти вазы появились в 380—340 гг. до н. э. в Апулии, а несколько позже в Пестуме, Капуе и Сицилии⁵⁴. На этих вазах очень часто изображаются мифологические сцены. Особенно популярны были вазы с изображениями Зевса и Геракла⁵⁵. Геракл был любимым героем флиаков, он изображался с подчеркнуто большим фаллом⁵⁶. Фалл был непременным атрибутом театра флиаков в отличие от ателланы, где он отсутствовал⁵⁷. В этой связи представляется возможным привести в качестве доказательства преемственности италийской комедии и боспорских ритуальных терракот статуэтку Геракла с подвесными ногами и фаллом⁵⁸.

Как явствует из сказанного выше, в южноиталийской народной комедии флиаков, персонажи которой лежат у истоков боспорских ритуальных терракот, был очень силен мифологическо-религиозный элемент. Это и дало возможность эволюции театральной марионетки в культовую статуэтку.

Происхождение боспорских ритуальных терракот круга верховного женского божества представляется в следующем виде. В эпоху позднего эллинизма в Южной Италии появляются статуэтки с подвесными ногами и фаллом, руки и голова которых неподвижны. Они изображают мимов. Генетически такие статуэтки связаны с театром флиаков, в котором в очень сильной степени присутствовал религиозно-мифологический элемент. В I в. до н. э. — I в. н. э. и южноиталийские статуэтки с подвесными ногами распространяются за пределы Италии. Они появляются в городах Малой Азии, Афинах, Селевкии на Тигре, Северном Причерноморье. Одна из таких статуэток попадает в Пантикапей, где с нее снимаются формы для производства таких статуэток на Боспоре. Так возникает боспорская марионетка, которая ко второй половине II в. н. э. превращается в ритуальную терракоту, тесно связанную с синкретическим культом верховного женского божества. Таким образом, боспорские ритуальные терракоты рассматриваемого типа не являются чуждыми античной коропластике. Истоки этих статуэток лежат не в варварском, а в античном мире.

¹ Марченко И. Д. Боспорская ритуальная терракота в связи с религией Боспора I—IV в. н. э. М., 1948. — Архив ИА АН СССР, д. № 754.

² Марченко И. Д. Боспорская ритуальная терракота..., с. 169—182; И. Д. Марченко учтено 126 терракот, но сюда не включены изображения богини.

³ Марченко И. Д. Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея. — САИ, М., 1974, Г1—11, ч. III, табл. 54, 1—8, табл. 55, 1—8, табл. 56, 1—8, Денисова В. И. Коропластика Боспора. Л., 1981, табл. XXIV, а, б, XXVI а—е; Петерс Б. Г. Терракоты из городища у с. Михайловка. — САИ, М., 1970. Г1—11, ч. II, табл. 54, 4; Кругликова И. Т. Терракоты из Горгиппии. — САИ, М., 1974, Г1—11, табл. 56, 1, 3.

⁴ Усов С. А. Протокол № 211. — Древности, 1885, X, с. 58, 59.

⁵ Подшивалов А. И. Протокол № 208. — Древности, 1885, X, с. 50, 51.

⁶ Стасов В. В. Катакомба с фресками, найденная в 1872 г. близ Керчи. — ОАК за 1872 г., с. XVIII.

⁷ Анучин Д. Н. О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России. М., 1887, с. 26.

⁸ Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, с. 178; Он же. Скифия и Боспор. М.; Л., 1925, с. 175, 240.

⁹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949, с. 391.

- ¹⁰ Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953, с. 166.
- ¹¹ Кругликова И. Т. О культуре верховного женского божества на Боспоре во II—III в. н. э.— Культура античного мира. М., 1966, с. 114.
- ¹² Марченко И. Д. Боспорская ритуальная терракота..., с. 127—132.
- ¹³ Dorig J. Von griechischen Puppen.— Antike Kunst, 1958, H. 2, S. 41—52.
- ¹⁴ Elderking K. Jointed dolls in antiquity.— AJA, 1930, 34, p. 455—461.
- ¹⁵ Robinson D. M. Excavations at Olynthus. Baltimore; London; Oxford, 1941, vol. 10, p. 17.
- ¹⁶ Марченко И. Д. Боспорская ритуальная терракота..., с. 64.
- ¹⁷ У всех кукол руки прикреплены к корпусу металлическими крючками. Статуэтки — куклы см.: Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982, табл. 41, с. 106.
- ¹⁸ Reich H. Der mimus. Ein litteratur-entwicklungsgeschichtlicher Versuch. Berlin, 1903, S. 669—671.
- ¹⁹ Варнеке Б. В. История античного театра. М., 1940, с. 150. Там же ссылка на перевод.
- ²⁰ Денисова В. И. Корoplastика Боспора, с. 77, 78, табл. XIII, з.
- ²¹ Rohden H. Die terracotten von Pompeji. Stuttgart, 1980, S. 56.
- ²² Grandjouan S. Terracottas and plastic lamps of the Roman period.— The Athenian Agora. Princeton, 1961, vol. 6, p. 58, n. 492—495.
- ²³ Ingen W., van. Figurines from Seleucia on the Tigris.— Michigan. London, 1939, p. 26, n. 562—567, 604—612, pl. XXXIX, 282—284, XVII, 301—308.
- ²⁴ Heuzey L. Les figurines de terre cuite du Musee du Louvre.— Paris, 1923, pl. XVII, 7, 181, 182.
- ²⁵ Perdrizet P. Les terres cuites grecques d'Egypte de la collection Fouquet. Paris, 1921, pl. 101.
- ²⁶ Rostowtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, pl. 1, 4.
- ²⁷ Скуднова В. М., Славин Л. М., Клейман И. Б. Описание терракот из Ольвии (города и некрополи).— САИ, М., 1970, Г1—11, ч. I, С. 55, № 64, табл. 37, 5.
- ²⁸ Херсонесский исторический музей, инв. № 4828. Из раскопок К. К. Костюшко-Валужинича.
- ²⁹ Марченко И. Д. О пантикапейских марионетках.— САИ, М., 1974, Г1—11, вып. III, с. 39—40, табл. 53, 2, 3.
- ³⁰ Rohden H. Die terracotten..., S. 56.
- ³¹ Grandjouan S. Terracottas and plastic lamps..., p. 58.
- ³² Ingen W., van. Figurines from Seleucia..., p. 26.
- ³³ Winter F. Die Typen der figurlichen terracotten. Berlin, 1903, Bd. I, S. 171, N 1—8, Bd. II, S. 159, N. 3, 5—7.
- ³⁴ Grandjouan S. Terracottas and plastic lamps..., p. 58.
- ³⁵ Ibid
- ³⁶ Ingen W., van. Figurines from Seleucia..., p. 26, n. 562—567, 604—612; о датировке слоев, в которых они найдены см. там же, с. 6.
- ³⁷ Rohden H. Die terracotten von Pompeij..., S. 56.
- ³⁸ Скуднова В. М., Славин Л. М., Клейман И. Б. Описание терракот из Ольвии..., с. 55, № 64.
- ³⁹ Марченко И. Д. Марионетки и культовые статуэтки..., с. 43, 44.
- ⁴⁰ САИ, М., 1974, Г1—11, ч. III, табл. 53, № 4.
- ⁴¹ Марченко И. Д. Боспорская ритуальная терракота..., с. 62.
- ⁴² Там же, с. 53—61.
- ⁴³ Хранятся в ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1948, № 207; 1958, № 1293; 1189; 1959, № 350; 1960, № 72, 697.
- ⁴⁴ Nicholls R. V. Type, group and series: a reconsideration of some coroplastic fundamentals.— BSA, 1952, N 47, p. 200.
- ⁴⁵ Rohden H. Die terracotten von Pompeij..., S. 56.
- ⁴⁶ Poulsen V. Catalogue des terres cuites grecques et romains. Copenhagen, 1949, pl. XXXVI, S. 55, XXXVII.
- ⁴⁷ Варнеке Б. В. История античного театра..., с. 12.
- ⁴⁸ Mylonas G. Eleusis and the Eleusinian mysteries. Princeton, 1961, p. 261, 262.
- ⁴⁹ Bieber M. The History of the Greek and Roman theater. Princeton, 1961, p. 165.
- ⁵⁰ Новосадский Н. И. Элевсинские мистерии. СПб., 1887, с. 57.
- ⁵¹ Bieber M. The History..., p. 106.
- ⁵² Reich H. Der Mimus..., S. 239.
- ⁵³ Bieber M. The History..., p. 129.
- ⁵⁴ Trendall A. D. Phlyak vases. London, 1953, p. 10.
- ⁵⁵ Trendall A. D. Phlyak vases..., p. 13.
- ⁵⁶ Bieber M. The History..., p. 131.
- ⁵⁷ Bieber M. The History..., p. 146.
- ⁵⁸ Петерс Б. Г. Терракоты из городища у с. Михайловка.— САИ, Г1—11, ч. II, с. 114, № 13, табл. 54, 4.

О РАБОТАХ МИХАЙЛОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (1963—1983 гг.)

Михайловская экспедиция Института археологии АН СССР с 1963 по 1983 г. проводила археологические разведки и раскопки памятников античного времени на Керченском полуострове¹.

В 1962 и 1974 г. были проведены археологические разведки античных памятников в районе м. Казантип и раскопки поселения античного времени у с. Мысовое², а также при участии Керченского историко-археологического музея³, было начато обследование и изучение античного городища на м. Зюк.

В 1963, 1966, 1969—1970 и 1980 гг. Михайловской экспедицией проводились разведки и раскопки курганный группы в районе с. Михайловка⁴.

В 1975—1977 гг. Феодосийско-Михайловская экспедиция ИА АН СССР при участии Феодосийского краеведческого музея расширила район своих исследований, проведя раскопки городских слоев средневековой Кафы и античной Феодосии, а также археологические разведки и раскопки сельских поселений и курганов этого района⁵.

В 1972 и 1980 гг. Михайловская экспедиция исследовала расположенное севернее городища поселение Михайловка II, а также были начаты работы на городище у с. Тасунова с целью выявления на местности обнаруженных нам в 1966 г. оборонительных стен⁶.

В 1981 г. при участии Керченского историко-археологического музея⁷ были исследованы культурные напластования античного времени в южной части с. Заветное, а на его некрополе были проведены обмеры склепа. У села Осавино силами экспедиции были проделаны разведочные работы на разрушаемом строителями античном городище. В 1982 г.⁸ были проведены зарисовки и обмеры разрушающегося в обрыве античного здания на Тиритакском городище.

В 1963—1975, 1978—1983 гг. продолжались раскопки античного городища у с. Михайловка⁹. Городище было расположено на вершинах и склонах семи холмов мыса, омываемого в древности с трех сторон рекой. Цитадель городища находится на вершине центрального холма и вывешается над урезом реки более чем на 30 м. Максимальная площадь, занимаемая поселением с прилегающими к нему усадьбами, по наблюдениям на местности, достигает 1 кв. км.

В результате проведенных археологических работ Михайловской экспедицией ИА АН СССР на территории исследуемого городища выявлено 7 культурных слоев. В данной статье мы делаем попытку увязать некоторые из этих слоев с происходящими в этом районе историческими событиями.

Наиболее ранние находки на городище относятся к эпохе мезолита, неолита и бронзы. При раскопках у материка, а также и в вышележащих культурных напластованиях городища встречаются многочисленные кремневые орудия и их обломки, скребки эпохи мезолита, сверленные топоры из диорита, антропоморфные надгробия II тысячелетия до н. э. и т. д. Некоторые из этих предметов имеют следы вторичного использования в более позднее время.

К периоду конца VI—V вв. до н. э. относится, по наблюдениям на местности, первая нарезка клеров в районе городища у с. Михайловка. Материал этого времени представлен на поселении фрагментами хиосских амфор и амфор с широкими полосами. Наличие клеров этого времени около городища у с. Михайловка и на других поселениях говорит в пользу того, что городам Боспора в конце VI—V вв. до н. э. удалось освоить и удерживать под защитой Узунларского вала этот район¹⁰, хотя к концу этого периода здесь происходят изменения.

К IV в. до н. э. (Iб) относятся остатки крепостных стен, сложенных из хорошо отесанных квадров и кристаллических глыб известняка. Этим же временем датируются на поселении остатки подпорных стен севернее центрального холма. Во время раскопок на склонах холмов были обнаружены ископаемые остатки корней крупных деревьев, а на возвышенной части поймы реки в земле — остатки деревянных свай. Среди археологических материалов этого слоя необходимо упомянуть обломки расписной штукатурки и чернолаковых сосудов, а также фрагменты протородосских, синопских, пантикапейских амфор.

Местоположение античного городища у с. Михайловка совпадает с описанием Диодором¹¹ местоположения «царской крепости» (τά βασιλεία), упоминаемой в связи с борьбой сыновей Перисада I (344—43—311/10) — Сатира II (311/10—310/09), Притана (310/09) и Эвмела (310/09—304/03). Эвмел вступил в дружеские отношения с некоторыми соседними варварами, его союзником стал царь фракийцев Арифари (Ἀριφάρητος ὁ τῶν Θρακῶν βασιλεύς), хотя в отношении этого места Диодора неоднократно высказывались предположения об ошибке и вместо фракийцев назывались другие народы (например, А. Бек и К. Мюллер). Мы же считаем, что текст Диодора здесь не испорчен при переписке и его надо читать дословно¹².

С этим слоем мы связываем остатки царской крепости, придерживаясь мнения П. А. Дюбрюкса¹³, который события, связанные с борьбой сыновей Перисада — Сатира II, Притана и Эвмела, помещает на европейской части Боспора (в районе городища у с. Ивановки). Мы же предполагаем, что остатки этой крепости находятся на Керченском полуострове, но не в районе с. Ивановка, а в районе городища у с. Михайловка. В этом убеждает, в частности, совпадение условий местности с описанием последних у Диодора¹⁴, а также археологические данные, полученные в результате раскопок, подтверждающие сходное расположение и устройство крепости.

Диодор пишет: «Те из воинов Арифарна и Эвмела, которые уцелели в сражении, бежали в царскую крепость; она стояла у реки Фата, которая обтекала ее и вследствие своей значительной глубины делала неприступной; кроме того, она была окружена ... огромным лесом, так что имела всего два искусственных доступа ... а другой был с противоположной стороны в болотах и охранялся палисадами; притом здание было снабжено прочными колоннами и жилые помещения находились над водой. ... С луговой стороны ему удалось овладеть деревянными укреплениями. Разгромив их и перейдя через реку, он начал вырубать лес, через который нужно было пройти к царской крепости»¹⁵.

В километре юго-восточнее городища на возвышенности в пойме реки был разбит раскоп ХХХ, в котором были обнаружены следы деревянных столбов — древних свай и остатков корней больших деревьев и фрагменты керамики эллинистического времени. Работы на раскопе ХХХ позволяют высказать предварительное предположение, что, возможно, здесь нами обнаружены остатки укреплений на речном острове, затапливаемом во время половодий, и в связи с этим на нем были возведены постройки на деревянных сваях.

Таким образом, у Михайловского городища, которое с трех сторон обтекает река, на луговой стороне, на острове обнаружены остатки деревянных свай, севернее, за рекой — остатки корней деревьев, отмеченных еще П. А. Дюбрюксом¹⁶, и обнаруженные во время раскопок на южных склонах городища, обращенных к реке. До сих пор вся местность заболочена и вброд перейти ее довольно трудно.

Северо-западнее городища, вдоль коренного берега реки, были обнаружены остатки мощных каменных стен, а на раскопе ХХVI — остатки фундаментов башни и ров. Диодор пишет: «... она была окружена высокими утесами ... из которых один, ведущий к самой крепости, был защищен высокими башнями и наружными укреплениями ... он сделал попытку вторгнуться силой через проходы, причем со стороны передовых укреплений и башен принужден был с потерей многих солдат отступить...»¹⁷. Высокие утесы скал окружали с западной части городище, вдоль реки, и были использованы строителями для каменно-набросной плотины, построенной на реке в 1965—1966 гг. До сих пор эти громадные глыбы видны в основании плотины, хотя большая часть скал была раздроблена. Следовательно, напротив южного лугового прохода, где до 1966 г. проходила проселочная грунтовая дорога, располагался северный проход с каменной башней и стеной, вскрытый раскопом ХХVI.

Описания местоположения и оборонительных сооружений Диодором «царской крепости» совпадают с выявленными в процессе раскопок данными по Михайловскому городищу. Все это позволяет высказать предварительное предположение, что Михайловское поселение этого слоя было «царской крепостью», в которую бежали воины Арифарна и Эвмела, разбитые Сатиром II¹⁸. Сатир во время осады крепости погибает под ее стенами, а его останки по реке отправляются в Гаргазу, вероятно, городище у с. Ивановка (Илурат), а затем и в Пан-

тикапей. После победы Эвмел переселяет в опустошенные войной районы Михайловского городища каллатийцев.

Исследователи высказывали и другие предположения относительно местоположения этой крепости. В частности, писалось, что «царская крепость» что-то вроде поздних так называемых готских укреплений, расположенных на высоких холмах вроде Чуфут Кале у Симферополя¹⁹. Для решения этого вопроса привлекались также и многочисленные боспорские надписи, в которых упоминаются фатеи²⁰. В. Ф. Гайдукевич поселял фатеев в Прикубанье²¹, С. А. Жебелев — на правом берегу р. Кубань²². Битву при Фате разбирает В. Д. Блаватский²³. Ю. М. Десятчиков идентифицирует резиденцию царя Арифарна с Краснобатареинным городищем Крымского района Краснодарского края²⁴. И вероятно, не случайно, исследуя произведения искусства, М. М. Кобылина²⁵ отмечает, что в эллинистический и римский периоды на Боспоре очень сильно сказывалось влияние Фракии и были весьма распространены культуры фракийских божеств. Изучая лепную керамику, Е. Г. Кастанаян²⁶ приходит к выводу, что сходство с боспорской керамикой и сосудами фракийских племен говорит о существовании связей между Боспором и Фракией. Лепная керамика из городища у с. Михайловка также подтверждает подобные выводы. Эти связи, как отмечал В. Ф. Гайдукевич²⁷, прослеживаются с V в. до н. э. в области ономастики и культуры, в частности, появлению на Боспоре с IV в. до н. э. в курганах каменных гробниц с уступчатым сводом, близким фракийским купольным гробницам²⁸.

К концу IV—III вв. до н. э. (Ia) относится прослеживаемая вторая нарезка клеров. Она, как мы предполагаем, была произведена при переселении каллатийцев, которым отдали бугающие после войны земли. Диодор сообщает: «Ввиду того, что крепость была так хорошо укреплена, Сатир опустошил неприятельскую страну и предал огню селения, в которых набрал пленных и множество добычи...»²⁹.

В районе Михайловского поселения при изучении аэрофотосъемок было выявлено более 100 клеров. Границы участков прослеживаются в виде прямых параллельных и взаимно пересекающихся под прямыми углами линий. Тем самым участки представляли собой четырехугольники, ориентированные длинной стороной на северо-восток. Размеры их достигают 300 × 340 м, что составляет 10,2 га, или около 425 аттических арур (1 арура = 0,024 га)³⁰.

В напластованиях этого слоя встречены фрагменты хиосских и колпочковых амфор и их ножек, фрагменты чернолаковых сосудов, некоторые из которых с граффити (рис. 1, 1) $\rho\iota\sigma\upsilon\epsilon\lambda\alpha$] $\rho\iota$ [$\epsilon\iota$ — сколько будет достаточно (пей сколько хватит с тебя). Нашему граффити имеются аналогии в Нимфее³¹.

Слой (II), I в. до н. э. — датируется медной монетой — оболон Фанагорин (Агриппии) 14—8 гг. до н. э.³², фрагментами синопских амфор I в. до н. э. — I в. н. э., красноглиняных и светлоглиняных амфор I в. до н. э. — I в. н. э. Некоторые фрагменты этих амфор с граффити (рис. 1, 2). В слое обнаружен фрагмент щитка краснолакового светильника с рельефным изображением орла (рис. 1, 10). На раскопе III вскрыты строительные остатки этого слоя, подпорные стены, стены помещений, вымостки и т. д. Этот слой мы связываем со строительной деятельностью Асандра.

В слое также встречены фрагмент венчика красноглиняного сосуда с граффити (рис. 1, 3), фрагмент стенки красноглиняной амфоры с граффити (рис. 1, 4), фрагмент стенки красноглиняной амфоры в виде круга с граффити, пересекающихся под прямым углом линий (рис. 1, 5).

Слой (III), вторая половина I в. — начало II в. н. э., датируется по нумизматическому и керамическому материалу. В слое встречены фрагменты стенок, краснолаковых сосудов с граффити (рис. 1, 6). К этому слою относятся остатки укрепленной усадьбы клера.

Слой (IVa) начало II в. н. э. — первая треть II в. н. э., датируется по нумизматическому и керамическому материалу. В нем обнаружен фрагмент стенки светлоглиняной амфоры с граффити (рис. 1, 7) $\alpha\beta\acute{\alpha}\sigma$ [σ — прелестный] и внизу знак в виде круга с двумя спускающимися линиями. К этому времени относится перепланировка усадьбы клера.

Слой (IVб), последняя четверть II в. н. э. — первая треть III в. н. э., датируется по нумизматическому и керамическому материалу. В слое встречены фрагменты краснолакового сосуда с граффити (рис. 1, 8) и фрагмент дна сосуда

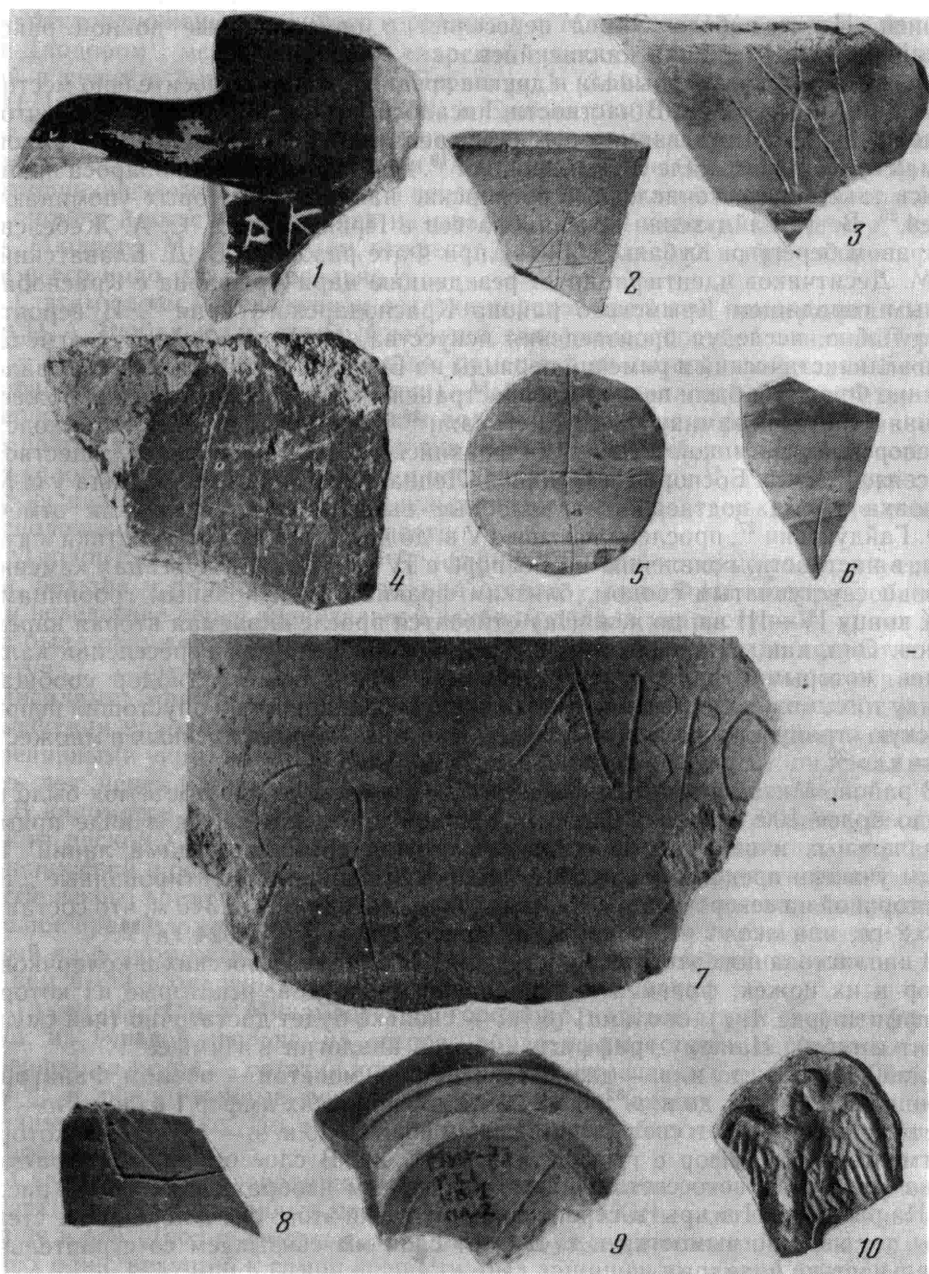

Рис. 1. Михайловское городище

1 — стенка чернолакового сосуда с частью граффити («пей сколько будет достаточно»); 2—6, 8, 9 — граффити на стенках сосудов; 7 — стенка амфоры с частью граффити («преlestный»); 10 — изображение орла на щитке краснолакового светильника

с граффити (рис. 1, 9). В этот период усадьба клера перестраивается в цитадель.

Слой (V) датируется IV в. н. э. Сохранились незначительные остатки строений. Сосуды с густорифленой керамикой.

Слой (VI) конца VIII — первой половины IX в. н. э.³² — средние века; в восточной части от городища обнаружены остатки поселения и хорошо сохранившийся могильник салтово-маяцкой культуры, где найдены серьги, перстни, ворворка.

Слой (VII) — к северу от городища (Михайловка II) — позднее средневековое поселение и развалины деревни Кош Кую. В южной части Михайловского городища обнаружены остатки поселения, относящиеся ко времени освоения русскими поселенцами Крыма.

Таким образом, Михайловская экспедиция ИА АН СССР провела археологические разведки на Керченском полуострове и раскопки городища у с. Михайловка. Нами приводится характеристика и историческая интерпретация культурных слоев городища, по-новому освещающих историю этого района. Проведенные археологические работы дают возможность более подробно увидеть политическую, хозяйственно-экономическую обстановку и этнический состав населения этого региона.

- ¹ В экспедиции принимали участие начальник Михайловской экспедиции ИА АН СССР Б. Г. Петерс; научные сотрудники экспедиции: Е. М. Алексеева, О. Н. Аксенова, А. П. Абрамов, Р. Ф. Воронина, В. С. Долгоруков, Ю. М. Десятчиков, Г. М. Ефимова, П. М. Кожин, Э. Я. Николаева, В. Е. Нахапетян, Д. С. Риттенберг, О. И. Сидорова; студенты истфака МГУ: А. Г. Авдеев, А. А. Завойкин, А. И. Иванчик, Л. Л. Кафанов; художники экспедиции: О. Н. Бондарь, Ю. А. Бондарь, Г. Г. Минасян, Г. И. Селиверстова.
- ² В 1962 г. были начаты исследования городища у с. Мысовое Восточно-Крымской экспедицией, начальник И. Т. Кругликова, начальник раскопа Б. Г. Петерс. См.: *Петерс Б. Г.* Раскопки поселения античного времени в западной части полуострова Казантип.— КСИА, 1978, № 156, с. 89 и сл. В 1980, 1982 гг. в работах участвовал начальник раскопа А. Г. Авдеев.
- ³ В экспедиции принимал участие заместитель директора КИАМ по научной части Д. С. Кирилин.
- ⁴ *Ефимова Г. М., Кожин П. М., Петерс Б. Г.* Охранные работы на курганном могильнике у с. Михайловка.— КСИА, М., 1979, № 130, с. 97 и сл.
- ⁵ В экспедиции участвовали начальник Феодосийско-Михайловской экспедиции ИА АН СССР Б. Г. Петерс, научные сотрудники экспедиции: С. А. Беляев, З. В. Голубева, А. Г. Загинайло, Е. В. Коршунова, Т. М. Качан, Т. Д. Николаенко, А. Н. Панин, Е. Ю. Расторгуева, Е. А. Шинаков; сотрудники Феодосийского краеведческого музея: Е. А. Айбабина, А. И. Айбабин, Е. А. Катюшин.
- ⁶ *Петерс Б. Г., Ефимова Г. М.* О раскопках Михайловского городища.— АО 1966 г. М., 1967, с. 222.
- ⁷ В работах принимал участие заведующий отделом КИАМ Д. С. Кирилин.
- ⁸ В работах принимал участие заведующий отделом КИАМ Д. С. Кирилин.
- ⁹ Городище расположено западнее с. Михайловка Приозерского р-на Крымской обл.
- ¹⁰ Для третьей четверти V в. до н. э. граница между Боспором и скифами, возможно, проходила по так называемому Узунларскому валу. «Их область (царских скифов) к югу простирается до Таврики, а на восток — до рва, выкопанного потомками слепых рабов» (*Herod.*, IV, 20).
- ¹¹ *Diod.*, XX, 22, 23.
- ¹² Противоположную точку зрения см. в статье: *Десятчиков Ю. М.* Арифарн, царь сирков.— В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 45 и сл.
- ¹³ *Дюбрюкс П. А.* Керменджик или дворец царей Боспорских.— ЗООИД, Одесса, 1858, т. IV, отд. I, с. 54—63.
- ¹⁴ *Diod.*, XX, 22—24.
- ¹⁵ *Diod.*, XX, 23. Пер.: ВДИ, 1947, № 4, с. 264.
- ¹⁶ *Дюбрюкс П. А.* Керменджик..., с. 61.
- ¹⁷ *Diod.*, XX, 23. Пер.: ВДИ, 1947, № 4, с. 264.
- ¹⁸ *Петерс Б. Г.* Работы Михайловской экспедиции.— АО 1980 г. М., 1981, с. 302.
- ¹⁹ *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, № 4, с. 323, см. примеч. 3.
- ²⁰ КБН, 1015, 972, 9,25.
- ²¹ *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство.— М.; Л., 1949, с. 73 и сл.
- ²² Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 172.
- ²³ *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 85 и сл.
- ²⁴ *Десятчиков Ю. М.* К вопросу о локализации замка сиракского царя Арифарна.— Х Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. М., 1980, с. 33, 34.
- ²⁵ *Кобылина М. М.* К изучению искусства древнегреческого города Фанагории.— ВДИ, 1938, № 2(3), с. 348.
- ²⁶ *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика Боспорских городов. Л., 1981, с. 125.
- ²⁷ *Gaidukevic V. F.* Des Vospoganische Reich. Berlin, 1971, S. 66.
- ²⁸ *Ibid.*, S. 271, 282.
- ²⁹ *Diod.*, XX, 23, Пер.: ВДИ, 1947, № 4, с. 264.
- ³⁰ См.: *Петерс Б. Г.* Михайловское городище античного времени.— В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 117—127.
- ³¹ *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953, с. 74, № 109.
- ³² *Петерс Б. Г.* Монеты из античного поселения и курганного могильника у с. Михайловки на Керченском полуострове.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика, М., 1978, XII, с. 3 сл.
- ³³ *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967, с. 141, рис. 36, 1 период.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ БЛИЗ НОВОРОССИЙСКА

В истории античного общества наименее изученным поныне остается вопрос о технике обработки железа и производстве железных изделий. Несмотря на то, что существует большое количество литературных данных, начиная со свидетельств античных авторов, многочисленные позднейшие переводы с интерпретацией специальных терминов и пространными комментариями, наконец, современные обобщающие работы по этой проблеме, мы не имеем достаточно ясного и конкретного представления ни о качестве исходного сырья, которым располагал кузнец, ни о применяемых им технологических операциях, ни о конструкции и качестве самого изделия.

Решение этих вопросов возможно лишь с привлечением методов естественных наук, в частности металлографии. На это указывала еще в 30-е годы Р. В. Шмидт¹.

Положение не изменилось и в настоящее время, как справедливо подчеркивает Д. Б. Шелов². В одной из своих последних работ, посвященных обработке железа в древней Греции, Р. Плейнер также, с сожалением, констатирует отсутствие технологических исследований железных изделий из античных памятников³.

В лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР сейчас ведется работа по сбору и анализу образцов кузнечной продукции античного времени. Первое с чем нам пришлось столкнуться — это исключительно плохая сохранность железных изделий, что затрудняет возможность использования металлографического метода для массового анализа. В качестве примера можно сказать, что из коллекции железных изделий из Пантикапея, любезно предоставленной нам И. Д. Марченко, не удалось отобрать для анализа ни одного предмета.

Публикуемая небольшая коллекция железных предметов происходит из двух центров античного времени в окрестностях Новороссийска, исследованных Н. А. Онайко⁴.

Из разрушенного могильника V—III вв. до н. э. в Цемдолине (ул. Золотая рыбка) происходят копья, нож и удила⁵. Еще ряд предметов найдены в Широкой балке: гвозди, костыль, мотыжки, копье, секирка, пластина. Античное поселение в Широкой балке хорошо известно еще с конца XIX в. по находкам бронзовых изделий, в частности бюста боспорской царицы Динамии, а в 1967 г. — бронзового бюста-гири⁶. Железные изделия происходят в основном из поселения, которое датируется на основании амфорного материала рубежом — первым веком н. э.⁷

Четыре предмета (кинжал-акинак, два наконечника копий, секирка) найдены в могиле № 1, открытой на территории поселения, но относящейся к более раннему времени (IV—II вв. до н. э.)⁸.

Всего исследовано 20 предметов. К сожалению, такие важные с технологической точки зрения изделия, как кинжал-акинак, копье, мотыжка оказались не пригодными для анализа.

Цемдолина. Наиболее хорошо среди материала представлены наконечники копий (8 экз.). Все они втульчатые, различаются размерами, формой и сечением пера, степенью выделенности места перехода пера во втулку, способом крепления втулки на древке.

Условно можно выделить следующие типы: 1 — с узким листовидным пером ромбического сечения, плавно переходящим во втулку (ан. 884, 885, 886, 887, рис. 1). Судя по целому экземпляру (ан. 887), длина 20,5 см, конец втулки закреплялся железным кольцом, под которым нами была обнаружена тонкая (0,5 мм) обойма из цветного металла; 2 — с вытянутым листовидным пером сложнопрофилированного сечения, плавно переходящим во втулку (ан. 888, 889, рис. 1). Целых экземпляров не хранилось, конец втулки обломан.

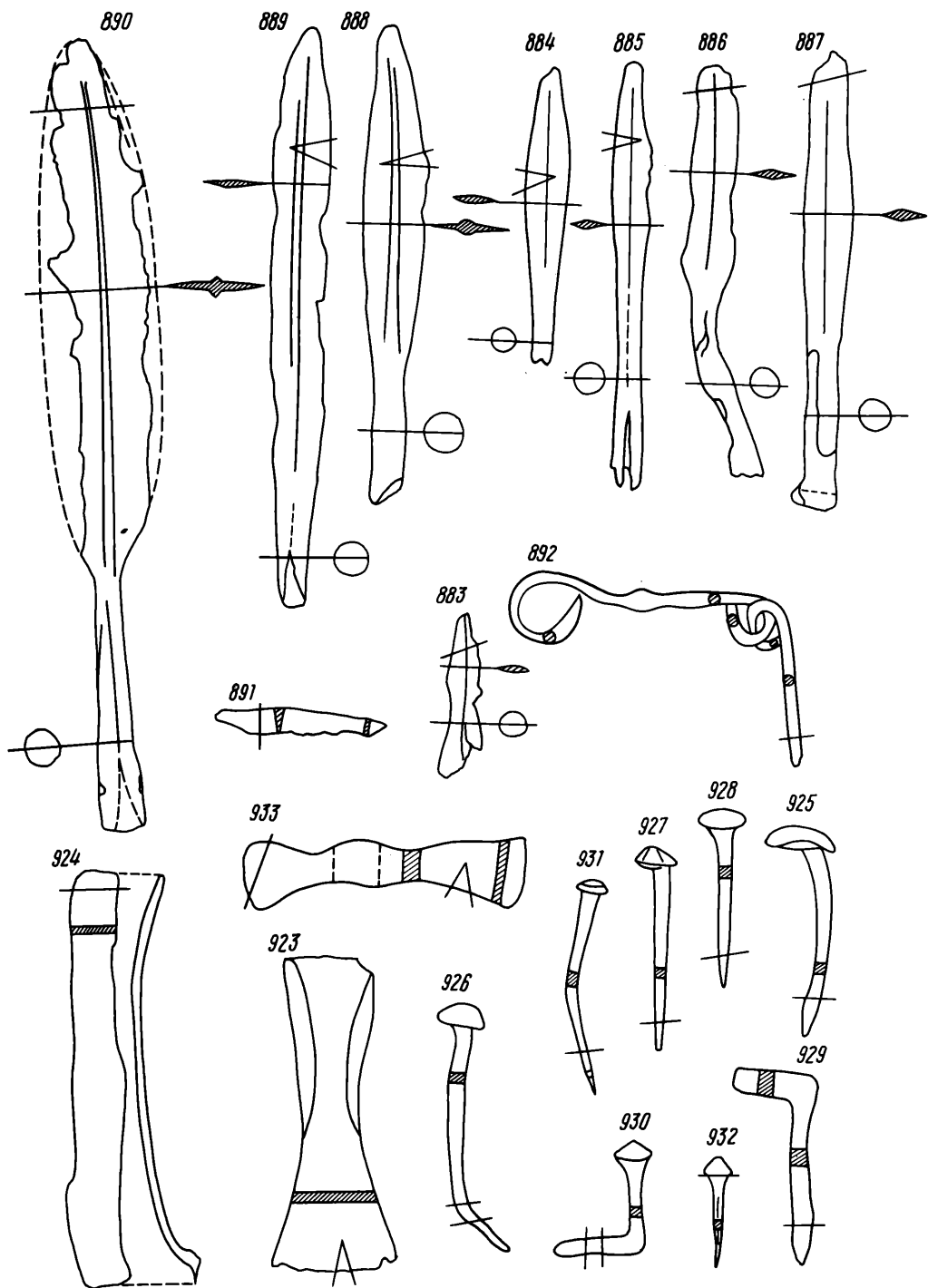

Рис. 1. Железные изделия из Цемдолины (883—892) и из Широкой балки (923—933). Цифрами обозначены номера анализов по регистрационной книге Лаборатории естественно-научных методов

Длина — больше 25 см; 3 — с широким листовидным пером сложнопрофилированного сечения с четко выделенными плечиками в месте перехода пера в узкую втулку (ан. 890, рис. 1). Длина 37 см. Для крепления к рукоятки во втулке имеются с двух сторон отверстия; 4 — с коротким треугольным пером линзовидного сечения с выделенными плечиками в месте перехода пера во втулку (ан. 883, рис. 1). Длина сохранившейся части 7,5 см.

При микроскопическом исследовании установлено, что при изготовлении

Т а б л и ц а

Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
осн.	1,40	0,9	0,1	—	0,03	0,02	0,04	>2,0	0,005	0,002	0,02	—

копий I типа были применены три технологические схемы: целиком из железа отковано одно изделие (микротвердость ферритной структуры 181—206 кг/мм², ан. 884); целиком из высокоуглеродистой стали — одно изделие (микротвердость феррито-перлитной структуры 236—322 кг/мм², ан. 886); с использованием локальной цементации готового изделия — два копия (ан. 885, 886). Зафиксировано два способа цементации: двусторонняя сквозная цементация лезвия пера (микротвердость феррито-перлитной структуры цементированного слоя 236—254 кг/мм², а железной основы — 143 кг/мм², ан. 887) и односторонняя поверхностная цементация пера (микротвердость феррито-перлитной структуры цементированного слоя 236 кг/мм², ферритной зоны 105 кг/мм², ан. 885).

Как показало микроструктурное исследование, металл всех изделий отличается хорошим качеством (освобожден от шлаков, мелкозернистый). Ковка проведена с соблюдением правильного температурного режима.

Обнаруженная нами тонкая обойма из цветного металла на конце втулки копия (ан. 887) оказалась припоем, с помощью которого крепилось железное кольцо, обеспечивавшее прочность втулки при насадке на древко. В качестве припоя использован сплав на медной основе с примесью олова и свинца⁹ (табл.).

Следует особо подчеркнуть, что прием пайки железных изделий, хорошо известный в средневековом городском ремесле при производстве замков и ключей¹⁰, впервые зафиксирован в памятниках античного времени на такой категории изделий как копия.

Хотя из четырех копий этого типа нам удалось проследить описанную конструкцию втулки лишь на одном целом экземпляре, можно полагать, что остальные аналогичные изделия были сделаны так же.

Более сложную конструктивную схему представляют наконечники копий 2 типа. Основой их технологической схемы является кузнечная сварка железа со среднеуглеродистой сталью. Перо наконечников копий отковано из трех полос: к стальной основе, являющейся ребром жесткости, приварены с двух сторон железные полосы, из которых сформованы лезвия (ан. 888, 889). Сварка проведена качественно при правильном температурном режиме. Относительно качества самого металла нужно сказать, что железо сильно засорено шлаковыми включениями.

Наконечник копия 3 типа изготовлен из железной заготовки, раскованной, сложенной вдвое и сваренной. Качество сварки хорошее, металл загрязнен шлаками (микротвердость феррита от 135 до 221 кг/мм², ан. 890). Втулка крепилась к древку с помощью гвоздей; для чего в ней были пробиты отверстия.

Наконечник копия, который мы условно относим к 4-му типу (ан. 883), имеет необычную форму: очень короткое треугольное перо (длина 4 см), переходящее в широкую втулку (конец обломан). Необычна и конструкция его. Как перо, так и втулка изготовлены путем сворачивания краев раскованной полосы железной заготовки. Форма изделия, скорее всего, не была первоначально такой, а мы имеем дело с утилизацией сломанного копия. Качество исполнения небрежное.

Единичными экземплярами представлены следующие категории: нож и удила.

Нож — небольшой, из-за плохой сохранности трудно определить форму. Общая длина 8 см, длина лезвия 5,5 см, черешок обломан (ан. 891).

Как показало микроскопическое исследование, орудие отковано из высокоуглеродистой стали. Однородность структуры и отсутствие неметаллических включений свидетельствуют о высоком качестве самого металла и кузнечной обработки.

Технологическая схема изготовления удил проста — они откованы целиком

из железа (микротвердость феррита 160 кг/мм², ан 892). Заготовкой послужил прут, которому всесторонней круговой ковкой была придана круглая форма, а концы загнуты на оправке.

Широкая балка. Наиболее древней находкой, происходящей из могилы № 1, является секирка (общая длина 13 см). Имеет вытянутое расширяющееся к концу лезвие (длина 7 см) и короткий обушок (длина 4 см). Отверстие диаметром 2 см изготовлено путем пробивки. Секирка откована из железной заготовки. Рабочая часть — лезвие было упрочнено локальной цементацией (микротвердость феррита 170 кг/мм², феррито-перлитной структуры — 236 кг/мм²). Судя по структурным данным (сильно разросшиеся зерна феррита), металл был перегрет.

Из слоя поселения происходят остальные категории изделий. Мотыжка удлиненных пропорций (длина 14,5 см) с плавным переходом от втулки к трапецевидному лезвию, изготовлена из пакетной заготовки — несколько полос малоуглеродистой стали (не меньше восьми), сваренных послойно (микротвердость феррито-перлитных участков 170—193 кг/мм², ан. 923). Ковка велась при повышенной температуре, о чем свидетельствует характер структуры (видманштетт).

Гвозди представлены шестью экземплярами. Все они четырехгранные, различаются размером и формой шляпки (длина от 5 до 11,5 см). Форма шляпок биконическая, пирамидальная, сегментовидная. Два из них откованы по простой схеме — целиком из железа (микротвердость ферритной структуры 122—170 кг/мм², ан. 930, 932). Оба экземпляра имеют биконическую форму шляпки, что в сочетании с мягким металлом исключает возможность сильных ударных воздействий без деформации шляпки.

Четыре изделия с близкой по форме сегментовидной шляпкой изготовлены по одинаковой технологической схеме — из пакетной заготовки, сваренной из стальных полос с различным содержанием углерода (от малоуглеродистой до высокоуглеродистой, микротвердость структурных составляющих от 193 до 274 кг/мм²). Качество металла хорошее (структура мелкозернистая, шлаковых включений незначительное количество). Температурный режим выдержан правильно.

Еще одно изделие — костьль, согнутый из четырехгранного прута, изготовлен целиком из высокоуглеродистой стали отличного качества (микротвердость феррито-перлитной структуры 274—295 кг/мм², ан. 929).

Последнее изделие в исследованной коллекции — обломок слегка изогнутой пластины (длина — 19 см, ширина — 2,5 см, толщина — 5 мм). Как показало микроскопическое исследование, пластина изготовлена из пакетной заготовки, сваренной из нескольких полос железа и стали (микротвердость железа 236 кг/мм², стали — 322 кг/мм²). Выпуклая поверхность пластины имеет следы холодной деформации, о чем свидетельствует характерная структура (линии скольжения). Это, скорее всего, связано не с технологией изготовления самой пластины, а с характером ее использования. По-видимому, она является частью обода, крепление которого сопровождалось ударами молотка по холодному металлу.

Итак, мы рассмотрели кузнечную продукцию из двух памятников античного времени, различающихся хронологически.

Результаты проведенного технологического анализа позволяют в какой-то мере оценить степень развитости кузнечного дела в указанных центрах. Мы получили представление о характере и качестве используемого сырья, о технологических приемах и кузнечных операциях, можем говорить о качестве их исполнения, т. е. в конечном итоге о квалификации кузнеца.

К сожалению, категории изделий представлены в указанных памятниках неравнозначно, что затрудняет возможность полноценного сравнительного анализа, однако некоторые характерные особенности кузнечной техники все же вычлняются.

Материалы из Цемдолины относятся, как уже отмечалось, к более раннему времени (V—III вв. до н. э.). Основным поделочным материалом было железо и сталь. Железо в основном хорошего качества, т. е. хорошо освобождено от шлаковых включений путем длительной проковки заготовок.

Сталь умели получать целенаправленно, путем преднамеренной цементации

Памятники	Датировка	Технология					
		Категории					
Цемдолина	V-III вв до н.э.	Копья	NN 883 884 890		NN 885 887	N 886	NN 888 889
		Ножки				N 891	
		Удила	N 892				
Широкая балка	Рубеж - I в. н.э.	Топоры-секирки			N 933		
		Мотыжки		N 923			
		Гвозди	NN 930 932	NN 925 926, 927 928			
		Костыли				N 929	
		Пластины		N 924			

Рис. 2. Технологические схемы кузнечных изделий

1 — железо; 2 — локальная цементация; 3 — пакетная заготовка; 4 — сталь; 5 — сварка

(науглероживания) железа. Использовались три способа: локальная сквозная цементация рабочей части изделия (ан. 887); односторонняя поверхностная цементация (ан. 885); сквозная цементация заготовки (ан. 886, 891). Как правило сталь — высокого качества, отличается чистотой, мелкозернистостью и однородностью структуры, что говорит о правильно выбранном в каждом конкретном случае температурном режиме.

Мастера помимо простых технологических схем изготовления целиком из железа или целиком из стали знали и такой технологический прием как сварка железа и высокоуглеродистой стали. Сложность выполнения этой операции заключалась в том, что кузнечная сварка могла осуществляться в очень узком температурном интервале, который надо было выбрать таким образом, чтобы не была обезуглерожена сталь и чтобы не было пережжено железо. Кроме того, необходимо было использование флюсов. Поэтому такой прием был доступен высококвалифицированному мастеру, хорошо понимавшему свойства свариваемых металлов, умевшему точно определять по цвету калиения необходимую температуру их нагрева. Выявление подобных технологических схем при исследовании железной продукции позволяет достаточно уверенно говорить о развитости кузнечного дела в месте ее изготовления.

Хотелось бы обратить внимание еще на один факт — применение пайки при конструировании железного изделия. Техника паяния хорошо известна в цветной металлообработке в античных памятниках. Однако в железообрабатывающем производстве она стала применяться лишь на поздних этапах его развития (средневековье). В материалах из Цемдолины такой прием зафиксирован при изготовлении копья (ан. 887). Высокая квалификация мастера позволяла ему свободно пользоваться самыми разнообразными кузнечными приемами. В данном случае требовалось прочно закрепить на конце втулки железное кольцо. С помощью кузнечной сварки это было сделать нельзя, так как она предполагает сильное ударное воздействие. Поэтому мастер пришел к единст-

венно правильному решению, использовав припой на медной основе. Для этого конец втулки был обтянут тонкой узкой пластиной, на которую надевалось железное кольцо. Затем эта конструкция нагревалась в кузнечном горне до температуры свыше 700°, в результате чего получалось абсолютно прочное соединение кольца с железной втулкой.

Необходимая форма изделиям придавалась с помощью свободнойковки: вытяжка, изгиб, пробивка отверстий, круговаяковка.

Технологическое исследование изделий из Широкой балки показало, что как сырье кузнецы использовали железо и сырцовую неравномерно науглероженную сталь. Свидетельства сознательного получения стали в имеющихся материалах нами не обнаружено.

Единственное цельносталевое изделие (костыль, ан. 929, рис. 1) по структурным показателям (содержание углерода распределено неравномерно, есть участки с повышенным и пониженным содержанием углерода) не может однозначно считаться изготовленным из специально полученной стали.

Спецификой кузнечной техники в Широкой балке, как установлено, было использование пакетной заготовки. Прием пакетования заключается в послойной сварке железа и разных сортов стали, в сварке раскованной и многократно сложенной заготовки однородного металла. Такой способ обработки обуславливался либо утилизацией вторичного сырья (гвозди, рис. 2), либо был вызван недостаточным объемом исходного сырья для конкретного предмета (мотыжка, рис. 2).

Кузнечная продукция из Широкой балки не отличается разнообразием технологических схем. Единственный предмет, у которого была упрочена рабочая часть путем цементации, является секирка (ан. 933, рис. 2). Однако она происходит из могилы и относится к более раннему времени, чем материалы из слоя поселения.

Качество используемого сырья и качество выполнения кузнечных приемов не во всех случаях можно оценить как удовлетворительное. В ряде случаев было зафиксировано нарушение температурного режима (перегрев).

Набор кузнечных операций включает вытяжку металла, высадку, изгиб, пробивку отверстий.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что техника изготовления кузнечных изделий из Цемдолины отличается большим разнообразием и более высоким качеством исполнения. Обращает на себя внимание факт использования приемов, характерных для цветной металлообработки (паяние), что может свидетельствовать о сосредоточивании в руках одного мастера производства как черных, так и цветных металлов. Об этом же свидетельствует находка вместе с железными гвоздями бронзового (Широкая балка), абсолютно такой же формы, откованного в горячую из литого четырехгранного прутка.

Выводы, к которым мы пришли на основании проведенных технологических исследований, имеют в значительной степени предварительный характер из-за недостаточной представительности коллекции. По мере накопления аналитических данных можно будет составить более полное представление о кузнечном деле в античных памятниках Северного Причерноморья.

¹ Шмидт Р. В. Очерки из истории горного и металлообрабатывающего производства в античной Греции.— Известия ГАИМК, М., Л., 1935, вып. 108, с. 290.

² Шелов Д. Б. Железодельное производство в Северном Причерноморье в раннеантичное время.— КСИА, 1979, вып. 159, с. 6.

³ Pleiner R. Yrro Working in Ancient Greece.— NTM, Praha, 1969, N 7.

⁴ Выражаем признательность Н. А. Онайко, передавшей нам материал для аналитического исследования.

⁵ Онайко Н. А. Отчет о работе Новороссийско-Геленджикской экспедиции в 1972 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, 4917.

⁶ Онайко Н. А. Раскопки поселения в Широкой балке.— АО 1967 г. М., 1968, с. 82; Онайко Н. А. Бронзовый бюст—гира из раскопок античного поселения в Широкой балке.— КСИА, 1971, вып. 128, с. 73.

⁷ Онайко Н. А. Отчет о работе Новороссийского отряда в 1967 г.— Архив ИА АН СССР Р-1, 3551.

⁸ Там же, с. 14.

⁹ Спектральный анализ проведен в лаборатории естественно-научных методов Т. Б. Барцевой.

¹⁰ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.— МИА, 1953, № 32, с. 180, 181.

ПУБЛИКАЦИИ

К. К. МАРЧЕНКО, Н. В. ГОЛОВАЧЕВА

НОВЫЙ ТИП СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В НИЖНЕМ ПОБУЖЬЕ

В 1981—1982 гг. при завершении изучения однослойного поселения позднеархейского времени Старая Богдановка 2, расположенного на правом берегу Бугского лимана, к северу от Ольвийского городища¹, были раскрыты остатки монументального строительного комплекса нового типа для Северного Причерноморья античного периода. Указанный комплекс (его порядковый номер 23), обнаружен на южной окраине поселения, к юго-востоку от большого наземного здания общественного назначения², в верхней прибрежной части склона старой, так называемой Крутой балки, на невысоком (1,5—2,0 м) гребне, выделенном с напольной стороны древним эрозионным понижением (рис. 1, 1).

Несмотря на значительные утраты, вызванные современной береговой абразией и постоянными смывами почвы по склону балки, есть все основания полагать, что описываемое сооружение занимало всю среднюю часть гребня и охватывало площадь около 500—550 кв. м. Судя по стратиграфическим данным и остаткам каменной вымостки, обнаруженным в различных частях этой площади, западный, южный и, возможно, восточный склоны гребня в процессе создания комплекса были, по всей видимости, искусственно приподняты (на высоту до 0,2—0,6 м) с помощью подсыпки гумированного материкового суглинка; поверхность доформованных таким образом склонов сильно обожжена (на глубину до 0,1 м) и, наконец, покрыта (укреплена?) плотным замостом из небольших (не более 0,15 × 0,15 × 0,25 м) рваных камней известняка (рис. 1, 1).

На предварительно уплощенной вершине гребня в материке была создана монументальная каменная конструкция площадью около 100 кв. м — центральная часть комплекса (рис. 1, 2). Основным компонентом этой конструкции, по-видимому, является врезанное в материковый суглинок на глубину до 1,2—1,4 м сооружение, ориентированное длинной осью по линии запад-восток с отклонением к югу на 30°. Судя по дошедшим остаткам, сооружение состояло из одной прямоугольной камеры, разделенной продольной стеной на два, скорее всего, равных по площади помещения — северное и южное (рис. 2, 1), и двух отходящих на запад параллельных прямоугольных открытых «каналов» (рис. 1, 2), связанных с помещениями проходами, оставленными в мощной (ширина 1,4 м) западной стене камеры (рис. 3, 2). Сохранившиеся размеры камеры: 4,0 × 5,5 × 6,0 м; внутренняя площадь — не менее 23—25 кв. м. Размеры продольной внутренней стены: 2,45 м — длина, 1,0 м — ширина. Ширина проходов в «каналы» — 0,75—1,0 м. Размеры «каналов» без учета мощности западной стены камеры: 0,75 × 4,0 м. Пол сооружения — тонкая (около 0,01 м) известковая промазка на материковом суглинке.

Вертикальные стены камеры и «каналов», вплотную примыкающие к матерiku, сложены вперевязь в системах постелистой и орфостатной тычково-ложко-

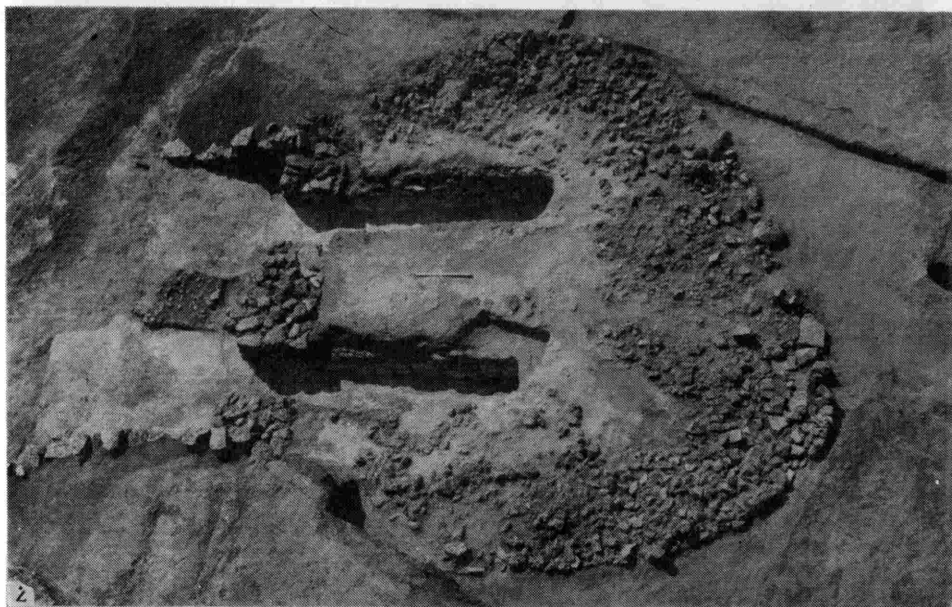
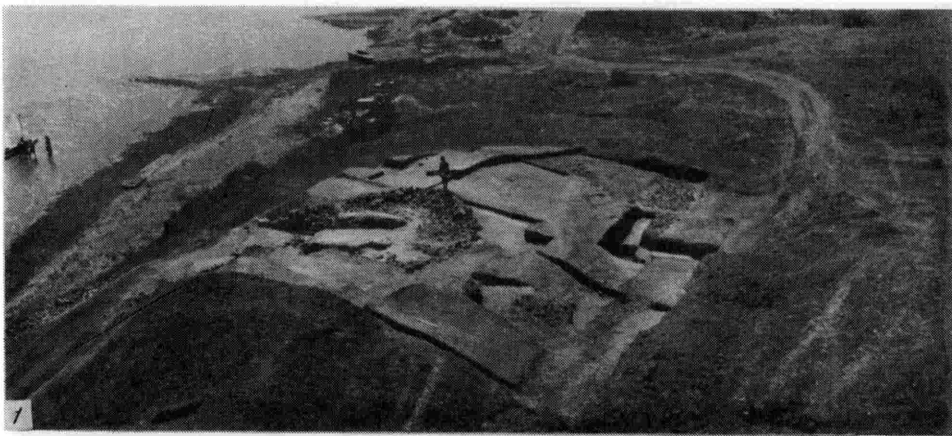

Рис. 1. Строительный комплекс 23
1 — общий вид с севера; 2 — центральная часть

вой однослойной однолицевой или трехслойной двулицевой кладки из грубо околотых (подтесанных) реже рваных, камней местных (понтического и сарматского) известняков на глине (рис. 2; 3, 2, 3). В целом иррегулярная схема кладки стен сооружения в отдельных местах содержит явные черты рядной системы. Наиболее четко эти черты выступают, пожалуй, в кладке западной стены камеры, возведенной на высоту до 1,0 м из крупных (до $0,3 \times 0,3 \times 0,3$ м) подпрямоугольных или полигональных блоков с относительно хорошей выкладкой рядов, и в пределах «каналов», нижний ряд стен которых образуют полигональные плиты, поставленные орфостатно (рис. 3, 3). Судя по характеру нижней части заполнения камеры — рушенному обожженному суглинку — верхняя часть западной стены, возможно, дополнялась на небольшую высоту сырцом.

На каменных стенах и дне обоих «каналов» повсеместно фиксировались яркие следы длительного (многократного?) воздействия высоких температур в виде налета белой порошкообразной извести, покрывающей кладку, сильно прокаленной глины и материкового суглинка красного цвета и спекшейся до стеклообразного состояния зольа камыша на нем.

Как показывают данные зондажа dna северного «канала» и пола, связанного с ним помещения (рис. 2, 2), наиболее мощному воздействию таких температур подверглись западные, торцовые части «каналов». Отметим также,

Рис. 2. Строительный комплекс 23
1 — камера; 2 — северное помещение камеры с «каналом»

что прокаленность материкового суглинка здесь охватывает пласт мощностью до 0,35—0,4 м. По мере удаления от торцовых стен «каналов» в восточном направлении степень проявления высоких температур постепенно убывала и практически сходила на нет в пределах площади помещений камеры.

Вторым компонентом центральной части строительного комплекса № 23, несомненно конструктивно связанным с вышеописанным, является расположенная над «каналами» овальная площадка (рис. 1, 2; 3, 1). Размеры последней: 7,8 × 10,0 м; площадь — около 73 кв. м. Ровная поверхность площадки — сильно прокаленный (до глубины 0,2 м) материковый суглинок — несколько заглублена относительно синхронного дневного уровня. Степень заглубленности, к сожалению, устанавливается лишь местами — на северо-восточной границе объекта, где раскопками выявлен небольшой участок обожженного материкового борта высотой около 1,0 м, и на западе, где она составляла 0,8 м.

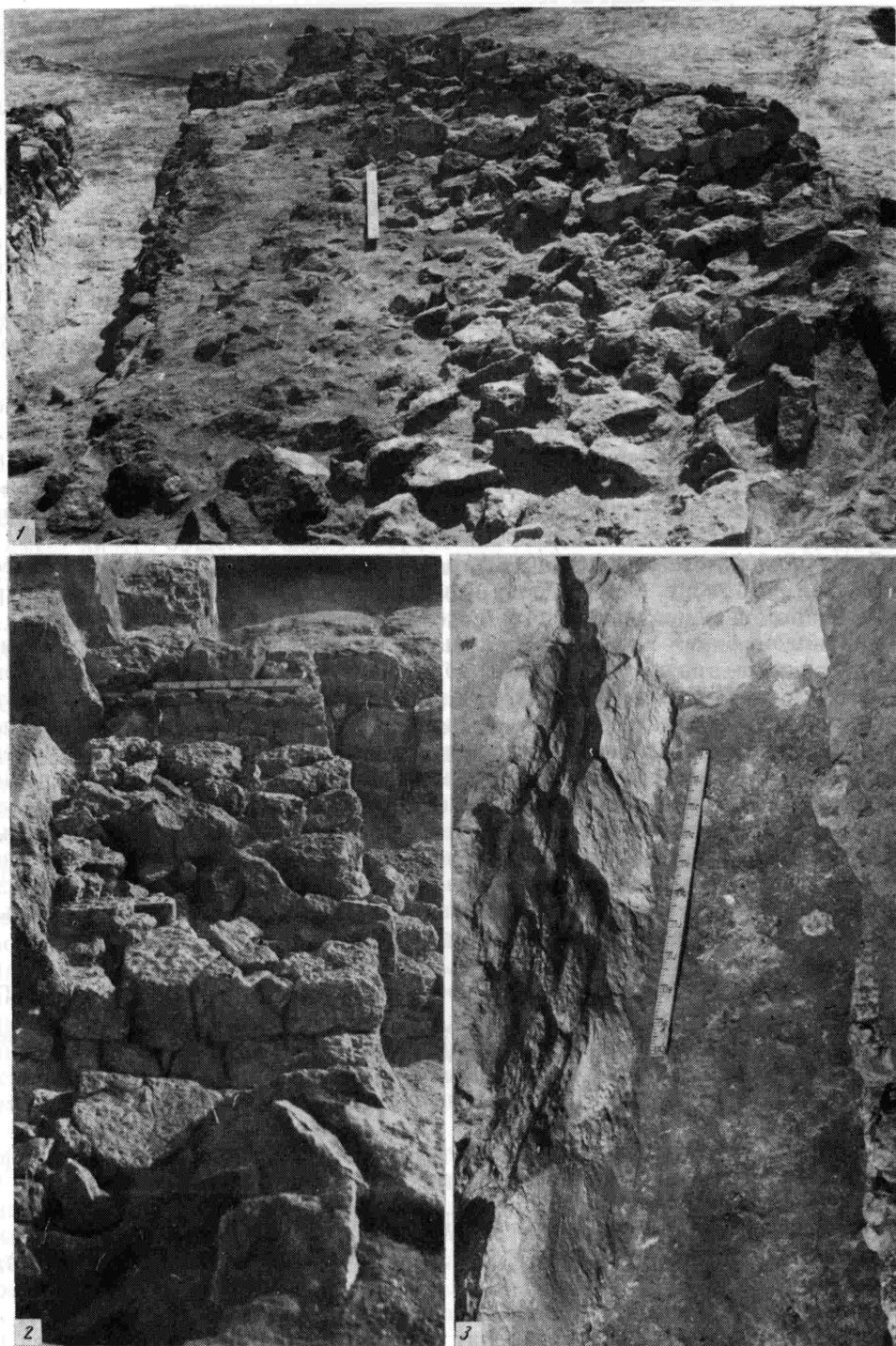

Рис. 3. Строительный комплекс 23

1 — завал камней ограды площадки для сожжений (деталь); 2 — западная стена камеры; 3 — северный «канал»

На материковых бортах площадки вокруг нее и соответственно «каналов» была сооружена каменная ограда (стена?) из рваных камней известняка. От последней, к сожалению, дошел лишь развал камней, перекрывший по периметру всю внешнюю периферийную часть площадки а также западную стену камеры и «каналы». Полное отсутствие участков кладки ограды *in situ* не позволяет пока, до проведения дополнительных исследований, восстановить

облик и основные размеры этого объекта. Судя по характеру развала (рис. 3, 1), можно думать, однако, что наиболее крупные (до $0,3 \times 0,35 \times 0,5$ м) камни находились в нижней части ограды.

В процессе зачистки верхнего уровня площадки а также и развала камней от ее ограды фиксировались четкие следы горения в виде прокаленности дневного горизонта материкового суглинка, прослойки золы серого цвета мощностью до 0,3 м у краев площадки и мелких обгоревших кусочков камыша.

Спектральный анализ стекловидных шлаков золы из северного «канала» (всего три пробы), проведенный в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР В. А. Галибиным, дал следующие обобщенные результаты (основа SiO_2): Al_2O_3 — 1,7%; Na_2O — 4,0%; K_2O — 11,0%, CaO — 14,0%; MgO — 4,5%; Fe_2O_3 — 0,9%; TiO_2 — 0,17%; MnO — 0,06%; CuO — 0,006%; P_2O_5 — 1,4%.

Каких-либо вещественных материалов в пределах строительного комплекса № 23 не обнаружено. При расчистке площадки, в частности в развале камней ее ограды, найден один медный ольвийский дельфинчик. Еще одна находка, лишь предположительно связываемая с комплексом — бронзовый наконечник трехлопастной стрелы так называемого базисного типа — обнаружена на камнях замоста поверхности западного склона.

Датировка самого комплекса не вызывает особых затруднений. Весь археологический контекст: нахождение вышеописанного памятника в структуре однослойного позднеархаического поселения, отсутствие на последнем и в ближайшей округе каких-либо культурных остатков иных исторических периодов и т. д. — позволяет отнести его ко времени функционирования самого поселения Старая Богдановка 2, т. е. к последней трети VI — первой четверти V в. до н. э.³ Создается впечатление даже, что имеются вполне надежные основания заметно сузить указанную датировку. Открытие на площади комплекса под каменной вымосткой западного склона «хозяйственной» ямы, содержащей наряду с прочим два трехлопастных наконечника стрел базисного типа и пять ольвийских монет в форме дельфинов, позволяет, на наш взгляд, отнести создание комплекса к заключительной фазе существования поселения — к началу — первой четверти V в. до н. э. С этой датой, как кажется, вполне согласуется и время появления здесь, на поселении, первых жилых и общественной сырцово-каменных построек.

¹ См.: Марченко К. К., Доманский Я. В. Античное поселение Старая Богдановка 2. — АСГЭ, 1981, вып. 2, с. 63—74.

² Строительный комплекс № 14. См.: Марченко К. К., Доманский Я. В. Древнейшее общественное сооружение в Нижнем Побужье. — КСИА, 1982, вып. 172, с. 58—65.

³ Марченко К. К., Доманский Я. В. Древнейшее общественное сооружение..., с. 58.

Е. Н. ЖЕРЕБЦОВ

МАТЕРИАЛЫ К ПЕРИОДИЗАЦИИ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ МАЯЧНОГО ПОЛУОСТРОВА

Маячный полуостров принято считать первоначальным местоположением и первичной хорой колонии гераклеотов¹. Однако обмер и обследование его автором в 1969—1983 гг. дали возможность внести некоторые коррективы в эту интерпретацию.

Самым ранним из выявленных здесь греческих памятников действительно является большое укрепление на перешейке. Но по материалам раскопок Н. М. Печенкина² и нашим многолетним сборам, керамика отлагалась в районе этого укрепления только со второй трети — середины IV в. до н. э. и до последнего десятилетия II в. до н. э., кроме того, это укрепление вообще никогда не было городом. Обследование многих сотен метров окопов, вырытых на нем в годы второй мировой войны, показало полное отсутствие на большей

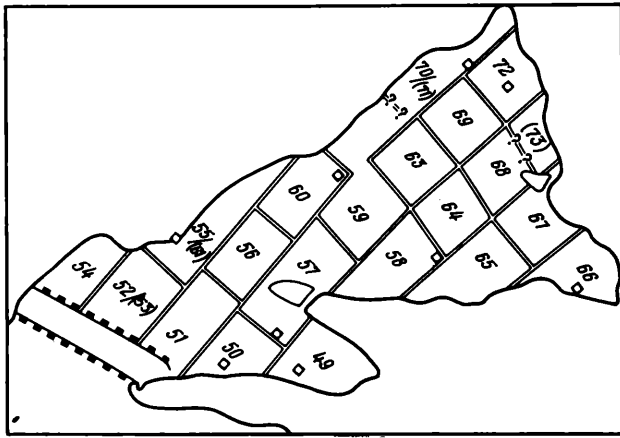

Рис. 1. План эллинистических наделов херсонеситов

его части культурного слоя и каких бы то ни было следов древних построек. Частично раскопанное Н. М. Печенкиным здание IV—III вв. до н. э., примыкавшее к внутренней боевой стене, стояло обособленно. План укрепления не имеет ничего общего с планами греческих городов-колоний. Две поперечные стены, принимаемые ранее за ограды акрополя, жилой части и гавани, принадлежат позднеантичному времени, когда давно заброшенные руины были превращены в огражденные пастбища³. Об этом говорит незначительная толщина (0,5 м) и криволинейность стен, сложенных из мелкого бута.

По-видимому, как и большая часть Гераклеяского полуострова, в последней трети IV в. до н. э. Маячный полуостров был размежеван на крупные сельские наделы херсонеситов. Таких наделов здесь было 22 (рис. 1). Изрезанность побережья не позволила разбить здесь равновеликие наделы. Нами обмерены и обследованы восемь наделов на юге полуострова. Ограниченные такими же межевыми дорогами, как и клеры остальной части Гераклеяского полуострова, они позволяют утверждать, что господствующее в литературе мнение о малых размерах клеров Маячного полуострова ошибочно.

Клер 49 (рис. 2) занимает восточную часть мыса между двумя рукавами Казачьей бухты. Площадь его около 19 га. В южной части надела расположен большой эллинистический виноградник (участки 20—22). Ширина плантажных полос 2,3 м, а плантажных стен 1,2 м. На южном склоне мыса плантажные стены образуют малые террасы до 0,3 м высотой. Остальные участки представляют собой хорошо сохранившиеся позднеантичные террасы, унаследовавшие в целом разбивку кварталов эллинистических виноградников. Остатки эллинистической усадьбы с башней расположены на южном берегу. Земли вдоль берега сильно повреждены эрозией.

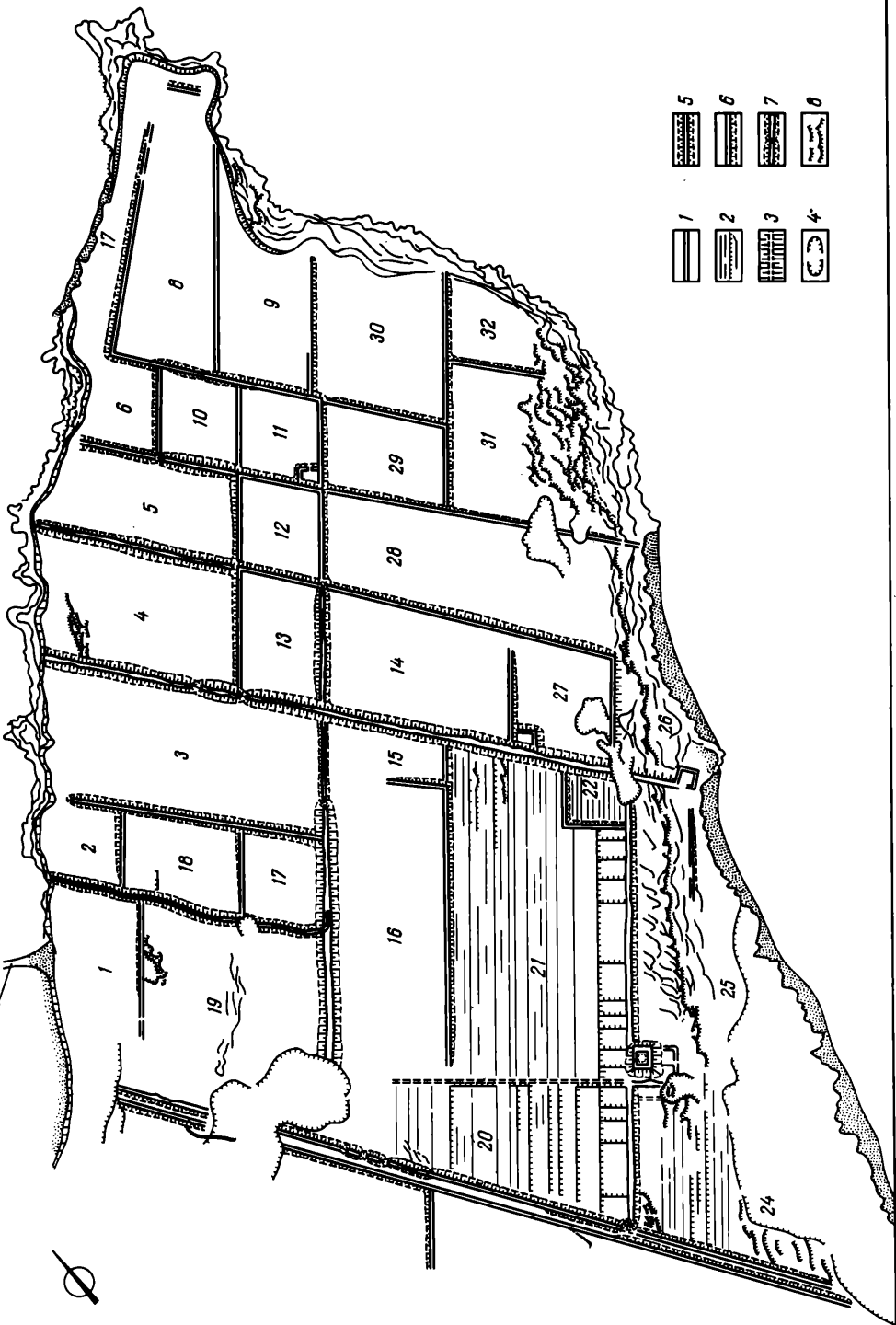
Клер 50 лежит в западной части того же мыса. От клера 49 отделен хорошо сохранившейся межевой дорогой шириной 5,2 м. Земли клера почти не возделывались в последующие столетия. Древние виноградные плантации разбиты крупными продольными кварталами. Эллинистическая усадьба находилась также на южном берегу. В 1973 г. охранными раскопками Херсонесского музея здесь раскопана кладовая с целыми синопскими пифосами и прочим материалом III—II вв. до н. э.⁵

Клер 51 (рис. 3) в плане представляет собой трапецию площадью около 19 га. Южной стороной примыкает к укреплению на перешейке. Эллинистические виноградники разбиты широкими (до 80 м) продольными кварталами, их ширина составляет 1/4 узкой стороны надела, что характерно для большинства наделов Маячного полуострова.

Клер 52/53 (рис. 4) примыкает к укреплению на перешейке Маячного полуострова. В плане представляет собой трапецию. Северная половина клера сохранила эллинистические виноградники, а южная половина участка переделана в первые века нашей эры в большой террасный виноградник, частью перекрывший руины укрепления, стена внутренней обороны которого использована в качестве крепиды.

Клер 55/61 (рис. 5, см. вкл.) представляет собой длинную (1200 м) кли-

Мол или притопленная пересьль

- 1 [Horizontal lines]
- 2 [Vertical lines]
- 3 [Diagonal lines (top-left to bottom-right)]
- 4 [Diagonal lines (top-right to bottom-left)]
- 5 [Dotted pattern]
- 6 [Horizontal lines with a central dashed line]
- 7 [Vertical lines with a central dashed line]
- 8 [Wavy lines]

новидную полосу с максимальной шириной на юге (380 м). Современная площадь около 23 га (какая-то часть земель срезана абразией). Земли клера 55 служили в последующие столетия выгоном (возделывался лишь тальвег балки), поэтому эллинистические виноградники сохранились почти повсеместно. Разбиты они широкими поперечными кварталами, отличающимися разнообразием ширины плантажных полос — от обычных 1,8—2 м до 12 м.

Клеры Маячного мыса обнаруживают общие черты в расплановке и устройстве плантажей как с клерами, расположенными на противоположном берегу Качачьей бухты, так и с клерами, лежащими к югу от укрепления на перешейке. Несмотря на то, что земли Маячного полуострова продолжали интенсивно использовать и в первые четыре века нашей эры, мелиоративные сооружения эллинистического времени хорошо прослеживаются. Этому способствовали: основательность мелиоративных работ III—II вв. до н. э., сформировавших в округе Херсонеса искусственный агрикультурный ландшафт и фундаментальные сдвиги экономического уклада Херсонеса, произошедшие около рубежа новой эры. Из-за серьезных изменений агротехники виноградарства, мелиоративные сооружения предшествующего времени уже не могли быть использованы по прямому назначению, кроме террас, с которых убирают плантажные стены.

В конце II в. до н. э. эллинистическая система землеустройства была по неизвестной причине упразднена и большие виноградарские наделы с их усадьбами забрасываются, после чего сельская округа города приходит в запустение, длившееся несколько десятилетий. В то же время было разрушено до основания и никогда уже не возобновлялось и укрепление на перешейке Маячного мыса.

Около рубежа нашей эры начинается постепенное возрождение ближайшей округи Херсонеса. Ее земли даже после сплошной мелиорации III—II вв. до н. э. оставались далеко не равноценными, так как отнюдь не везде было необходимо искусственно возобновлять почвенный покров, поэтому новые большие владения херсонеситов заняли наиболее плодородную и обводненную южную часть полуострова, а также прибрежные мысы. Оставшаяся незанятой широкая полоса в глубине побережья к югу и западу от Херсонеса очень долго служила общественным выгоном.

Поскольку в отличие от клеров III—II вв. до н. э. возродившиеся крупные владения были с самого начала многоотраслевыми, а значение пригородного скотоводства возрастало, их земли подразделялись на виноградники, пахоту и обширный выгон, занимавший до 2/3 площади самих владений (садоводство и огородничество были второстепенными). Многие сотни гектаров эллинисти-

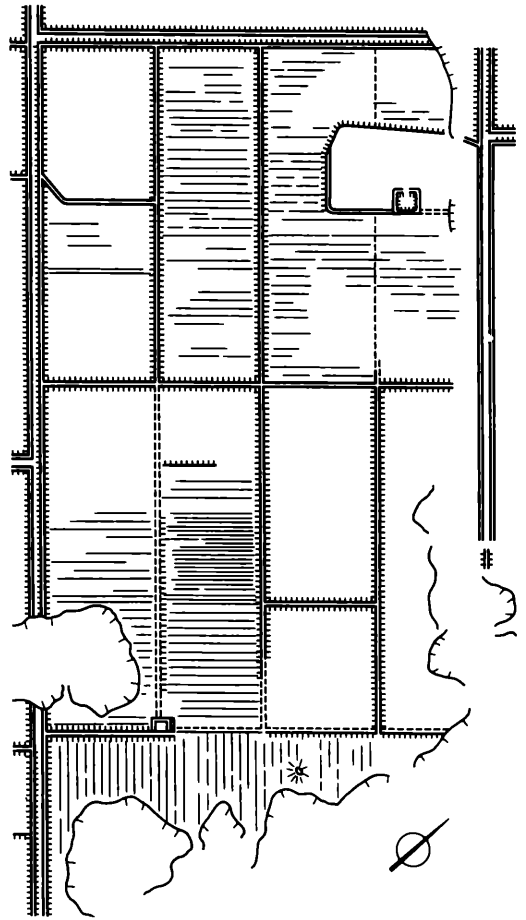

Рис. 3. План клера 51

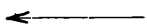

Рис. 2. План клера 49

1 — стены; 2 — плантажные стены; 3 — внутренние дороги клера; 4 — современные лакуны; 5 — развалы стен; 6 — края террас; 7 — щебень; 8 — выход скалы

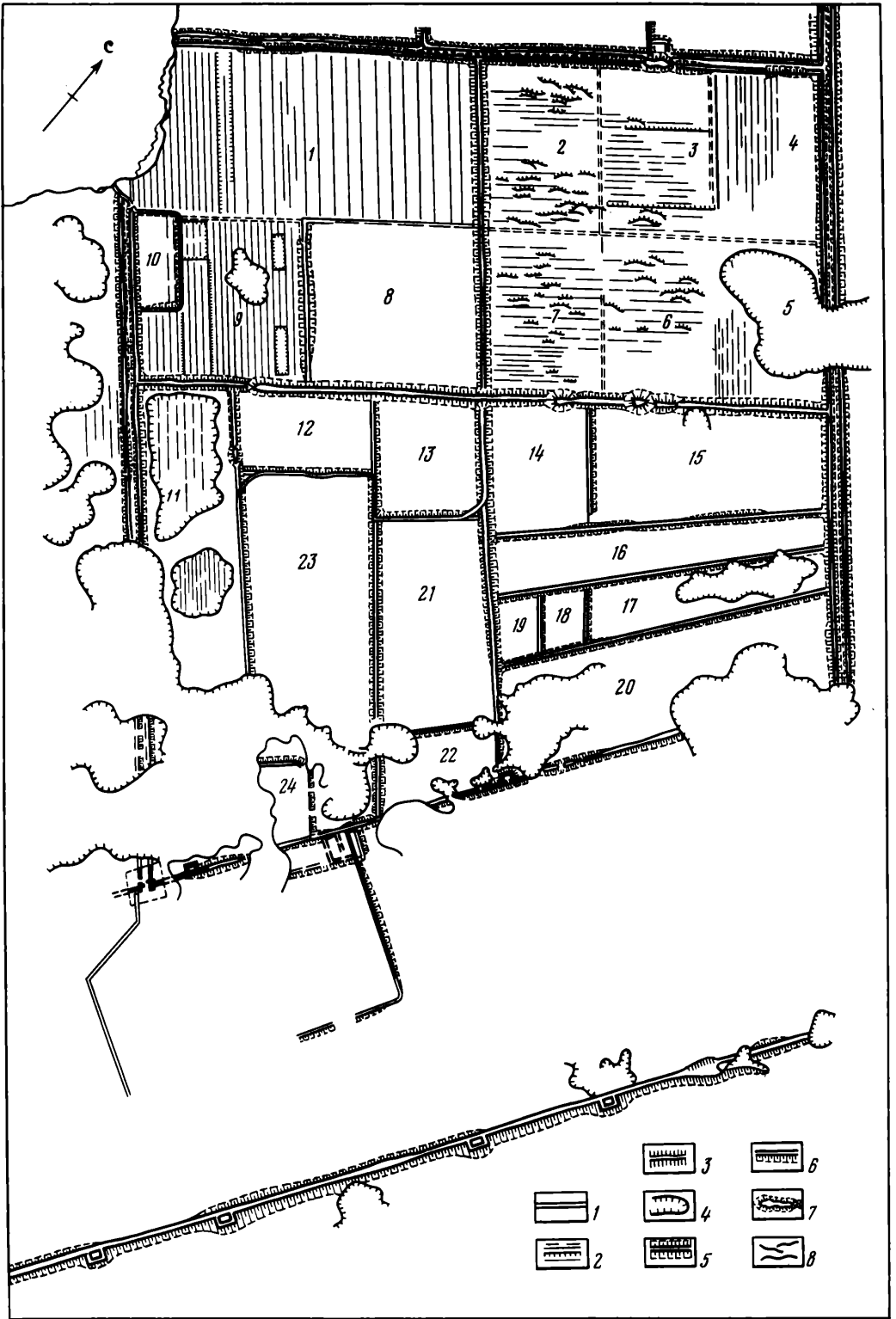

Рис. 4. План клера 52/53
условные обозначения см. рис. 2

ческих виноградников с плантажными стенами были при этом превращены в огороженные пастбища, для чего требовалось только заделать проходы в старых заборах. Именно этим изменениям мы обязаны замечательной сохранностью памятников мелиоративного строительства III—II вв. до н. э.

Следующим по значению фактором, благодаря которому владения первых веков нашей эры наследовали внутреннюю распланировку клеров IV—II вв. до н. э., было повсеместное в округе Херсонеса распространение террасного виноградарства, известного и за пределами земель, размежеванных в конце IV в. до н. э., включая долины предгорий. Прежде всего, при этом занимали готовые эллинистические террасы, с которых убирали плантажные стены. При разбивке же новых террас тоже невольно сохраняли старую распланировку виноградников, так как нередко использовали в качестве крепид заборы III—II вв. до н. э. (не все виноградники III—II вв. были террасированы).

Если эллинистические наделы мы видим такими, какими они сложились в годы наибольшего подъема херсонесского виноградарства (по материалам усадеб это первая половина II в. до н. э.), то и перекрывшие их позднеантичные владения являют картину, сложившуюся к концу IV в. н. э., когда произошло новое опустошение и запустение Херсонесской округи.

Как и в других местах Гераклейского полуострова, позднеантичные владения на Маячном мысу занимали земли нескольких наделов IV—II вв. до н. э., однако, так как их межами часто оставались старые эллинистические дороги, выявить отдельные землепользования I—IV вв. н. э. очень трудно. Все же по числу известных нам позднеантичных усадеб и обособленных массивов террасных виноградников, можно с известным допущением утверждать, что таких владений было четыре-пять. Два из них обследованы нами на юге Маячного мыса.

Владение I занимало мыс между двумя рукавами Казачьей бухты и прилегающие земли. Ему принадлежали террасные виноградники в северной части эллинистического надела 49. Тальвег балки распахивался (соленое озеро в древности отсутствовало). Виноградники клеров III—II вв. до н. э., 49—51 и 57, служили выгоном. Центром владения была большая усадьба, перекрывавшая руины эллинистической усадьбы 57.

Владение II занимало половину западного побережья полуострова, включая руины укрепления на перешейке. Террасные виноградники находились на юге клеров 52/53 и 51, пахота — на тальвеге упомянутой балки. Выгон занимал старые виноградники клеров 51 и 55/61. Большая усадьба, в настоящее время сильно разрушенная абразией, находилась в понижении западного берега, на меже усадьбы клера 55/61.

Агркультура Херсонеса в III—IV вв. н. э. вновь достигла бесспорно высокого уровня. Террасные виноградники с добротнo построенными крепидами нередко и до наших дней сохранившимися на всю высоту (от 1 до 1,5—1,7 м), видимо, возделывались очень тщательно. На огороженных пастбищах пригородных земель Херсонеса I—IV вв. н. э. нами выявлены специфически скотоводческие памятники, позволяющие вполне определенно сделать вывод о том, что основным направлением животноводства в то время было разведение крупного рогатого скота. К этим памятникам принадлежат обширные загоны для скота, нередко с характерными воронкообразными воротами и большими летними хлевами, которых разведено уже свыше 20. Все хлевы имеют близкие размеры (около 25×20 м), позволяющие судить о величине стад и очень стереотипный план — большой вход на одной из коротких сторон и маленькое помещение с вымощенным полом в одном из углов противоположной стены. В подъемном материале преобладают маленькие широкогорлые амфоры IV в. н. э. Черепицы нет. К числу таких памятников на Маячном мысу принадлежит обширный загон с летним хлевом в северном углу клера 51, загоны с пастушескими сторожками на клерах 49, 52/53 и в других местах.

Как видим, новые материалы позволяют решительно отказаться от взгляда на Маячный полуостров как на какой-то малопонятный заповедник, сохранивший, якобы, на поверхности земли нетронутые памятники первоначального землеустройства Херсонеса.

Но, может быть, под сооружениями эллинистического и позднеантичного

времени действительно проступает еще один более ранний слой, аграрные памятники первой половины IV в. до н. э., которые и исследовал Н. М. Печенкин? Мы не отвергали такую возможность безоговорочно, но обследованные нами земли, составляющие две трети Маячного мыса, пока этого не подтверждают.

Как же сложилось столь распространенное и принимаемое на веру представление о том, что Маячный полуостров, и только он, был первичной хорошей колонии гераклеотов? Для выяснения достоверности материалов Н. М. Печенкина нами была произведена по возможности полная сверка с натурой тех объектов на его картах, которые при неоднократном переиздании принимались за усадьбы IV в. до н. э. Была обследована 61 из 100 таких усадеб⁷ (рис. 7, нумерация объектов наша, кроме 1—5). Обследование не оставило сомнений в том, что эти постройки не только различного назначения, но и разновременны в пределах почти тысячелетия. Лишь единичные из них действительно являются обычными для всей округи Херсонеса сельскими усадьбами конца IV — конца II вв. до н. э. (1—8). Назначение и дата остальных таковы: 9—12 — большие загоны для скота на позднеантичных пастбищах (12 — с летним хлевом); 13—20 — однокамерные сторожки, хорошо датированные не только сборами керамики, но и их местоположением на поверхности позднеантичных террас; 21, 22 — небольшие помещения, которые, помимо усадеб, судя по керамике, также принадлежат III—II вв. до н. э. (не раньше). Подобные одно- двухкамерные сторожки, кладовые и т. п. известны на клерах и за пределами Маячного полуострова.

Все остальные номера, т. е. две трети обследованных нами мнимых усадеб IV в. до н. э. на самом деле представляют собой отрезки эллинистических виноградников с плантажными стенами, либо раскопанные Н. М. Печенкиным (23—27), либо просто кладки, видимые на поверхности, предназначенные для раскопок.

За наружные ограды несуществующих, как теперь выясняется, владений IV в. до н. э. Н. М. Печенкин принимал «особенно толстые заборы» (4—5 м толщиной). Между тем, такие заборы на Маячном мысу как и повсюду на Гераклеийском полуострове, принадлежат по преимуществу позднеантичному времени⁸, и основное, а нередко и единственное их назначение (точно также, как и в эллинистическое время) — складирование огромных объемов щебня, получавшегося только уже не при строительстве, как в III—II вв. н. э., а при разборке плантажных стен в соответствии с изменившейся агротехникой виноградарства.

Мы уже писали о недопустимости датировки основания настоящих сельских усадеб Маячного полуострова, раскопанных Н. М. Печенкиным, концом V — началом IV в. до н. э. по единичным краснофигурным фрагментам⁹, поскольку массовая керамика из усадеб клеров Маячного мыса относится к эллинистическому времени¹⁰.

Перейдем к назначению Маячного укрепления в системе обороны Гераклеийского полуострова в целом и самого Херсонеса. Рельеф и ландшафт юго-западной Таврики весьма удобен для организации службы раннего оповещения. Достаточно было 6—7 (по числу доступных проходов) маленьких укреплений обсервационно-сигнального назначения, расположенных на высотах северного склона Инкерманской долины¹¹ и Золотой балки и дополненных пикетами, чтобы вполне исключить скрытное проникновение неприятеля к естественным рубежам Гераклеийского полуострова. Но даже нападающий, достаточно сильный, чтобы быстро преодолеть передовые укрепления на гребне Сапун-горы и Каранских высот¹², вторгнувшись на Гераклеийский полуостров, попадал в каменный лабиринт, где его сразу же вынуждали вести тяжелые бои, малоотличные от уличных¹³. Те немногие межевые дороги (P, Q, R) по которым можно было напрямик достичь Херсонеса, были преднамеренно блокированы укрепленными усадьбами¹⁴, особенно теми, которые расположены рядом у перекрестков. При серьезной опасности нестроевое население покидало усадьбы и угоняло скот. Расположение межевых дорог позволяло ему быстро достичь укрытия за стенами либо Херсонеса, либо укрепления на перешейке Маячного полуострова, для которого назначение убежища сельского населения хоры в III—II вв. едва ли не было основным.

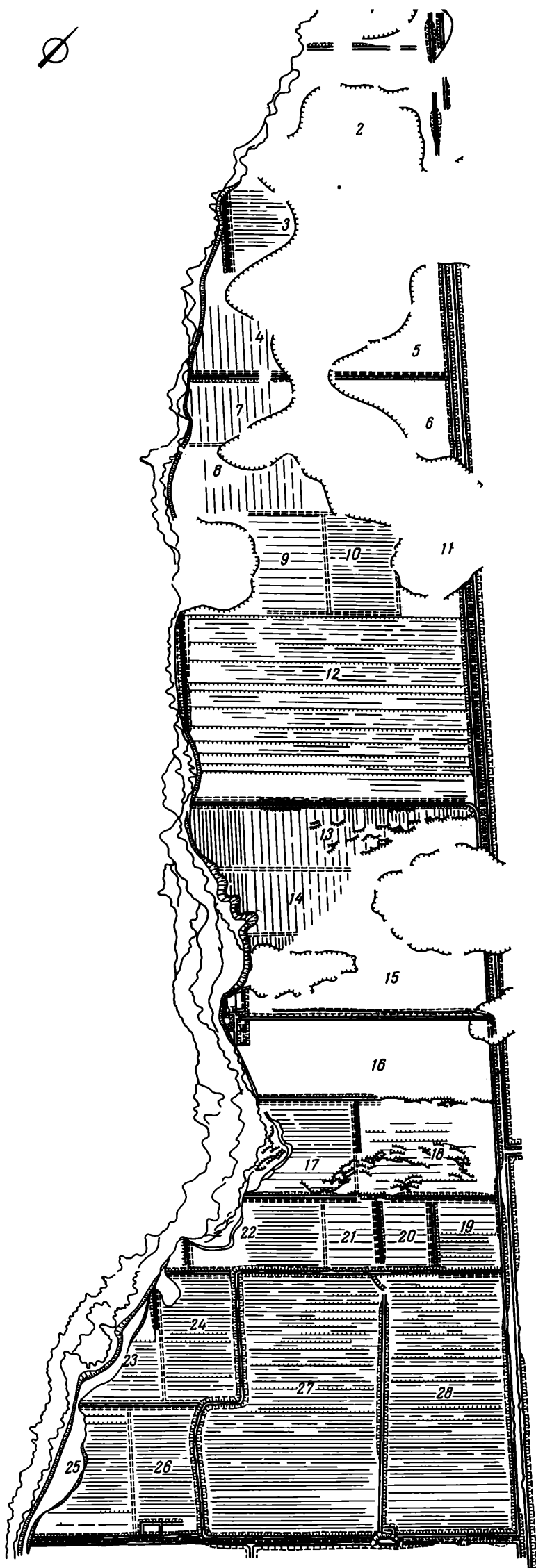

Рис. 5. План клера 55/61

- ¹ Костюшко-Валюжинич К. К. Важное археологическое открытие в Крыму.— ИТУАК, Симферополь, 1891, № 13, с. 55; *Бертье-Делагард А. Л.* Раскопки Херсонеса.— МАР, СПб., 1893, XII, с. 55 и сл.; *Он же.* О Херсонесе.— ИАК, СПб., 1907, вып. 21, с. 177 и сл.; *Печенкин Н. М.* Археологические разведки местности страбоновского старого Херсонеса.— ИАК, СПб., 1911, вып. 42, с. 198; *Гриневич К. Э.* Исследование подводного города в 1930—31 годах. М., 1931; *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 12 и сл.; *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 40 и сл.; *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961, VIXC, с. 14—42; *Шеглов А. Н.* Тавры и греческие колонии в Таврике.— Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1981, с. 212—248.
- ² *Шеглов А. Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976, с. 43.
- ³ А. Н. Шеглов датирует размежевание округа Херсонеса еще суммарнее, второй половиной IV в. до н. э., сближая, таким образом, это событие с датой основания укрепления на перешейке (*Шеглов А. Н.* Тавры и греческие колонии в Таврике..., с. 214).
- ⁴ Нумерация клеров соответствует схеме размежевки, опубликованной в статье И. Т. Кругликовой (*Кругликова И. Т.* Земельные наделы херсонесцев на Гераклейском полуострове.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 11).
- ⁵ Устное сообщение С. Г. Рыжова и М. И. Золотарева, производивших эти раскопки.
- ⁶ Ранее принимался за два. Смежный на западе клер 54 не сохранил древних сооружений.
- ⁷ *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического, с. 30.
- ⁸ Архив ЛОИИМК, ф. 27, д. № 14, л. 6 и 7. Такой же анахронизм допускает А. Н. Шеглов (Полис и хора, с. 213), реконструируя размежевание Маячного мыса на 100 наделов IV в. до н. э.
- ⁹ *Жеребцов Е. Н.* Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV—I вв. до н. э.— КСИА, 1976, № 145, с. 14, 15.
- ¹⁰ Хотя у Н. М. Печенкина были ошибки, он одним из первых пытался разобраться в полевых материалах необычной сложности и огромного объема; его заблуждения в то время были неминуемы.
- ¹¹ Одно из этих укреплений IV—II вв. до н. э. расположено на южной оконечности Загайтинской скалы.
- ¹² Их остатки в значительной мере стерты еще укреплениями циркумбалиционной линии англо-французов в 1854—1856 гг.
- ¹³ Описанные тактические приемы обороны были широко известны древним.
- ¹⁴ *Гриневич К. Э.* Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района.— Крым, 1929, № 2(10), с. 46.

Е. Я. РОГОВ

СЫРЦОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ НЕКРОПОЛЯ ПАНСКОЕ I

Среди погребальных сооружений, открытых Тарханкутской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР на могильнике Панское I, значительное место принадлежит могилам с сырцовыми конструкциями¹. Из 21 раскопанного кургана сырцовые конструкции встречены в 12, кроме того, в двух случаях сырцовые конструкции встречены в грунтовых погребениях. Ранее в Северо-Западном Крыму была известна только одна могила, где сырец был употреблен для устройства перекрытия. Она была раскопана Н. И. Веселовским в 1891 г. у д. Верхний Кульчук².

Выявление сырцовых конструкций в могилах представляет значительные трудности, которые объясняются технологией изготовления кирпича и сохранностью сооружений. Сырьем для изготовления сырцового кирпича служили местные суглинки с небольшим добавлением известняковой крошки и рубленой соломы, отпечатки которой хорошо видны в изломах. Из суглинка же возводились и насыпи курганов, поэтому кирпич по цвету и структуре мало отличается от окружающего грунта. Насыпи большинства курганов низкие (0,25—0,4 м), сильно расплывшиеся и значительно переработаны корнями растений; по этой причине сырцовые сооружения оказываются поврежденными.

Для устройства могил использовался сырцовый кирпич двух видов: квадратный, размером примерно 0,4×0,4×0,09 м, и прямоугольный, составляющий половину квадратного (0,4×0,2×0,09 м)³. Кирпичи клались на глиняном растворе логом или логом и тычком, в обоих случаях перевязка по углам была цепная. Стены здания У6 поселения Панское I, возведены из кирпичей таких же размеров.

Все могилы, в которых установлено применение сырцовых кирпичей, можно разделить на четыре группы: 1) подбойные могилы с входным отверстием, закрытым сырцовой стеной; 2) могильные ямы с сырцовым перекрытием; 3) могильные ямы, обложенные по стенкам сырцовым кирпичом; 4) склепы из сырцового кирпича.

1. Первая группа могил в отличие от остальных — грунтовые могилы, расположенные в межкурганном пространстве. Из пяти подбойных могил, открытых в некрополе, две (МО—31, МО—39) имели сырцовые заклады. Подбойные могилы (тип I, по Б. Н. Гракову⁴) состояли из входной ямы и подбоя, вырубленного в материковом грунте. Иногда вырубалось два подбоя по обеим длинным сторонам входной ямы (МО—31) (рис. 1, 1)⁵. Отверстия подбоев закрывались сырцовыми стенками, шириной 0,2 м, длина и высота которых соответствует размерам входного отверстия: в могиле МО—39 длина закладной стенки была 1,8 м, высота 0,4 м, в могиле МО—31 длина стенки, закрывавшей северо-западный подбой, 1,9 м, высота 0,3 м, длина стенки юго-восточного подбоя 1,85 м, высота 0,4 м. Такой прием закладывания входа в подбой известен в Ольвии в IV в. до н. э. и позже⁶. Обе подбойные могилы некрополя Панское I датируются первой половиной IV в. до н. э.

2. Перекрытие могилы из сырцовых кирпичей открыто в кургане К—57. Погребальное сооружение представляло собой земляной склеп, в который с юго-запада вел ступенчатый дромос, вход в склеп заложен каменной стенкой. Сверху, очевидно, поверх деревянного настила, было уложено перекрытие из сырцового кирпича толщиной около 0,2—0,3 м, впоследствии частично обрушившееся внутрь могилы (рис. 1, 6). Земляной склеп служил семейной усыпальницей, он содержал остатки трех последовательных захоронений. Курган датируется IV в. до н. э. Судя по описанию, подобное устройство имел курган, раскопанный в 1891 г. у д. Верхний Кельчук⁷.

3. Могильная яма, обложенная по стенкам сырцовым кирпичом, открыта в кургане К—35 (рис. 1, 2). Под курганной насыпью находилась яма глубиной 1,25 м от уровня древней дневной поверхности. Размеры ее 1,8×2,8 м. По периметру на всю высоту стенки ямы обложены сырцовым кирпичом, ширина сырцовой обкладки 0,2 м. Пол ямы обмазан глиной. Курган датируется IV в. до н. э. Аналогичные могильные ямы известны на Таманском полуострове с рубежа VI—V вв. до н. э., где они связываются с погребальными традициями синдов⁸, небольшое число таких гробниц встречено в некрополях Европейского Боспора, в Нимфее⁹, Пантикапее¹⁰, две могилы известны в Ольвийском некрополе¹¹.

4. Четвертая группа погребальных сооружений — подкурганые склепы, целиком возведенные из сырцового кирпича — наиболее многочисленна (рис. 1, 4—7). Насыпи курганов обложены кольцевыми оградами из необработанных известняковых плит и камней. Угол наклона камней кольцевой ограды, лежащих на насыпи, позволяет в большинстве случаев реконструировать высоту насыпей.

Большинство склепов возводилось непосредственно на древней поверхности, но иногда склепы строились на небольшой подсыпке из суглинка (К—32, К—46), либо в неглубоком, до 0,10 м котловане, вырытом по размерам будущего сооружения (К—34). В плане они представляют собой камеру прямоугольной формы, сложенную из сырцовых кирпичей. Иногда длинные стороны склепа изнутри облицованы известняковыми плитами (К—42).

Размеры склепов показаны на таблице, из которой видно, что стандарт величины склепа не существовало. Вместе с тем, следует упомянуть, что не все сооружения сохранились одинаково хорошо, в ряде случаев размеры склепов можно установить лишь приблизительно (К—40, К—43, К—44) (табл.).

Склепы сохранились в высоту, как правило, на 2—3 ряда кладки. Первоначальная высота двух склепов (К—39, К—32) была не намного больше — до 0,4 м, однако стратиграфические наблюдения показывают, что в большинстве случаев первоначально склепы были значительно выше. Так, первоначальная высота была 0,9 м склепа могилы 2 в кургане 2; 0,7 м — склепа К—42; 0,6 м — склепа К—57. Толщина стен во всех случаях не превышает 0,4 м, что соответствует ширине одного квадратного кирпича или двух прямоугольных.

Сверху склепы перекрывались, скорее всего, деревянным настилом и извест-

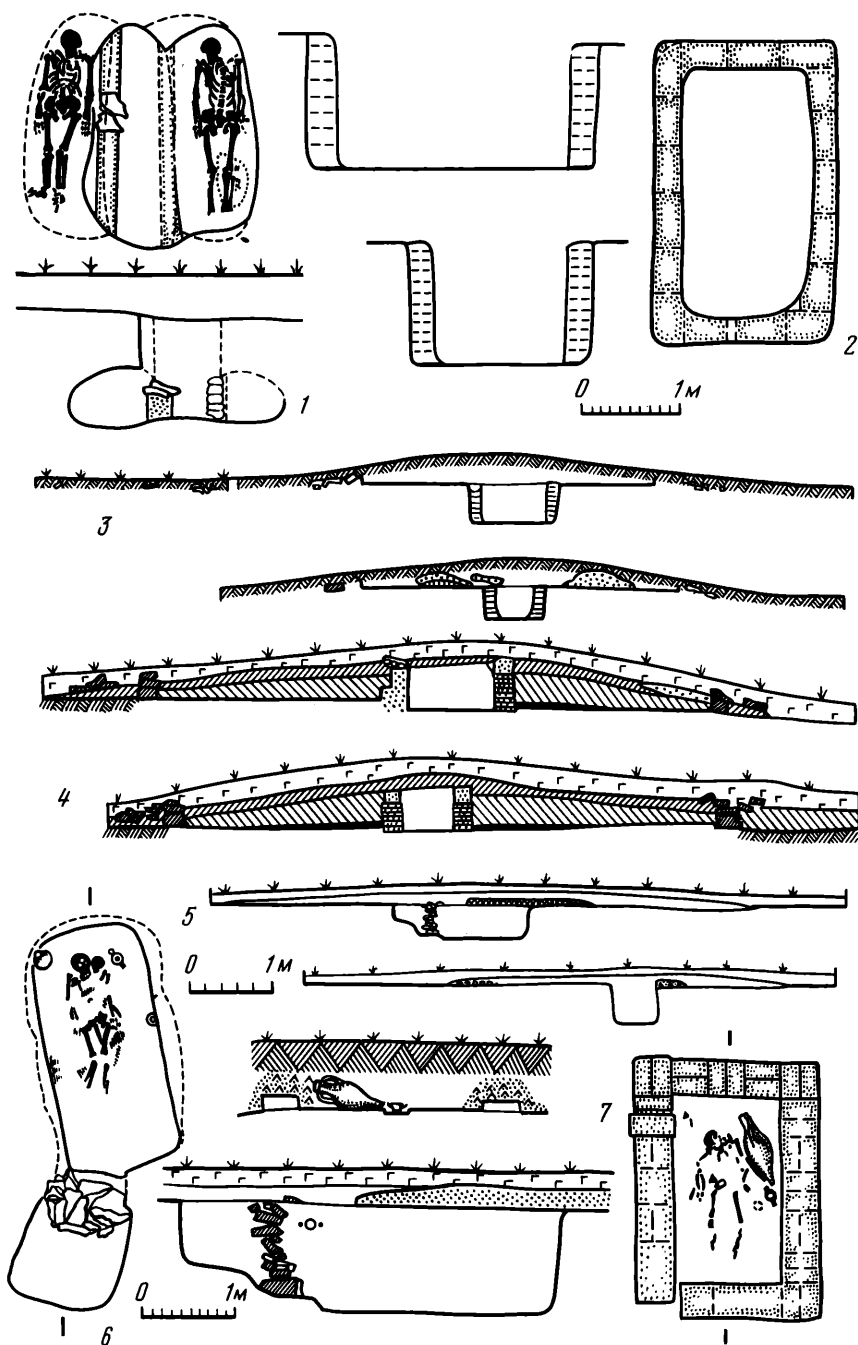

Рис. 1. Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I
 1 — подбойная могила MO-31 с сырцовым закладом; 2 — грунтовая яма с обкладкой стенок сырцовым кирпичом (K-35 M1); 3a, 3б — разрезы кургана K-35; 4a, 4б — разрезы кургана K-34 с сырцовым склепом; 5a, 5б — разрезы кургана K-57; 6 — план и разрез центральной могилы M1 в кургане K-57; 7 — план сырцового склепа в кургане K-39

няковыми плитами; после того как перекрытие обрушивалось, плиты сползали внутрь склепа. Установлено, что на перекрытиях устраивалась небольшая выкладка из нескольких известняковых камней, которая могла держать надгробие. Дно склепов обмазывалось глиной или оставалось земляным.

Количество погребенных в склепах различно: по четыре костяка содержали склепы в курганах K-40, K-43 и K-15, три костяка — в кургане K-44, два костяка — в кургане K-42 и один — в кургане K-39. В склепах могил 2 и 6 кургана 2, K-34, K-36, K-46 погребенных и погребального инвен-

Т а б л и ц а
Размеры сырцовых склепов

Курган, могила	Длина	Ширина	Сохранившаяся высота	Первоначальная высота
К—2, мог. 2	3,00	1,95	0,6	0,9
К—2, мог. 6	3,00	2,00	0,4	0,6
К—15, мог. 1				
К—32 «	2,80	2,00	0,2	0,3—0,4
К—34 «	3,60	2,80	0,7	1,0
К—39 «	2,60	1,80	0,1	0,35
К—40 «	3,40	2,40	—	—
К—42 «	3,00	2,40	0,4	0,7
К—43 «	3,20	2,40	—	—
К—44 «	2,80	2,30	—	0,5
	3,00	1,85	0,2—0,3	—

таря не было. Склеп в кургане К—32 был кенотафом — он содержал стандартный набор погребального инвентаря, который занимал половину внутреннего пространства склепа.

Основные особенности строительства сырцовых склепов позволяют проследить склеп в кургане К—34 (рис. 2). Поскольку он сохранился лучше остальных, остановимся на нем подробнее. Курган К—34 располагался в группе больших курганов в северо-западной части могильника, высота его 1,4 м. С севера пола кургана К—34 сливалась с полой кургана К—35, таким образом, гнездо курганов состояло из двух насыпей. Диаметр расплывшейся насыпи К—34 — 17 м. Форма насыпи правильная, куполообразная, вершина ее слегка уплощена. В древности насыпь, судя по наклону камней в ее основании, была выше не менее, чем на 0,4—0,5 м. Основание насыпи окружала кольцевая обкладка шириной около 1 м, состоявшая из обломков известняка и известняковых плит. Кольцевая обкладка перекрыла крепиду кургана, возведенную на уровне древней поверхности степи из крупных обломков известняка. С юго-запада, как и во всех остальных курганах некрополя, где есть алтари, вплотную к крепиде поставлен алтарь — хорошо отесанный блок мшанкового известняка, на верхней грани которого имеется чашевидное углубление и желобок для стока. У алтаря и в противоположной части насыпи зафиксированы тризны. Всего в кургане открыто семь погребальных сооружений: центральное — склеп из сырцового кирпича и шесть детских могил, впущенных в насыпь.

Устанавливается следующая стратиграфия кургана К—34. Курган сооружался в два приема. Первая насыпь, высотой около 1 м, покрывала центральное сооружение — склеп. В юго-восточной части насыпь перекрыла и детскую могилу МО—4 — яму, впущенную с уровня древней поверхности и обозначенную на этом уровне четырьмя известняковыми плитами. С этой насыпью связана крепида кургана. Вторая насыпь, в отличие от первой, состоявшей из чистого лессовидного суглинка, содержит помимо последнего, значительные линзы известняковой скальной крошки; с нею связывается кольцевая обкладка кургана. Во вторую насыпь впущено пять детских могил.

Центральное погребальное сооружение — сырцовый склеп возведен в неглубоком (0,1 м) котловане, вырытом по размерам склепа с уровня древней поверхности. Изнутри стены склепа дважды оштукатурены и побелены, что свидетельствует о произведенном, по крайней мере однажды, ремонте. Дно склепа обмазано глиной. Сверху склеп перекрывался деревянным настилом. Внешние размеры склепа 2,0×2,8 м, высота 7—8 рядов кладки, около 0,8 м. Стены сложены в технике постелистой ложковой двурядной кладки с цепной перевязкой в углах из сырцовых кирпичей размером 0,4×0,2×0,09 м.

В радиусе около 2 м вокруг склепа древняя поверхность почвы устлана толстым 0,07—0,1 м слоем морских водорослей — зостеры. У южного угла склепа поверх водорослей лежало несколько кирпичей, вывалившихся из юго-восточной стены. Это обстоятельство позволяет придти к заключению, что склеп, после того как было закончено его строительство, некоторое время (может быть, достаточно продолжительное) оставался без насыпи. Таким обра-

Рис. 2. Склеп из сырцовых кирпичей в кургане К-34

зом, строительство всего кургана не было актом единовременным, а продолжалось длительное время.

Погребения склеп не содержал, а вместе с тем, отсутствие нарушений в насыпи и характер заполнения центральной могилы позволяют утверждать, что склеп не был ограблен. По-видимому, древние строители, еще при жизни заботившиеся о своей семейной усыпальнице и хоронившие своих детей на семейном участке некрополя, по каким-то причинам сами здесь погребены не были. Курган датируется IV в. до н. э.

Подобные погребальные сооружения, целиком возведенные из сырцового кирпича, в Северном Причерноморье, за исключением некрополя Кеп, пока не известны. В кургане 7 некрополя Кеп открыт склеп размером $2,83 \times 2,08 \times 1,04$ м, сложенный из сырцового кирпича ($0,62 \times 0,45 \times 0,08$ м). Изнутри стены и дно склепа покрыты обмазкой¹². Такой же сырцовый склеп и три сырцово-кирпичные впускные гробницы открыты в кургане 16 этого же некрополя¹³. Все эти гробницы в некрополе Кеп датируются IV в. до н. э.

До настоящего времени лишь Азиатский Боспор, а точнее, его строго определенная часть — Таманский полуостров, был районом, где сырцовые гробницы составляли особую группу погребальных сооружений¹⁴. Употребление сырцового кирпича для устройства погребений получило здесь широкое распространение уже с рубежа VI—V вв. до н. э.¹⁵ В IV в. до н. э. наряду с могилами, обложенными по стенам сырцом, в этом районе появляются сырцовые склепы¹⁶. На Керченском полуострове зафиксированы лишь могилы, обложенные сырцом, причем количество их весьма незначительное¹⁷. В некрополе Ольвии сырцовый кирпич применялся, как правило, для закладов подбоев. Употребление сырцового кирпича для устройства могил в некрополе Херсонеса неизвестно.

На этом фоне открытие в некрополе Панское I всех известных в Северном Причерноморье категорий погребальных сооружений с сырцовыми конструкциями представляет уникальное явление. Объяснение его следует, по-видимому, искать в известной этнической неоднородности населения, оставившего этот памятник.

¹ Общая характеристика могильника Панское I дана в кн.: *Шеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1979; информацию о раскопках см. в АО, начиная с 1970 г.

² ОАК за 1891 г. СПб., 1893, с. 74; *Спицын А. А.* Скифо-сарматские курганы Крымской степи. — ИТУАК, 1918, 54, с. 172.

³ О сырцовом строительстве и приемах изготовления сырцового кирпича см.: *Аверин Н. Д.* Глинобитное строительство жилых, производственных и животноводческих построек. М., 1956; *Нагорский Н. В.* Саманное строительство. Технология и экономика. М., 1942; *Лебедев Л. Н., Павленко В. Т.* Строительство зданий из земли. Л., 1959; *Шеглов А. Н.* Об определении высоты построек по развалам сырцовых стен. — КСИА, 172, с. 50—56.

⁴ *Граков Б. Н.* Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии. — АСГЭ, 1964, вып. 6, с. 120, 121.

⁵ Такие подбойные могилы составляют характерную особенность Ольвийского некрополя. См.: *Козуб Ю. И.* Погребальный обряд Ольвийского некрополя. — ЗОАО, Одесса, 1960, т. I(34), с. 78; *Она же.* Некрополь Ольвии V—IV ст. до н. э. Київ, 1974, с. 14.

⁶ *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. — ИАК, 1903, вып. 8; *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии..., с. 14.

⁷ ОАК за 1891 г. СПб., 1893, с. 74.

⁸ *Сорокина Н. П.* Тузлинский некрополь. — Труды ГИМ, М., 1957, вып. 26, с. 13, 14.

- ⁹ *Силантьева П. Ф.* Некрополь Нимфея.— МИА, 1959, № 69, с. 24.
¹⁰ *Цветаева Г. А.* Грунтовой некрополь Пантикапея.— МИА, 1951, № 19, с. 66.
¹¹ *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии..., с. 18; *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии..., с. 12, 13, рис. 2, 3; *Kurtz D. C.* Boardman. Greek Buréal Customs. London, 1971, p. 82, fig. 12, p. 106.
¹² *Сокольский Н. И.* Раскопки в Кехах в 1962 г.— КСИА, 1965, вып. 103, с. 116.
¹³ *Сокольский Н. И.* Работы Таманской экспедиции.— АО 1968 г. М., 1969, с. 88.
¹⁴ *Фармаковский Б. В.* Милетские вазы из Южной России.— Древности, М., 1916, т. XXV, с. 58.
¹⁵ *Сорокина Н. П.* Тузлинский некрополь..., с. 50; *Сокольский Н. И., Сорокина Н. П.* Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957—1963 гг.— ЕГИМ, М., 1966, с. 29—33.
¹⁶ *Сокольский Н. И.* Раскопки в Кехах..., с. 116.
¹⁷ *Силантьева П. Ф.* Некрополь Нимфея..., с. 26; *Цветаева Г. А.* Грунтовой некрополь Пантикапея..., с. 66.

А. А. МАСЛЕННИКОВ, О. Д. ЧЕВЕЛЕВ

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ ГЕНЕРАЛЬСКОЕ

В конце 70 — начале 80-х годов Восточно-Крымской экспедицией ИА АН СССР была проведена разведка части побережья Азовского моря, ранее не затронутая исследованиями¹. Среди обнаруженных здесь памятников античного времени выделяется городище Генеральское. Оно находится к западу от м. Зюк и было открыто в 1977 г.² Городище расположено на небольшом каменистом плато в восточной оконечности¹. Место для поселения выбрано чрезвычайно удачно (рис. 1—2). Высокий береговой обрыв и сильная крутизна склона плато делали его неприступным с севера и востока. С запада и юго-запада имелись две окаймленные скалами удобные бухты, закрытые от господствующих и наиболее свирепых северо-восточных ветров. С юга к городищу подходит окруженная со всех сторон скалистыми краями долина. На ней вблизи моря имелись еще в недавнем прошлом источники пресной воды. Гряда довольно высоких холмов и скал скрывает городище со стороны степи, а расположение его на мысу открывает широкий обзор моря и побережья. Подъезд к поселению был укреплен в древности рвом и валом с юга у склона холма в месте, где долина наиболее полого подступает к городищу. Городище по всему периметру было окружено каменными стенами. Особенно мощной являлась относительно хорошо сохранившаяся стена в южной части плато. Она сложена из довольно больших необработанных известняковых глыб и имела длину не менее 135 м. В ней заметны два выступа — бастiona или башни, третья находилась в юго-восточном углу поселения. Здесь же были укрепленные ворота шириной около 4,5 м. Территория внутри стен относительно ровная, с небольшим уклоном пологими террасами к северо-западу. В некоторых местах на поверхности выступают выходы скал. Несколько поздних ям, порой довольно больших, нарушают культурный слой. Площадь его несколько более одного га. Особенностью ландшафта городища и его окрестностей является отсутствие столь характерных для многих сельских поселений европейского Боспора больших холмов. Не установлено пока и местоположение некрополя.

Отдельные камни, ямы и очень тонкий культурный слой есть и в долине перед поселением, особенно в ее северной части. Примечательна находка здесь кусков розовой цемянки, возможно, свидетельствующей о существовании на этом месте в древности винодельни.

В 1979 г. на городище были проведены небольшие разведочные раскопки. Раскоп площадью 82 кв. м был разбит в северо-восточной части на месте большой воронки, на естественной террасе, образованной выходами скал и местами укрепленной подпорной стеной, сложенной из больших камней. Терраса эта протянулась вдоль берегового обрыва почти с востока на запад на 35—40 м. Ширина ее около 10 м. Выше и ниже ее на слегка пологом склоне были, возможно, еще одна—три террасы.

Мощность культурного слоя на раскопке: 0,7—1,2 м. Материк — известняковая скала или предскальная щебенка и светлая глина.

Рис. 1. Городище Генеральское. Общий вид

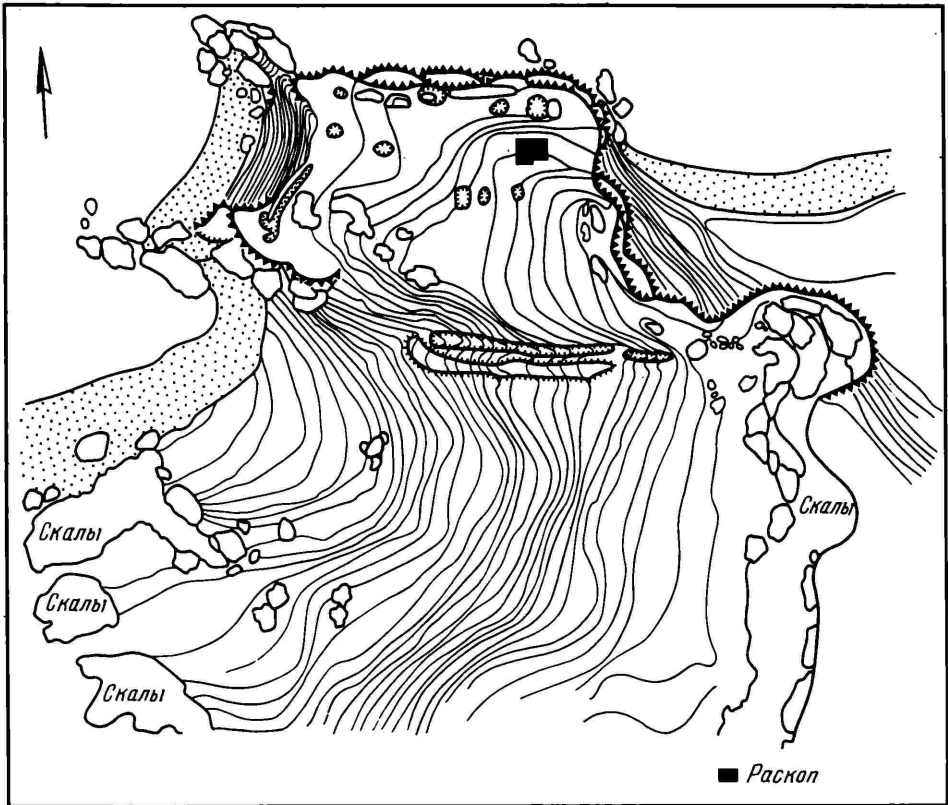

Рис. 2. План городища Генеральское

Обнаруженные (рис. 3) слои относятся к III—IV вв. н. э. Есть следы обитания здесь людей и ранее этого времени. Так в яме 10, вырубленной в скале в юго-западном углу помещения 1 на глубину 0,8 м, в слое золы, заполнявшем нижнюю часть ямы, были отдельные находки эллинистического времени: фрагменты гераклейских и синопских амфор, в том числе ручка с клеймом, несколько мелких костей животных и железный нож с костяной рукояткой. Верхняя часть ямы засыпана грунтом с материалом более позднего времени.

Целиком вскрыто помещение 10 и частично — дворик и соседние помещения с разного рода ямами. Размеры помещения 1:5,4×8 м. Оно ограничено с востока стеной 3, сохранившейся в длину на 2,6 м, в высоту от 0,3 до 1,1 м (до четырех рядов кладки). Ширина стены 0,74 м. Она сложена на глине в два панциря с забутовкой. Стены лежат на скале.

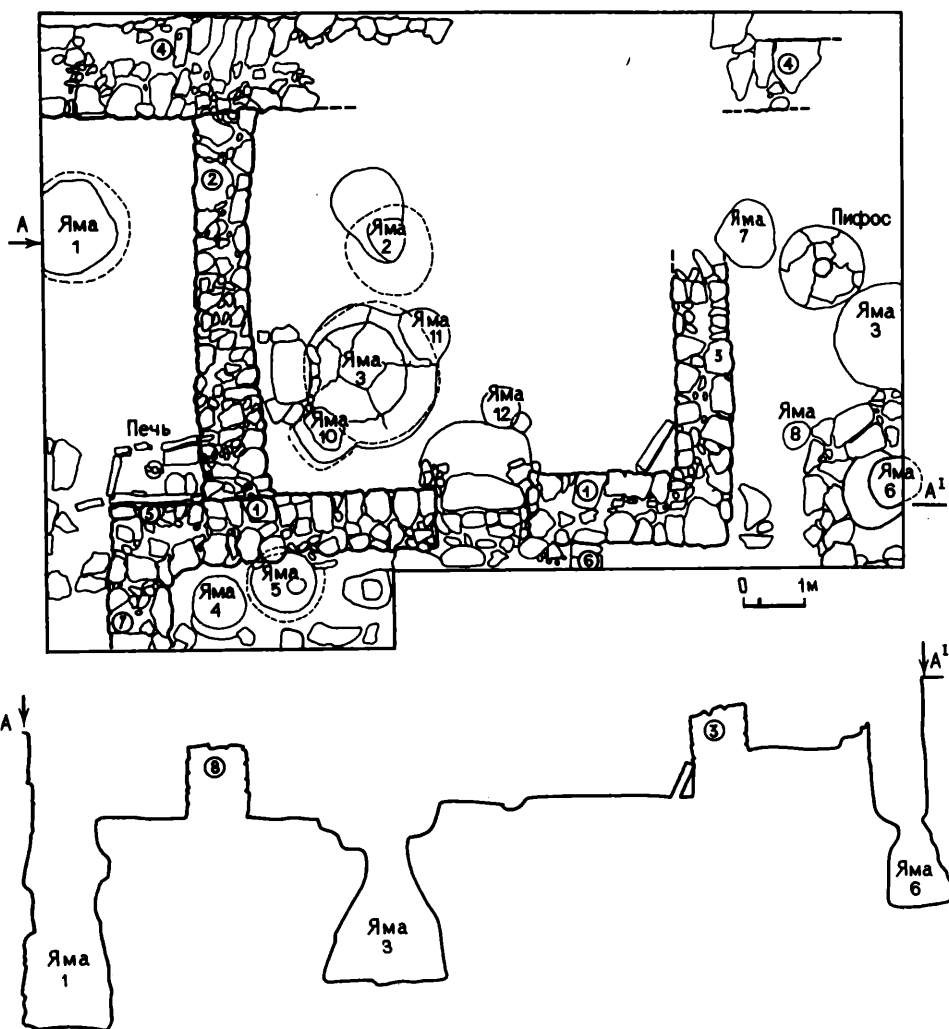

Рис. 3. План раскопа 1 и разрез его по линии А-А1

Западная стена 2 длиной 4,8 м, шириной 0,76—0,82 м и высотой 0,5—1 м аналогична вышеописанной по характеру и материалу кладки и пристроена впритык к стенам 1 и 4.

Северная стена 4 прослежена на протяжении 4,8 м. Ширина ее 1,2 м. Она сложена из более крупных камней и была, видимо, общей для нескольких помещений.

Южная стена 1 длиной 5 м, шириной 0,9—0,96 м сохранилась в высоту на 0,46—0,8 м. В ней был дверной проем шириной 1,16 м, с плитой-порогом, он вел из мощеного плоскими камнями двора внутрь помещения 1. Стены были обмазаны глиной, куски которой лежали рядом.

Возле стены 2 находилась плоская плита (0,82×0,49×0,12), вероятно, столик. В юго-восточном углу помещения обнаружено ритуальное захоронение собаки: были вынуты два-три камня из нижних рядов кладки стен 1 и 2 и образовавшаяся ниша отгорожена подтесанной плитой. На пол (скалу) был насыпан слой мелких морских раковин толщиной 0,08—0,1 м, затем положен труп небольшой собаки, сверху засыпанный слоем золы в 0,3 м. В золе над скелетом найдены закрытый светильник, лепной, сероглиняный и такие же горшочек (рис. 4, № 18) и чашка с обломанным краем венчика.

Подобные культовые жертвенники не известны на других поселениях Боспора, но в Приазовье эта находка не единична. Два аналогичных жертвенника или культовых захоронения в жилых помещениях были открыты при раскопках городища на м. Зюк, отождествляемого с Зеноновым Херсонесом Клавдия Птолемея. И там костяк собаки лежал на подсыпке из морских

раковин и был перекрыт слоем золы, в которой находились точно такие же предметы: светильник, лепной горшок и чашечка. Оба помещения также относились к III—IV вв. н. э. Таким образом, перед нами очень интересный обряд, в котором зола и светильник олицетворяли огонь, а морские раковины, возможно, воду. Причем речь идет не о культе огня вообще, а скорее всего о культе домашнего очага.

Символ воды — раковины и, по всей видимости, закрытый сосуд-горшок вместе со светильником и золой должны были символизировать достаток в доме, к этому добавляется чашечка, где, быть может, находилась какая-то пища. Таким образом, огонь, вода и пища — атрибуты любого благополучного жилья, собака же — верный страж человеческого дома, символ его безопасности. К тому же собака — спутник Гестии (Весты) — богини домашнего очага, при этом у римлян с ларами ассоциировалась простая дворняжка³.

Можно только гадать, был ли этот обряд вдруг вспыхнувшей на закате античности старой эллинской традицией, или отголоском древних общепалеоиндоевропейских представлений, принесенных на Боспор волной готских походов?

Внутри помещения I расчищено несколько ям различного назначения и размеров. Небольшая яма 12 вблизи порога к моменту гибели помещения в IV в. н. э. была заброшена. Заполнявшая ее зола утоптана и перекрыта камнями. В яме найдены мелкие фрагменты краснолаковых сосудов и часть лепного сероглиняного светильника ладьевидной формы. Вероятно, яма относилась ко II—III вв. н. э.

Высеченная в скале яма 3 конусовидной формы глубиной 1,8 м была самой вместительной и, по-видимому, служила для хранения зерна. Незадолго до пожара в помещении она была засыпана, так как грунт, соответствующий этому времени, просел на 0,45 м от устья ямы, что недопустимо, если бы она функционировала до момента гибели помещения. В засыпе ямы довольно много камней, известняковой крошки, несколько обломков керамики III—IV вв. н. э.

Зерновая яма 2 по соседству с предыдущей имела аналогичное устройство и глубину 1,62 м. Горловина ее вырыта в предскальном слое, а трещины в скале тщательно заложены медкими камнями. В стене у дна сделана специальная ступенька для удобства спуска. Яма была заброшена непосредственно после пожара IV в. н. э. Она засыпана неполностью грунтом коричневого цвета с камнями. На дне собрано довольно много обуглившихся зерен пшеницы.

Обращает на себя внимание скопление битой посуды в юго-западном углу помещения. Преобладают обломки лепных сосудов различной формы (рис. 4, 8, 9, 11—13, 15, 17), двух-трех амфор (рис. 4, 2, 4), светлоглиняного лутерия (рис. 4, 20), краснолакового блюда и миски (рис. 4, 19) и красноглиняного кувшина. Следует отметить высокое качество обжига и тщательную выделку лепной посуды на городище в слоях III—V вв. н. э. Она изготовлена из светло-коричневой глины с примесью толченой ракушки. Поверхность хорошо заглажена, часто бурого цвета, стенки тонкие, ровные, черепок звонкий. Вероятно, посуда хранилась на полке и упала оттуда во время пожара.

В помещении найдено пять монет. Одна — Митридата Боспорского (39—45 гг.) — лежала на полу в юго-западном углу под завалом керамики. Четыре других стояли «столбиком» в золе рядом с плитой, отгораживавшей захоронение собаки (элементы культа, приношение?). Все они датируются 325 г. н. э.⁴ У дверного проема лежало несколько глиняных пряслиц и куски листового стекла.

За стеной 2 к западу частично раскопано помещение II (рис. 3). В кладке стены 2 была ножка амфоры типа Илуратской II—III вв. н. э.⁵ Таким образом, стена 2 сооружена не ранее III в. н. э. Не исключено, однако, что стена 4 и, быть может, 1 остались от более ранней постройки.

Южная стена 5 вскрыта на 1,23 м. Ширина ее 0,78—0,8 м, высота 0,5—0,6 м. Характер кладки тот же, что и у других стен. В стене 5 был дверной проем шириной не менее 0,8 м. Внутри помещения, рядом с проемом лежал камень, очевидно, деталь порога, а в юго-восточном углу находился очаг прямоугольной формы: 1,32×0,9 м из поставленных на ребро плит извест-

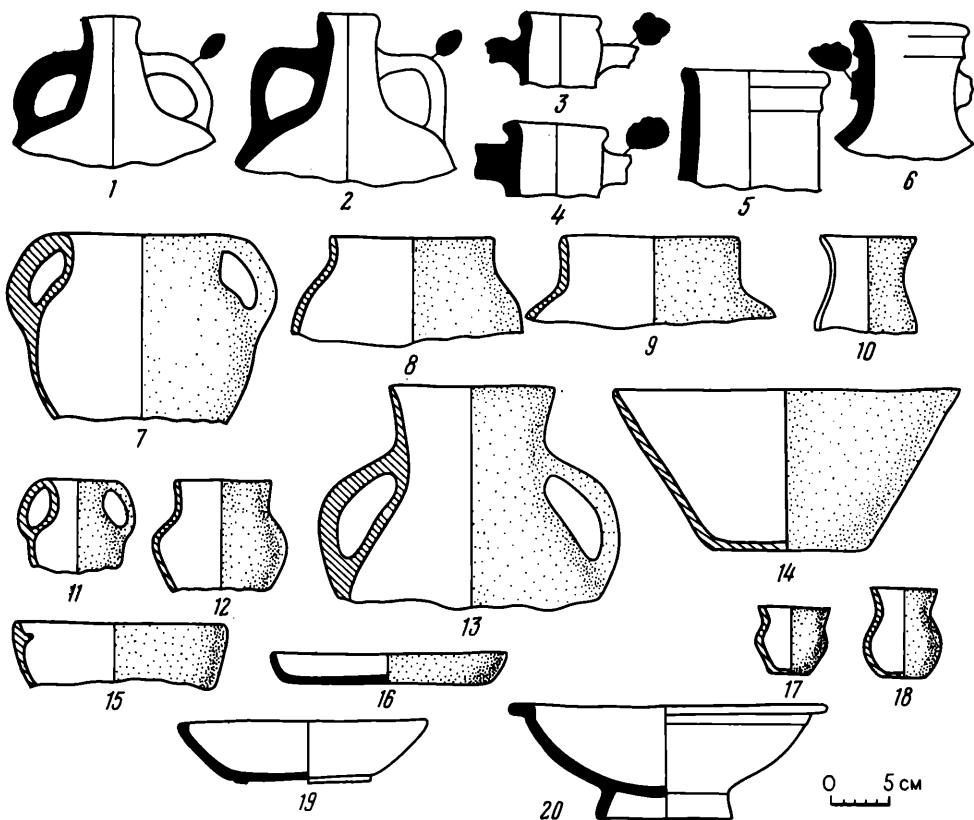

Рис. 4. Керамика с городища Генеральское
1—6, 16, 19, 20 — гончарная посуда; 7—15, 17—18 — лепная

няка, внутри обмазанных глиной. В центре очага, доверху заполненного золой, стояла амфора II—III вв. коричневой глины с плоскими ручками и желобком под венчиком. Горло ее частично отбито. Полая внутри амфора служила своеобразным конденсатором теплого воздуха.

Все помещение было завалено камнями рухнувшей стены. Среди них довольно много обломков керамики в основном амфор II—III и III—IV вв. н. э., а также лепной светильник на высокой квадратной ножке, украшенной насечками⁶. У западного борта раскопа лежала часть амфоры, аналогичной стоявшей в очаге.

Яма 1 глубиной 2,6 м использовалась под свалку в период бытования жилого комплекса и была заброшена и забита камнями, рыхлым грунтом и фрагментами в основном лепной посуды (рис. 4, 14). Среди них найдены обломки двух стеклянных сосудов. Один, лучше сохранившийся, был кубком из прозрачного зеленоватого стекла с миниатюрными ручками⁷. Несколько раз яма засыпалась слоем известняковой крошки и к моменту гибели городища была почти заполнена.

В восточной части раскопа неполностью вскрыто помещение III, сильно разрушенное еще в древности. Стены 3 и 4, видимо, продолжение почти выбранной стены 1 у него были общими с помещением 1. Внутри помещения найдены главным образом стенки амфор III—IV вв. В маленькой яме 8, наполненной водой, лежали обломки большого лепного горшка с ручками (рис. 4, 7) и венчик, ножка и ручка красноглиняной амфоры⁸.

К югу от стены 1 возможно был дворик. Южный фас стены 1 разрушен поздними ямами, а от западной стены 7 уцелел один ряд кладки. Пол здесь был выложен плоскими камнями, но большая часть их была сдвинута с места и находилась в засыпи вместе с многочисленными фрагментами керамики, преимущественно стенками амфор, в том числе горлом амфоры-корчажки IV—VI в. н. э.⁹ светло-коричневой глины, биконическим пряслищем, пирамидальным грузилом и лепным светильником-плошкой. В ямах 4 и 5 (рис. 3)

в числе немногих находок обнаружено горло амфоры-корчажки IV—VI вв. н. э.¹⁰ (рис. 4, 1) и дно краснолаковой тарелки с клеймом в виде креста.

Следы деятельности жителей поселка заметны и после гибели построек, сопровождавшейся пожаром в IV в. н. э. В частности, появилось несколько новых ям. Так, на месте помещения III вырыты ямы 6, 7, 9 и установлен большой пифос (высота 1,8 м, диаметр тулова 1,02 м).

Яма 7 невелика. Яма 9 наиболее широкая, но мелкая. В ней среди фрагментов амфор есть и типы IV—VI вв. н. э.¹¹ Яма 6 в юго-западном углу раскопа (рис. 3) была окружена овальной стенкой из небрежно уложенных камней, сохранившейся в высоту на 0,6—0,98 м. Ширина этой оградки около 0,5 м. Яма неправильной формы, узкая (0,3—0,8 м) и глубокая — 2,35 м, непригодна для хранения зерна и хозяйственных нужд. Она заполнена серой рыхлой землей с известняковой крошкой. Среди отдельных обломков посуды есть горло лепного горшка и венчик амфоры V в. н. э.

На территории городища жили еще в эпоху эллинизма, но характер построек и размеры городища этого времени неизвестны. Не исключено, что по аналогии с другими поселениями европейского Боспора¹² на рубеже н. э. здесь возникло новое большое поселение, облик и площадь которого нам пока тоже не известны. Расцвет его приходится, по-видимому, на I—III вв. н. э. Следы разрушений и перестройки, связанные с событиями середины III в. н. э. есть, но жизнь на городище интенсивно продолжалась до середины IV в. н. э. Приблизительно в это время на городище происходит сильный пожар и большие разрушения, связанные, вероятно, с гуннским нашествием.

Однако и после этого оно было обитаемо по крайней мере полтора-два столетия, хотя население, видимо, сильно сократилось и почти все постройки были заброшены. Окончательно городище пустеет к VI в. н. э.

Городище Генеральское выделяется своими большими размерами. Его площадь в стенах укреплений заметно превышает поселение у с. Семеновка, Мысовое, Золотое, Куль-Тепе, Зеленый мыс, не говоря уже о более мелких, и близка по своим размерам городищам типа Тосуново, северо-западнее Кара-Обы и у с. Ново-Николаевка. Мы даже предположительно отождествляем его с Гераклеем, упомянутым Клавдием Птолемеем¹³. Не исключено, что в силу своих размеров это городище являлось центром какой-то округи или района побережья.

Как известно, раскопки И. Т. Кругликовой позволили установить, что так называемые готские походы имели во многом трагические последствия для сельских территорий Восточного Крыма. Поселения были разрушены, и жизнь на них в дальнейшем не возобновлялась, или еле теплилась¹⁴. В этой связи картина вполне благополучного обитания населения Генеральского городища именно в III—IV вв. н. э., при сохранении традиций и планировки построек, чрезвычайно примечательна. Слои этого времени на других поселениях представлены плохо, поэтому раскопки городища существенно дополнили бы наши знания по одному из наиболее темных периодов боспорской истории.

¹ Масленников А. А., Чевелев О. Д. Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова. — КСИА АН СССР, 1981, № 168, с. 77—85.

² На карте Боспора Киммерийского, помещенной в книге В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство», приблизительно в этом же районе указан пункт, обозначенный как крупное поселение. Никаких пояснений в тексте нет.

³ *Obid.*, Fast., V, 139.

⁴ Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 1951, № 16, таб. XVI, 6; L, 24.

⁵ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. — МИА, 1959, № 83, 836.

⁶ Аналогичные светильники найдены в Илурате и Тиритаке в слоях III в. н. э. См.: Кастанная Е. Г. Лепная керамика боспорских городов. М., 1981, табл. XXIV, 9; XL, 3.

⁷ Подобный сосуд найден в Тиритаке в доме конец IV — начало — 1-я половина VI вв. н. э. (МИА, 1952, № 25, с. 117, рис. 176).

⁸ Зеест И. Б. Керамическая тара..., № 100.

⁹ Там же, № 996.

¹⁰ Там же, № 986.

¹¹ Там же, № 100.

¹² Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 101 и сл.; Масленников А. А. Население боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981, с. 74.

¹³ *Ptol.*, III, 6, 4; Масленников А. А., Чевелев О. Д. Новые памятники античного времени..., с. 84.

¹⁴ Кругликова И. Т. Сельское хозяйство..., с. 134 и сл.

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ У хут. КРАСНЫЙ КУРГАН В 1971 И 1972 гг.

При строительстве на территории совхоза Витязево Анапского района в 1972 г. подвергся разрушению античный могильник. Находки были доставлены строителями в Анапский музей. Выехавшие на место работники установили, что к северу от хут. Красный Курган на южном склоне небольшой возвышенности в срезе карьера видны остатки античного могил. В прилежащей с юго-востока низине мы выявили поселение античного времени¹.

В борту карьера обнажена полуразрушенная каменная плитовая могила, впущенная в материк. Длина могилы 2,5 м, ширина не менее 0,8 м, глубина 1,2 м. Дно грунтовое. Ориентировка — восток-запад. На дне могилы было обнаружено четыре глиняных гончарных кувшина разных размеров, флакончик, чернолаковое блюдо, килик с граффито E, железный втульчатый наконечник дротика длиной 36 см и шириной лопасти 3 см, овечий астрагал и бронзовая пантикапейская монета 370—340 гг. до н. э.² Определить положение костяка (костяков?) не удалось. У восточной стенки лежало несколько обломков теменных костей и несколько обломков костей конечностей. Все лежало без какого-либо порядка: крупный инвентарь свален у северной стенки и только флакончик и наконечник дротика лежали ближе к юго-западному углу.

Музей приобрел у рабочих часть находок из разрушенных здесь около 10 могил. Экскаваторщик Пелипенко И. А. передал два чернолаковых лекифа, ойнохою и точило. Несколько сосудов сдали другие рабочие³. Часть вещей утеряно или испорчено. Находок ярко выраженного римского времени не встречалось.

Среди наиболее интересных находок надо отметить меч и небольшой горшочек (рис. 2). Горшочек вылеплен из темно-серой глины с включениями

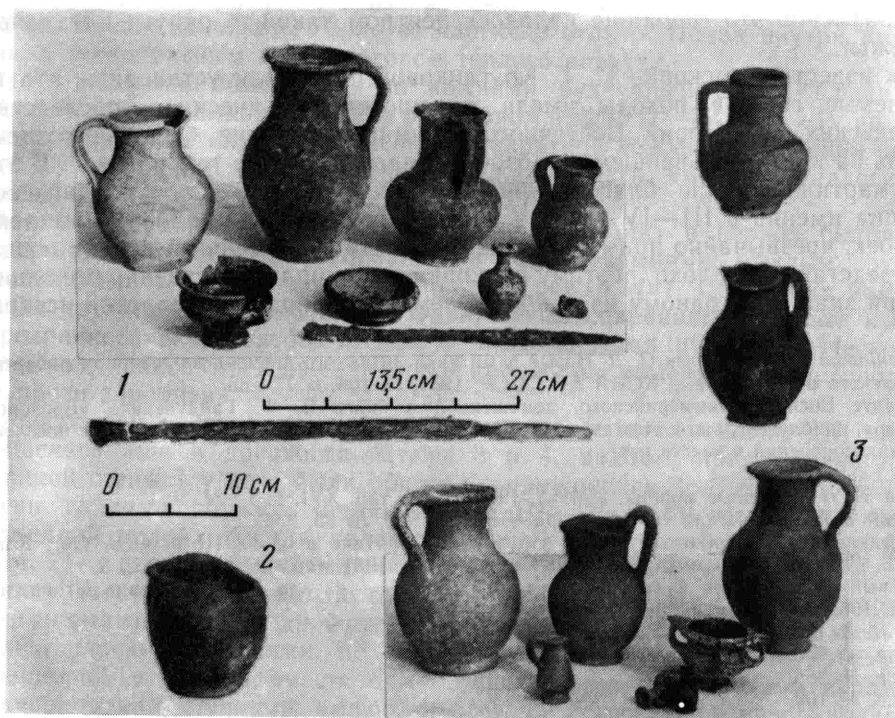

Рис. 1. Находки из могильника у Красного Кургана

1 — погребальный инвентарь из каменной плитовой могилы; 2 — меч и лепной горшочек из необследованной грунтовой могилы; 3 — инвентарь из прочих незафиксированных могил

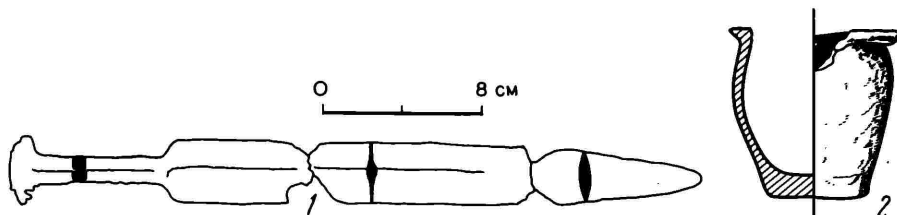

Рис. 2. Меч и лепной горшочек из грунтовой могилы (1—2)

извести, шамота и др. Высота 10,5 см, диаметр дна 6 см. Толщина его стенок 8—10 мм, они закопчены, плоское донце довольно массивно. Венчик — заломленный наружу край устья, сверху немного подровненный надавливанием. Линия его неправильная, с прогибом. Поверхность заглажена, но часть примесей разрушилась и образовалось много пустот. Орнамента нет.

Меч железный, дулезвийный, длиной 44 см сильно корродирован, переломлен в двух местах. Длина тонкого клинка 33,5 см, ширина 4,5 см. Вдоль обеих сторон — валик 3—4 мм в поперечнике. Рукоять длиной 10,5 см. Виден желобок от усадки при ковке. Брусковидное плоское навершие по верху скошено к краям под полуовал, но без закругления. Перекрестья нет (рис. 2, 1) (АМ, инв. № 7982).

Железные мечи с брусковидным навершием без перекрестья, встречаются в Прикубанье в могилах второй половины IV — начале III в. до н. э.⁴

В Анапском музее хранится несколько подобных мечей из случайных находок в районе. Размеры их варьируют. Так, меч из с. Первомайка (АМ № 792) имеет длину 43,7 см. И меч, и горшочек несомненно относятся к одной и той же могиле. Погребение, по-видимому, синдское.

В феврале 1971 г. здесь же было найдено надгробие с крестом (рис. 3). Это ракушняковая стела размером 103×64×14 см в виде фасада здания, на фронтоне которого изображен крест. Внизу между опорами фронтона, образующими на стеле раму, вырезаны две фигуры: мужчины, одетого в гиматий, и юноши в хитоне. Мужчина стоит в спокойной позе со сложенными у пояса руками, поддерживающими плащ. Юноша левой рукой что-то поддерживает у пояса, правая опущена и чуть-чуть согнута. Из-под хитона видны непропорционально тонкие и короткие ноги. Низ стелы переходит в цоколь, и фигуры в этой части не проработаны. Лица сбиты. Есть другие повреждения (рис. 3) (АМ, инв. № 7145).

Рельеф исполнен в традициях позднесарматского Боспора. Датировку его (IV в. до н. э.) уточняет крест — знак, который с этого времени стал изображаться в христианской символике. О форме креста Ю. А. Кулаковский в свое время писал: «Три верхние конца имеют приблизительно равную длину, а нижний — почти в два раза длиннее. Все концы заканчиваются треугольным расширением в обе стороны. Эта форма креста засвидетельствована на множестве памятников V—VI вв. по всему христианскому миру»⁵. Наше изображение укладывается

Рис. 3. Надгробие с крестом

в эту характеристику. Но длинный конец по вине резчика оказался не в нижней части знака, а в верхней.

В 1954 г. при раскопках на Горгиппийском некрополе было вскрыто погребение с конем. Как видно из отчета, костяк человека лежал на спине головой на северо-восток с вытянутыми конечностями. Череп сильно деформирован. В ногах стояло разбитое краснолаковое блюдо с изображением креста (АМ, инв. № 1902)⁶, сбоку несколько колец сбруи, у правой руки — сероглиняный кувшин с лощеным орнаментом по плечам. В 1 м влево от костяка на правом боку с поджатыми ногами лежал костяк лошади⁷.

При разведке в районе Су-Псека в 1980 г. на античном поселении № 75 найден обломок венчика чаши из желтой глины, орнаментированный по краю пятью тонкими линиями коричневого цвета. Внутренняя поверхность покрыта коричневой же краской, а сверху нацарапано изображение креста размером 2,5×2 см⁸.

И могильник и поселение датируются временем от середины IV в. до н. э. по IV в. н. э. В 1973 г. здесь были проведены охранные раскопки⁹.

¹ Салов А. И. Материалы для археологической карты Анапского района.— КСИА, 1979, вып. 159, с. 101, 32.

² Зограф А. Н. Античные монеты.— МИА, 1951, № 16, табл. XI, 19.

³ Все вещи хранятся в Анапском музее (АМ, инв. № 7974, 7975, и далее по описи декабря 1972 г.).

⁴ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23, с. 166—168; рис. 4, 5.

⁵ Кулаковский Ю. А. Христианская катакомба, открытая в 1895 г.— МАР, 1896, № 19.

⁶ Кругликова И. Т. Раскопка некрополя в районе Астраханской улицы в 1954—1964 гг.— В кн.: Горгиппия. Краснодар, 1982, с. 129, рис. 6.

⁷ Поздеева И. В. Отчет о раскопках в Горгиппии, 1954 г. Раскоп I, пл. II, погр. 5.

⁸ Салов А. И. Отчет по разведке хоры Горгиппии.— Су-Псек, 1980. Карточка усадьбища № 73. Анапская археологическая экспедиция. Подъемный материал см. там же.

⁹ Алексеева Е. М. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии.— В кн.: Горгиппия. Краснодар, 1980, с. 42—48.

М. Я. ЧОРЕФ

ТЕРРАКОТА ИЗ с. ЗАВЕТНОЕ

В 1970 г. на позднескифском городище Алма-Кермен была найдена терракотовая статуэтка¹. Она была обнаружена в водомойне небольшого оврага, на северо-западном склоне возвышенности, где находится это поселение², к западу от с. Заветное Бахчисарайского района Крымской области.

Найденная терракота представляет женскую полуфигуру с приподнятым нижним краем просторной одежды, обнажившей при этом ее живот.

Статуэтка односторонняя, высотой 6 см, ширина основания 2 см. Лицевая сторона была оттиснута в форме (рис. 1а), тыльная сторона плоская (рис. 1б). Чуть ниже таза статуэтка срезана.

На поверхности фигурки — мелкие сколы и лакуны, образовавшиеся при ее изготовлении. В них кое-где сохранились следы красной грунтовки.

В верхней части головного убора имеется уходящее вглубь терракоты вертикальное суживающееся книзу углубление, доходящее до середины ее высоты. По-видимому, оно было сделано для достижения одинакового температурного режима внутри и на внешней поверхности терракоты во время ее обжига.

На голове статуэтки конусообразная шапка. В верхней и нижних ее окончаниях имеются горизонтальные кольцеобразные завершения. Расходящиеся книзу наклонные линии на шапке, по-видимому, должны были создавать впечатление гофрированной поверхности. Верхняя часть головного убора сохранилась лишь частично.

Аналогии этому головному убору мы видим у протомы богини из Тиритакки³, у Кибелы⁴, а также у богини Тихе (I в.) из Тирамбы⁵ и у Афродиты

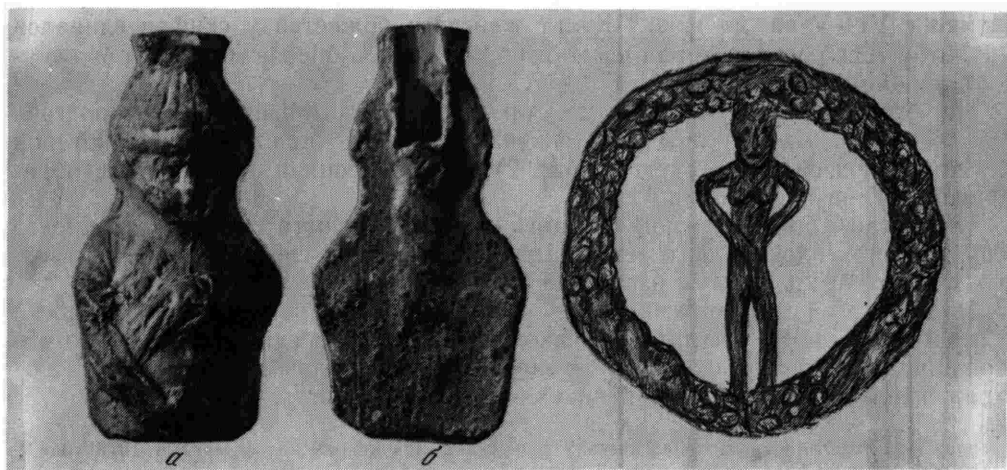

Рис. 1. Терракота из с. Заветное

а — вид спереди; б — вид сзади

Рис. 2. Пряжка с изображением женского божества из Усть-Альминского могильника

из Мирмекия (III—I вв. до н. э.)⁶. У этой статуэтки также обнажен живот, но одежда не приподнята, как у фигурки из Заветного, а только распахнута.

Головной убор терракоты из Алма-Кермена надвинут на глаза, почему и трудно судить о конфигурации почти закрытого им лба.

На статуэтке была изображена свободная с длинными рукавами одежда с открытым округлым воротом. Складки платья отчетливо видны на плечах и руках.

Правая рука опущена вниз и направлена к низу живота. Пальцы ее отчетливо не выделены. Имеющийся в верхней части кисти выступ создает впечатление, что они были сжаты в кулак, а большой палец был отогнут.

Согнутая в локте левая рука почти горизонтальна и прижата к груди. Эта рука придерживает приподнятый нижний край платья. Пальцы ее не проработаны.

Груди отчетливо не выделены.

Под собранными и приподнятыми к груди складками одежды виден обнаженный живот с пупком. Живот несколько выступает вперед, но не создает впечатления излишней полноты. Всем обликом терракоты ее создатель стремился, по-видимому, изобразить молодую женщину.

Статуэтки обнажающихся женщин известны в античной коропластике с V—IV вв. до н. э. Назначение их впервые истолковано А. П. Передольской, как изображение персонажей эллинистических мистерий в честь богини Деметры⁷.

Кульст богини плодородия Деметры был распространен и среди населения позднескифского государства⁸, одним из поселений которого и был Алма-Кермен. Этот культ, по-видимому, в представлении местного населения ассоциировал с культами Кибелы, Афродиты, а также с верховным женским божеством местных племен⁹.

Территориально терракоте из Заветного близки статуэтки из Пантикапея¹⁰, из 4 кургана Большая Близица¹¹. Найденный в этом кургане набор терракот В. И. Денисова связывает не с культом Деметры, а с Афродитой Апатурой¹².

Близки по сюжету нашей терракоте и статуэтки из укрепленного поселения Надлиманское¹³, с острова Березань¹⁴ и из Роксолан (Никония)¹⁵.

Некоторые черты, отличающие статуэтку из Заветного, как, например, полуфигурное ее изображение, наличие головного убора, присущего богиням, изображение явно молодой, а не пожилой женщины, свидетельствуют о несколько ином религиозном оттенке смысла этой статуэтки.

Возможно, что в создании ее нашли отражение не только культы Элевсинских мистерий в честь богини Деметры, но и культ Афродиты, а также культ местного женского божества, имевшего распространение среди скифских

племен с VI—V вв. до н. э.¹⁶ Культ женского божества у скифов сливался с культом Афродиты, которая часто изображалась в образе молодой обнаженной женщины.

На бронзовой пряжке из Усть-Альминского могильника, находящегося недалеко от Алма-Кермена, изображена Афродита, положение рук которой близко к описываемой статуэтке (рис. 2). Т. Н. Высоцкая считает это изображением богини плодородия¹⁷.

Отсутствие более близких аналогий, как и недостаток сопутствующего терракоте археологического материала не позволяют сделать каких-то твердых выводов о времени ее изготовления и о ее назначении.

Наличие этой статуэтки является своеобразным подтверждением сложности и многосторонности культа женского божества среди населения этого городища, которое было явно этнически неоднородным, что нашло свое отражение в лапидарных памятниках этого поселения.

¹ Чорев М. Я. Отчет об археологических работах в Бахчисарайском районе в 1970 году.— Архив ИА АН УССР.

² Высоцкая Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.

³ САИ, М., 1970, Г1-11, ч. 1, с. 93, табл. 12.

⁴ САИ, М., 1974, Г1-11, ч. IV, с. 98, № 15, табл. 37, 2.

⁵ Там же, с. 12, № 9, 1, табл. 5.

⁶ Денисова В. И. Коропластика Боспора. Л., 1981, инв. № М-154.

⁷ Передольская А. А. О сюжетах трех терракотовых статуэток.— СА, 1950, XIII, с. 257 и сл.

⁸ Высоцкая Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979, с. 156, 157.

⁹ Денисова В. И. Коропластика..., с. 12.

¹⁰ Силантьева П. Ф. Терракоты из Пантикапея.— САИ, 1974, Г1-11, ч. III, с. 19, табл. 9, 2.

¹¹ Грач Н. Л. Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близица.— САИ, 1974, Г1-11, ч. III, с. 36—39.

¹² Денисова В. И. Коропластика..., с. 17.

¹³ Клейман И. Б. Терракоты из укрепленного поселения у с. Надлиманское.— САИ, 1970, Г1-11, с. 30, табл. 7, 2, 3.

¹⁴ Клейман И. Б., Скуднова В. М., Славин Л. М. Описание терракот с о. Березань.— САИ, 1970, Г1-11, ч. 1, с. 32, табл. 9, 1.

¹⁵ Клейман И. Б. Статуэтки из Роксолан (Никоний).— САИ, 1970, Г1-11, ч. 1, с. 28, табл. 5, 7.

¹⁶ Граков Б. Н. Скифы. М., 1971, с. 82, 83.

¹⁷ Высоцкая Т. Н. Скифские городища. Симферополь, 1975, с. 162, 163; Богданова Н. А. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму.— СА, 1961, № 2, с. 249; Она же. Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника.— СА, 1965, № 3, с. 233.

Н. Н. ГРАНДМЕЗОН

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ МОНЕТ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

Публикации неизвестных ранее монет античного Херсонеса и их разновидностей позволяют уточнить последовательность эмиссий, выявить новые имена должностных лиц (дифференты), отвечавших за выпуск монет, помогают исследователям, изучающим монетное дело и историю Херсонеса¹.

В собрании автора данной статьи имеются некоторые ранее неизвестные разновидности античных херсонесских монет, которые мы публикуем ниже (рис. 1). Номера на рисунке соответствуют порядковым номерам.

1. Аверс — голова быка в фас (букраий), реверс — рыба, палица и под ними ХЕ. Медь, 0,48 гр, 9 мм. Известно несколько разновидностей монет этого типа, датируемых второй четвертью IV в. до н. э. Сокращенное название города на реверсе монет бывает и над рыбой и палицей, и под ними. Палица и рыба могут быть обращены и влево, и вправо, вес монет колеблется от 1,08 до 1,58 гр. Все это, а также малый вес и размер публикуемой монеты показывают, что монеты этого типа выпускались относительно длительное время и постепенно деградировали.

2. Аверс — дельфин вправо над чертой, реверс — палица влево, под ней сокращенное название города. Медь, 0,44 гр. 11 мм. Известны такие монеты, датируемые второй четвертью IV в. до н. э. весом 0,61—0,87 гр, на которых нет черты под дельфином, имеющим другую конфигурацию (Ан. 21 и 22).

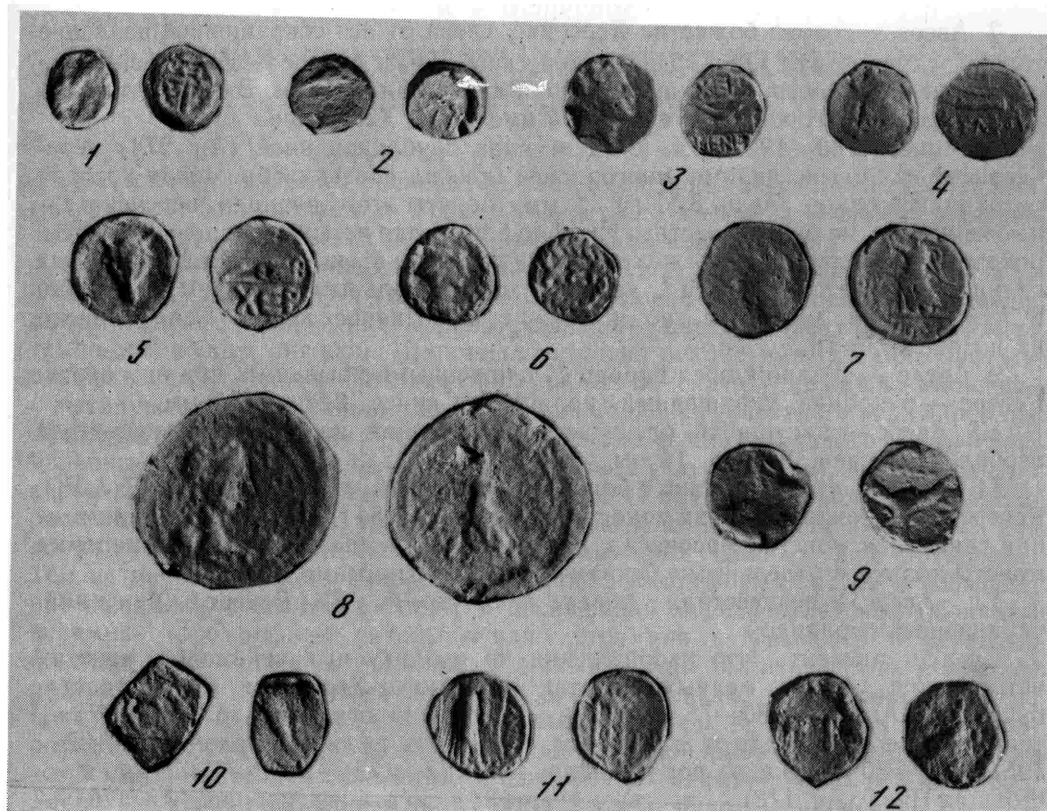

Рис. 1. Монеты античного Херсонеса (1—12)

3. Аверс — голова Девы в башенной короне вправо и на ней две надчеканки — восьмиконечная звезда и палица. Реверс — сокращенное название города, лук, тетивой вверх, ниже колчан, под ним дифферент ΜΕΝΕΣ. Гемидрахма, серебро, 1,31 гр, 13 мм. С таким дифферентом известна гемидрахма близкого к публикуемой типа, но с изображением на аверсе головы Девы в венке вправо (Ан. 141).

4. Аверс — голова Девы в башенной короне вправо, на ней край надчеканки. Реверс — лук тетивой вверх, над ним сокращенное название города, под луком горит, ниже дифферент ΔΕΛΦΟΥ. Гемидрахма, серебро, 1,22 гр, 14 мм. Известна гемидрахма такого типа с дифферентом ΔΕΛΦΟΣ, датируемая 190—180 гг. до н. э. (Ан. 158). Дифферент ΔΕΛΦΟΥ имеет медный халк 210—200 гг. до н. э. (Ан. 153). Исходя из общности дифферентов и близости по типам публикуемую гемидрахму можно датировать концом III в. до н. э.

5. Аверс — голова оленя в фас, реверс — лук в горите, под ним сокращенное название города. Медь, 1,77 гр, 15 мм. В. А. Анохин (Ан. 196) ошибочно считает, что на аверсе изображен «череп лани в фас», но в Крыму были только благородные крымские олени, а ланей не было. На основании лунарной формы эпсилона он датирует эти монеты 80—75 гг. до н. э. (Ан. С. 58). Однако на публикуемой монете «Е» угловатой формы, что может указать и на более раннюю датировку этих монет.

6. Аверс — голова божества Херсонас вправо, реверс — сокращенное имя города в венке. Медь, 1,41 гр, 13 мм. Монеты этого типа, датируемые второй четвертью I в. н. э., хорошо известны (Ан. 213—214) и имеют вес 3,59 и 6,16 гр. В. А. Анохин считает (Ан. С. 63), что монеты этого типа выпускались только одного номинала. Однако мало вероятно, что монеты, отличающиеся по весу в четыре раза, были одного номинала. Нам представляется более справедливым мнение, высказанное В. А. Анохиным ранее², и мы полагаем, что эти маленькие монеты являются младшим номиналом по отношению к монетам типа голова божества Херсонас — Ника (ан. 219—225), датируемые серединой I в. н. э.

7. Аверс — голова божества Херсонас, слева от нее сокращенное название города, справа дата ОЕ (75 г. херсонесской эры), реверс — Ника на пьедестале с венком и ветвью, идущая влево. Медь, 4,38 гр, 16 мм. Видимо, это одно из изображений Ники, статуя которой имела в Херсонесе.

8. Монета 180—190 гг. н. э. идентичная опубликованной (Ан. 274) перечеканена из другой, видимо, иногородней монеты, следы изображения которой сохранились слабо. Медь, 8,51 гр, 29 мм. Монеты этого периода, перечеканенные из других, не были известны. Ниже публикуются четыре свинцовых монеты, покрытые характерной серо-желтой патиной. Ранее были известны 12 античных свинцовых монет Херсонеса³, являющихся уникальным явлением не только в нумизматике Херсонеса, но и вообще в античное время. Теперь число их возросло до 16.

9. Аверс — сидящий орел вправо со сложенными крыльями, под ним черта. Реверс — букраний, украшенный гирляндой. Свинец, 2,05 гр, 15 мм.

10. Аверс — пасущийся олень вправо, стоящий на черте. Реверс — рог изобилия. Свинец, 1,58 гр. 14 мм.

11. Аверс — стоящая Ника с большими крыльями, справа надпись ANΔPO. Реверс — треножник, справа монограмма, свинец, 2,54 гр, 15 мм. Это единственная свинцовая монета Херсонеса с надписью. Ранее были известны свинцовые монеты только с отдельными буквами или монограммами.

12. Аверс — неизвестная ранее монограмма Ρ. Реверс — букраний, украшенный гирляндой.

Следует отметить, что изображения на публикуемых свинцовых монетах встречаются и на медных монетах античного Херсонеса. В частности, букраний (Ан. 196) 80—75 гг. до н. э., сидящий орел вправо (Ан. 177) — третья четверть II в. до н. э., олень с опущенной головой вправо (Ан. 192—195) — 90—80 гг. до н. э., рог изобилия (Ан. 173—175) — 140—130 гг. до н. э., стоящая Ника (Ан. 178) — третья четверть II в. до н. э., треножник (Ан. 176) — 130—120 гг. до н. э. Публикуемая монограмма близка по типу к встречающейся на монетах 90—80 гг. до н. э. (Ан. 192—195).

Таким образом, приведенные изображения встречаются на монетах периода третьей четверти II в. до н. э. — первой четверти I в. н. э. Это дает основания отнести публикуемые свинцовые монеты также к этому периоду.

Характерно, что в этот период серебряные монеты в Херсонесе не выпускались, а медные монеты значительно уменьшились по весу в сравнении с предыдущими периодами. Видимо, город ощущал недостаток серебра, и медь практически замещала его. А для выпуска мелких монет, которые раньше чеканились из меди, стали использовать свинец. Значительно повысился и процент свинца в медных монетах, доходивший до 22,6%.

Все это характеризует период упадка экономики Херсонеса вследствие войн со скифами.

¹ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. В этой наиболее полной и обобщающей работе о монетах Херсонеса приведено много неизвестных ранее монет. При ссылках на эту книгу мы указываем в скобках анализ и номер монет согласно приложенному к книге каталогу или указываем страницы книги.

² Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса в I—III вв. н. э. — Нумизматика и эпиграфика. М., 1963, № 4, с. 16, 17.

³ Грандмезон Н. Н. Свинцовые монеты Херсонеса. — Нумизматика и эпиграфика, 1978, № 12.

ТРИ НОВЫХ ПАМЯТНИКА КОРОПЛАСТИКИ БАКТРИИ (переднеазиатские параллели)

Настоящая заметка посвящена характеристике некоторых уникальных материалов, хранящихся в Термезском музее, имеющих важное значение для изучения генетических истоков бактрийской коропластики.

Зооморфный кувшиноподобный ритон (рис. 1) с городища близ поселка Сариясия (Узбекистан) ¹. Он сделан на гончарном круге, зооморфный носик сформован от руки, глина серовато-палевого цвета, поверхность покрыта темно-оранжевым ангобом. Шаровидное тулово ритона вместе с зооморфным сливом в виде головки козлика напоминает по силуэту лежащее животное с вытянутой вперед длинной шеей. Острая мордочка животного моделирована обобщенно, вместо «рта» — сквозное отверстие функционального назначения, наклеенные глаза — «бусины», уши — выступы с углубленными, вертикальными черточками посередине, массивные витые рога (с поперечной нарезкой) широко расставлены. Овальное устье ритона оформлено отогнутым бортиком. Условия находки ритона неизвестны, поэтому нет данных для датировки. Тем не менее, нет сомнения, что кувшиноподобная форма сосуда и зооморфное оформление носика восходят к древнейшим переднеазиатским образцам керамики. Зооморфные ритоны кувшинного типа встречаются в керамике Амлаша 1000 г. до н. э. ² Однако подобные сосуды были известны и в более поздние эпохи и получили широкое распространение от Месопотамии до Центральной Азии. Они открыты в Ниппуре, Рее. К I в. н. э. относится ритон из Бергама в форме яйца с бронзовой головкой животного. В Афганистане же Р. Гиршман обнаружил ритон в некрополе V или начала VI в. Сekt-Абад. Такой же кувшиноподобный ритон изображен в руках женщины на росписи VII в. в Аджанте ³. Все приведенные аналогии говорят о широких географических и хронологических пределах распространения сосудов этого типа.

Кувшиноподобный ритон в Северной Бактрии найден впервые и тем не менее его нельзя воспринимать изолированно от находок ритонов Южной Бактрии (в Бергаме, Сekt-Абаде), так как с ними вместе он представляет неоспоримый факт проникновения в Бактрию типичных форм переднеазиатской керамики. Роль переднеазиатских традиций в керамике Бактрии подтверждают находки кушанских ритонов в Саксан-Ахуре ⁴, в Зар-тепе ⁵, которые несомненно происходят от иранских роговых ритонов I тысячелетия до н. э. ⁶

Переднеазиатский генезис лежит в основе традиционного образа нагой богини, иконография которой уже известна по экземплярам, найденным на разных городищах Бактрии.

Горельефная фигурка богини (рис. 2) ⁷ выполнена штампом, глина светло-палевая (в состав глины входят вкрапления слюды), на поверхности — следы коричневого ангоба. Обнаженная горельефная фигура изображена фронтально. Руки опущены и слегка отведены от туловища назад; руки, утопченные книзу и сливающиеся с фоном, переданы условно. Прямо поставленные ноги (с широкими округлыми бедрами) резко сужены к ступням, выступающим слегка вперед. На левой ноге, на уровне щиколотки, — браслет (?). Массивные бедра удлинены по сравнению с сильно укороченными голеньями. Специфична углубленная вертикальная линия, разделяющая посередине узкое туловище, заметна углубленная точка пупка. Плавные переходы от удлиненной талии к бедрам и к мягкой выпуклости живота способствуют монолитной трактовке торса. Иконографическая каноничность в какой-то мере преодолена реалистической манерой воплощения: подчеркнута стройность девичьей фигуры с изящным прогибом спины, который в профильном изображении сбоку создает впечатление скульптурной объемности. Статуэтка из Термезского музея, входя в ряд известных бактрийских фигурок из Барат-тепе ⁸, Халчаяна и Дальверзин-тепе ⁹, выделяется незаурядностью художественного исполнения. Типологически, как отметила Г. А. Пугаченкова, эти бактрийские статуэтки близки с раннепарфянским фигуркам нагих богинь с опущенными по бокам руками III—I вв. до н. э. из Селевкии на Тигре ¹⁰, из Таксилы I в. до н. э. ¹¹. Таксильская статуэтка,

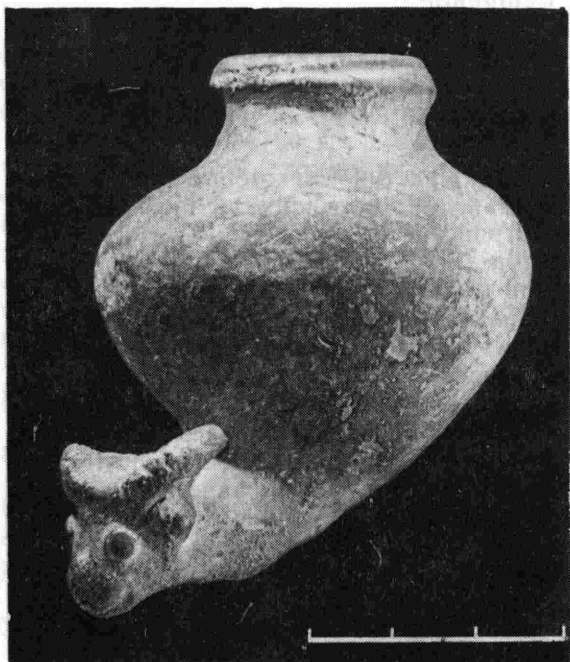

Рис. 1. Ритон кувшинного типа с городища близ поселка Сарисия

Рис. 2. Статуэтка нагой богини; Сурхандарьинский р-н, близ Термеза

Рис. 3. Статуэтка обнаженного лютниста с городища близ поселка Сарисия

Рис. 1

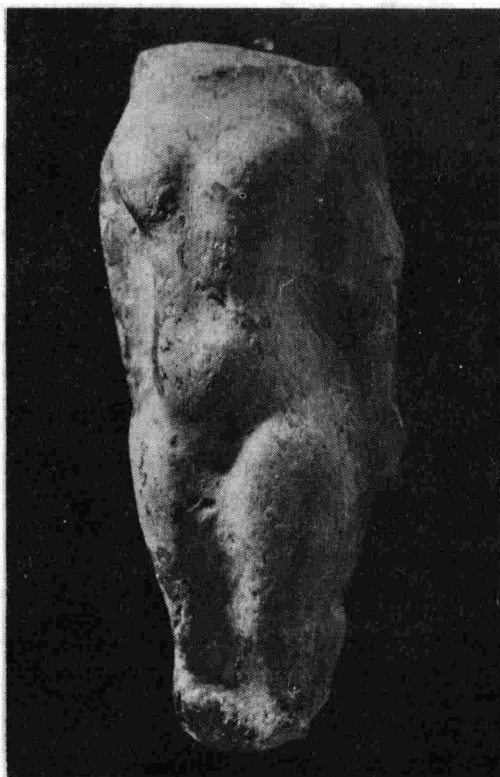

Рис. 2

Рис. 3

по мнению Дж. Маршалла, сделана местным мастером под влиянием западного эллинизма. Объемно-реалистическая трактовка обнаженного торса в сочетании с условным схематизмом воспроизведения рук и нарочитой укороченностью ног типична для бактрийских статуэток нагой богини с опущенными по сторонам руками. Этот принцип ваяния выдержан в аналогичных статуэтках из Бараттепе¹² и Дальверзин-тепе¹³. Следует подчеркнуть, что «нагая иконография» и коротконогость, по аналогии с архаическими статуэтками переднеазиатского

типа из Согда, являются определяющими признаками ранней датировки бактрийских статуэток (в пределах докушанской эпохи). Хронологические границы их бытования с III—I вв. до н. э. подтверждаются не только выше приведенными аналогиями, но и находкой статуэтки подобного типа под нижним полом Халчаянского здания¹⁴. Фигурка обнаженной богини с опущенными по бокам руками во фронтальной позе восходит к древнейшим переднеазиатским образцам¹⁵.

Горельефная статуэтка нагого лютниста (рис. 3), найденная вместе с кушанской керамикой в поселке Сариясия, представляет особый интерес для «музыкальной» археологии¹⁶. Музыкант стоит во фронтальной позе и играет на лютне гитарообразной формы, асимметрия нарушена положением рук: правой рукой лютнист придерживает деку, перебирая струны плектром, левая (опущенная ниже правой) придерживает гриф крупной кистью, вывернутой наружу. Мощный торс изображен со знанием пластической анатомии: моделировкой выявлены выпуклости грудных мышц и живота, мускулатура предплечий. Обнаженный торс украшен наплечной двойной накидкой, скрепленной фибулой, браслетами-обручами на запястьях и ногах на уровне лодыжек. Крупный гитарообразный корпус лютни с четырьмя резонаторными отверстиями и загнутым назад грифом заслоняет почти всю грудь. В правой руке — плектр; струны инструмента не обозначены. Фон статуэтки выступает с двух сторон в виде расширяющихся книзу «крыльев». Статуэтка общим силуэтом напоминает терракоты Таксилы¹⁶, хотя истоки иконографии восходят к древнейшим прототипам Передней Азии. Однако накидка, наброшенная на плечи обнаженного музыканта, скрепленная фибулой, является признаком более поздней датировки. Статуэтка лютниста точно такой же «нагой иконографии» датируется римским временем¹⁸. Аналогии в произведениях искусства Средней Азии также дают некоторые данные к интерпретации генезиса и датировки изображения нагого лютниста: типологически близкая статуэтка из Согда¹⁹ свидетельствует о переднеазиатском происхождении этого типа статуэток. Статуэтки лютнистов с гитарообразным инструментом из Мерва и Хорезма²⁰, а также известная лютнистка Айртамского фриза подтверждают датировку бактрийского музыканта кушанского времени. Открытие этой уникальной статуэтки музыканта несомненно представляет большой интерес для изучения древней истории музыкальной культуры Средней Азии. Именно с этим регионом Востока связывает происхождение лютни известный музыковед Т. С. Вызго²¹. Перед нами сложный синкретический образ обнаженного музыканта, сочетающий впитанные генетические переднеазиатские традиции с приметамы римско-индийских культурных связей, которые расширились в кушанскую эпоху.

Рассмотренные в заметке произведения короластики Бактрии несмотря на их различия и разновременность намеренно нами объединены по наличию черт, отражающих освоение переднеазиатских традиций в искусстве Бактрии, исследование которых в какой-то мере приоткрывает завесу на некоторые генетические корни бактрийского искусства.

¹ Термезский музей, № 1213, КП 1819—2. Размеры ритона: длина 8 см, ширина 5,2 см, высота 4,2 см; диаметр устья горла 2,5 см, размеры головы в самой широкой части 1,5 см, в узкой — 5 мм (Сариясийский район).

² *Ghirshman R.* Le Pyton en Iran. *Artibus Asiae*, 1962, XXV, 60, fig. 6.

³ *Shepherd D. Y.* Two Silver Phytas.— *The Bulletin of the Cleveland Museum Art.* October, 1966, p. 292, Fig. 4, a, b, c, d; см. приведенную литературу.

⁴ *Литвинский Б. А.* Археологические работы Института истории АН ТаджССР.— АО 1966 г. М., 1967, с. 315.

⁵ Фонд Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

⁶ *Лукокин В. Г.* Искусство древнего Ирана. Л., 1977, с. 35, 36.

⁷ Термезский музей, КП-1569—18, найдена учеником в 1968 г. в Термезском районе (колхоз 40 лет Октября). Размеры: высота — 7,4 см, ширина в плечах — 2,2 см, на уровне ступней — 1,5 см.

⁸ *Пугаченкова Г. А.* Новые данные о художественной культуре Бактрии: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 106, рис. 20.

⁹ *Она же.* Халчаян. Ташкент, 1966, с. 219, рис. 102; *Исхакова Е. А., Исхаков М. Х.* Терракоты Дальверзин-тепе. Ташкент, 1978, с. 161, рис. 113, 1.

¹⁰ *Ingen W.* van. *Figurines from Seleucia on the Tigris.* Michigan; London, 1939, pl. I—II, 9—11.

¹¹ *Marshall J.* Taxila. Cambridge, 1951, vol. I, p. 443, vol. III, pl. 132, b.

¹² *Пугаченкова Г. А.* Новые данные о художественной культуре Бактрии..., с. 106, рис. 20.

¹³ *Исхакова Е. А., Исхаков М. Х.* Терракоты Дальверзин-тепе, с. 161, рис. 113, 1.

- ¹⁴ Пугаченкова Г. А. Материалы по коропластике Бактрии-Тохаристина.— В кн.: Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран: История и филология. М., 1967, с. 178, 179, рис. 2.
- ¹⁵ Этот тип известен не только по переднеазиатским терракотам (*Barrelet M.-T. Figurines et reliefs en terres cuites de la Mésopotamie antique. Paris 1968, pl. 1, 4, 5*), но и по образцам из кости (*Barnett M. A. Catalogue of the Nimrad ivories. London, 1957, pl. LVII, s. 228, pl. LXXIII, CXXII, LXXV, S. 214, pl. LXXV, S. 210*).
- ¹⁶ Термезский музей, № 1212, КП 1819—1, из раскопок Шакира Пидаева (поступление 1976 г. из поселка Сарасия. Размеры: высота 12,5 см, ширина 7,5 см, толщина черепка 2,5 см; первую информацию о находке статуэтки музыканта см: *Аннаев Т.* Кушанская статуэтка музыканта из предгорий Бабатага.— УСА, 1979, вып. 4, с. 8—6.
- ¹⁷ *Marshall J. Taxila, vol. III, Pl. 132, c, d.*
- ¹⁸ Греко-римская статуэтка. Египетский музей в Каире, № 26762.— *Musikgeschichte in Bildern. Leipzig, 1963, Bd. II, Abb. 105.*
- ¹⁹ *Мешкерис В. А.* Ранние терракоты Согда. К вопросу об истоках согдийской коропластики.— В кн.: Искусство таджикского народа, вып. 3, с. 29—35. См. приведенную литературу об истоках этого иконографического типа.
- ²⁰ *Пилипко В. Н.* Терракотовые статуэтки музыкантов из Мерва.— ВДИ, 1969, № 2, с. 102; *Воробьева М. Г.* Памятники искусства.— В кн.: Кой-Крылган-кала. М., 1967, раздел I, табл. XXX, 55.
- ²¹ *Вязго Т. С.* Музыкальные инструменты Средней Азии, исторические очерки, М., 1980, с. 18.

В. И. КАДЕЕВ.

НОВЫЙ НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИК II в. н. э. ИЗ ХЕРСОНЕСА

В июле 1982 г. при раскопках в портовом районе города, на участке «Центр квартала» во дворе раннесредневековой усадьбы 10 в заполнении ямы найдена часть надгробия высотой 0,33 м, шириной 0,52 м, толщиной 0,12 м. Надгробие из хорошего белого мрамора, лицевая и боковые стороны тщательно обработаны с подшлифовкой, а тыльная — довольно грубо, со следами зубатки. Верхнюю часть памятника занимало рельефное изображение фигур в нише, а нижнюю — двухстрочная надпись (рис. 1). От рельефа сохранились ступни ног (0,08 м), по которым можно установить, что в нише были изображены две мужские фигуры, а слева и справа — небольшие фигурки рабов. По Канону Поликлета, ступня мужчины равнялась 1/6 высоты фигуры¹. Изучение херсонесских рельефов показывает, что скульпторы придерживались этих пропорций и соотношение ступни к высоте фигуры обычно делали от 1 : 6 до 1 : 7. Следовательно, высота мужских фигур на надгробии была от 0,48 до 0,56 м и выполнены они были вполне профессионально. Однако этого нельзя сказать о надписи на надгробии, вырезанной без линеек с нарушением пропорций и размеров, что может указывать на неумелую руку. К тому же занимает она верхнюю часть поля под рельефом, тогда как большая часть его осталась свободной. В две строки надпись вмещалась с большим трудом, поэтому резчику с правой стороны пришлось уменьшить размеры букв. Различие в исполнении рельефа и надписи может свидетельствовать о том, что надгробие привозное и происходит из специальной мастерской, а надпись сделана на месте, но не профессиональным резчиком.

Лицевая поверхность надгробия имеет повреждения и раковины, поэтому некоторые буквы, особенно во второй строке, читаются с трудом. Расстояние между строками 2—2,3 см, высота букв 1,5—1,7 см, а ширина 0,7—1,5 см (в верхней строке и особенно слева буквы крупнее). Надпись гласит: ΓΑΖΟΥΡΙΟΣ ΜΗΤΡΟΔΩΡΟΥ ΕΤΩΝ ΛΑ ΧΑΙΡΕ ΔΑΙΣΚΟΣ ΜΗΤΡΟΔΟΡΟΥ ΕΤΩΝ Κ (?) Ε ΧΑΙΡΕ. Перевод: Газурий, сын Метродора, 31 год, прощай. Даиск сын Метродора, 25 (?) лет, прощай.

Шрифт рассматриваемой надписи находит аналогии среди херсонесских надписей 30—40-х годов II в. н. э.², что позволяет ее датировать этим временем.

По своей формуле данная эпитафия относится к надписям с указанием возраста, имевшим широкое распространение среди греческих эпитафий в Египте, Риме и Вифинии, но чрезвычайно редким в собственно Греции³. Среди

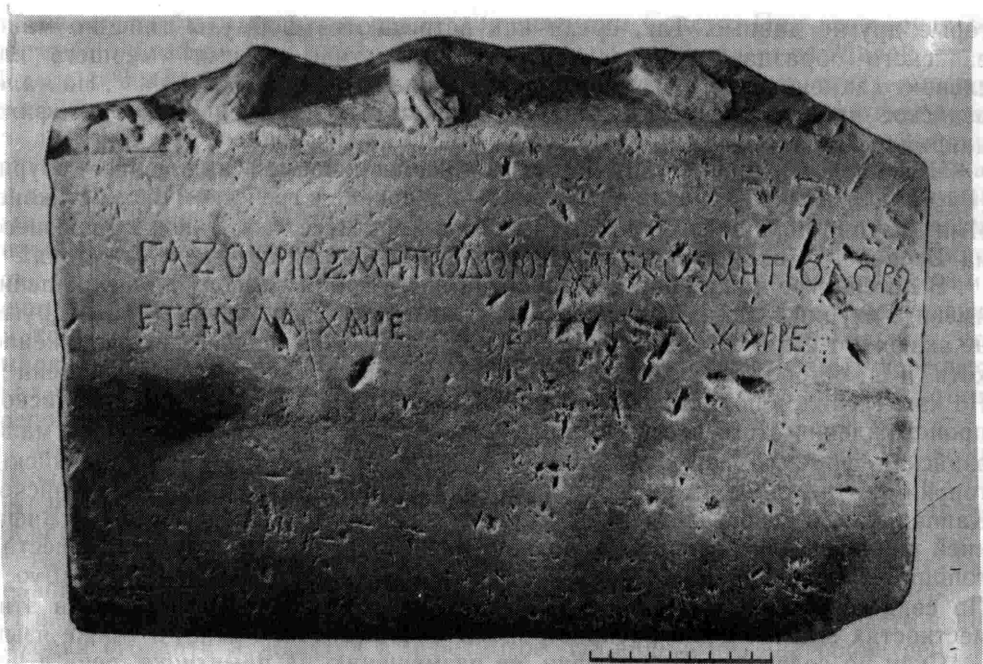

Рис. 1. Надгробный памятник из Херсонеса

областей Малой Азии, кроме Вифинии, эпитафии с указанием возраста известны в Пафлагонии, изредка в Галатии. Очень редко они встречаются в Западном Причерноморье. Например, по данным Г. Михайлова, в Одессосе из 103 эпитафий только 9 имели указание возраста, в Месембрии — 2, а в Аполлонии — 1³. При этом пять эпитафий из Одессоса, судя по этнонимам, принадлежали уроженцам Вифинии (трем гераклеотам, никомедийцу и византийцу); в Месембрии одна принадлежала гераклеоту. Следовательно, и здесь большая часть эпитафий с указанием возраста принадлежала вифинцам.

В Северном Причерноморье эпитафии с указанием возраста также очень редки. До настоящего времени они были найдены в Ольвии, Пантикапее и Херсонесе. В Ольвии известны две эпитафии: одна поставлена римским гражданином, другая — амастрийцу⁵. Из пяти найденных в Пантикапее⁶ одна принадлежала уроженцу Амастрии, две — Синопы, одна — выходцу из Тия и одна не имеет указания этнонима. Таким образом, четыре из пяти пантикапейских эпитафий принадлежали уроженцам Пафлагонии. Обращает на себя внимание тот факт, что в других городах Боспора (Фанагории, Горгиппии, Гермонассе, Мирмекии, Нимфее, Корокондаме), где найдено немало надгробий, подобных эпитафий нет. Это может служить косвенным указанием на то, что в местной среде эпитафии с указанием возраста не имели распространения.

Ольвийские эпитафии датируются не ранее II в. н. э., а пантикапейские — I—IV вв. н. э.

В Херсонесе эпитафий с указанием возраста до нашей находки было 22, т. е. больше, чем в других городах Северного Причерноморья. В тех случаях, когда в них указаны этнонимы, принадлежали эти эпитафии уроженцам Вифинии и Пафлагонии⁷: двум гераклеотам и амастрийцу. Остальные 19 надписей не имеют указаний этнонима, что должно свидетельствовать о принадлежности их гражданам Херсонеса. Но появляются указания возраста в эпитафиях Херсонеса, за исключением одной со спорной датировкой⁸, не ранее II в. н. э., тогда как в эпитафиях более раннего времени подобные указания не встречались. Все это свидетельствует о том, что коренные граждане Херсонеса таких эпитафий не ставили, а следовательно, и здесь указание возраста явление позднее и возникло не в Херсонесе, а, видимо, связано с выходцами из провинции Понт-Вифиния, как и в других центрах Западного и Северного Причерноморья. О связи с Малой Азией лиц, упоминаемых в херсонесских эпитафиях с указанием возраста, свидетельствуют и неко-

торые другие данные. Так, среди них встречаются формулы типично малоазиатского образца: имя дедиканта в номинативе, а имя умершего или слово его заменяющее, в дативе⁹, с аккламацией ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ¹⁰. На малоазиатское происхождение указывают и некоторые имена в этих эпитафиях, например Лиллис¹¹.

Что касается имен, упомянутых в рассматриваемой надписи — Газурий (Γαζούριος) и Даиск (Δαίσκος), то они очень редкие в греческом ономастиконе. Имя Газурий пока зафиксировано только в Херсонесе¹², а Даиск в Херсонесе, на Боспоре¹³ (в Пантикапее и Танаисе) и в одном из писем Фалариды¹⁴.

В литературе до сих пор не закончена дискуссия по поводу происхождения имени Газурий. Одни исследователи считают его фракийским¹⁵, а другие не включают его в состав фракийских имен¹⁶. Высказывалось предположение, хотя и в осторожной форме, об иранском происхождении этого имени¹⁷. На наш взгляд, в порядке постановки вопроса можно говорить о малоазиатском происхождении этого имени. В пользу этого свидетельствуют не только малоазиатская формула известных нам эпитафий, но и некоторые малоазиатские топонимы, имеющие сходство с именем Газурий. Например, в Понтийской Каппадокии, в непосредственной близости с Пафлагонией, где наряду с Вифинией широко были распространены эпитафии с указанием возраста, известны топонимы: Газиура (Γαζίουρα), Газакена (Γαζακηνή), Газелон (Γαζελόνος). По свидетельству Страбона, (XII, III, 25), уроженца этой области, в этих местностях широко были распространены пафлагонские имена, а также язык.

Судя по содержанию эпитафии, ее размещению на памятнике, речь в ней идет о братьях Газурии и Даиске, сыновьях Метродора, умерших в довольно молодом возрасте и похороненных под одним надгробием. В Херсонесе известна еще одна эпитафия с такой же формулой, в которой упомянут другой Газурий, сын Метродора, 50 лет, исполнивший обязанности первого архонта¹⁸. Его мраморное надгробие, кроме рельефа в нише, имело изображение паноплия (воинских доспехов), сделанного в низком рельефе. Этот рельеф, выполненный заподлицо со стелой, сделан, в отличие от изображения в нише, на готовом памятнике, вероятно, перед его установкой на могиле, т. е. вместе с эпитафией. А надпись по своему исполнению, начертанию букв и даже их размещению поразительно напоминает исследуемую нами, что может свидетельствовать об их хронологической близости. Особенно близки по начертанию буквы: альфа, эпсилон, дзета, мю, ню, омикрон, ро, хи, омега. Совпадают и формулы обеих эпитафий. Газурий, сын Метродота, упоминается в херсонесском декрете около 140 г. н. э. среди лиц, скрепивших своими печатями постановление Совета и Народа, и в другом декрете как лицо, занимавшее более высокое положение¹⁹. В этом Газурии, сыне Метродора Э. И. Соломоник совершенно справедливо увидела внука Газурия, сына Метродора — первого архонта, учитывая редкость имени и древнегреческий обычай называть внука-первенца именем деда. Видимо, именно этот внук первого архонта и его брат упоминаются в рассматриваемой эпитафии. Будучи представителем влиятельной семьи херсонеситов, игравшей важную роль в политической жизни города, Газурий рано начал свою карьеру и, судя по упоминавшимся декретам, был членом Совета, но добиться высших магистратур не успел ввиду безвременной кончины в возрасте 31 года. По-видимому, еще более молодым умер его брат Даиск. Отсутствие его имени в херсонесских декретах среди членов Совета позволяет высказать предположение о том, что в состав Совета во II в. н. э. избирались граждане не ранее 25 лет, даже из таких могущественных семей, к которой принадлежали братья.

Кроме рассматриваемой эпитафии, имя Даиск обнаружено на обломке краснолакового сосуда, найденного в большом двухэтажном доме с винодельней²⁰. Этот дом с кладовыми, подвалом и двором, вымощенным каменными плитами, с колодцем и водосборной цистерной занимал южную часть XVIII квартала на северном берегу Херсонеса. Эта находка указывает, что Даиск принадлежал к числу членов семьи, владевшей этим домом. Учитывая редкость имени и хронологическую близость находок, вряд ли можно сомневаться в том, что и на краснолаковом сосуде и в эпитафии упоминается один и тот же Даиск, а следовательно, этот дом принадлежал семье не только богатой, но и принимавшей активное участие в политических событиях, так

как ее члены были первыми архонтами, членами Совета. При этом, судя по формуле эпитафий, некоторым именам, они были выходцами из Малой Азии. Невольно возникает вопрос, каким образом им удалось занять столь высокое положение в Херсонесе? На наш взгляд, ответ на этот вопрос дают находки из дома с винодельней. Так, среди граффити на краснолаковых сосудах из этого дома встречены имена Зета и Агеполиса, которые также принадлежали к числу членов семьи — владельцев дома. Эти имена принадлежали коренным херсонеситам и в то же время лицам, занимавшим в городе высокое положение, так как неоднократно о них упоминается в херсонесских декретах II в. н. э., причем среди тех, кто скреплял эти декреты своими печатями²¹, т. е. высших должностных лиц и членов Совета. Это указывает на то, что выходцы из Малой Азии или их потомки в лице Газурия, его сыновей и внуков породнились с представителями могущественных херсонесских семей и благодаря этому стали домовладельцами и оказались в составе господствующей верхушки Херсонеса.

То обстоятельство, что эпитафии братьев Газурия и Даиска высечены на одном надгробии и размещены параллельно, видимо, может служить свидетельством об их одновременной смерти. Возможно, они погибли во время военных действий или при кораблекрушении.

Надгробие 1982 г. позволяет уточнить датировку надгробия и эпитафии первого архонта Газурия, сына Метродора. Ватцингер относил это надгробие к I в. н. э., что принято и современными исследователями²². Но в свете новой находки его дата нуждается в пересмотре. По-видимому, надгробие первого архонта Газурия более позднее, на что указывают: сходство шрифта эпитафий деда и внуков, свидетельствующее об их хронологической близости, формула эпитафии с указанием возраста, распространение которых в Херсонесе относится ко II в. н. э., и сравнительно небольшой промежуток времени между смертью деда и внуков, не превышавший 25 лет. Учитывая, что декреты, в которых упоминается Газурий — внук, датируются около 140 г., а его эпитафия несколькими годами позднее, надгробие Газурия — деда, первого архонта, следует датировать не ранее второго десятилетия II в. н. э.

Все сказанное показывает важное значение нового надгробия с эпитафией из Херсонеса при изучении различных вопросов истории II в. н. э.

¹ *Bunper B. P.* Искусство древней Греции. М., 1972, с. 181.

² IOSPE, I², № 359,389; *Суков Е. Г.* Новая херсонесская надпись.— ВДИ, 1960, № 3, с. 154—158; НЭПХ, II, № 112.

³ *Kajanto J.* Origin of the persons recorded in the greek epitaphs of Rome.— Acta instituti Romani Finlandiae. Helsinki, 1963, vol. II, 3, p. 12.

⁴ IGBR, I, № 100 bis, 112, 135, 139, 147 bis, 167, 170, 175, 186 (Одессос); № 343 bis, 343 quinq (Месембрия); № 460 (Аполлония).

⁵ IOSPE, I², № 225 и 233.

⁶ КБН, № 134; 703а; 733; 732; 739.

⁷ IOSPE, I², № 544, 545 и 543.

⁸ В. В. Латышев датировал надпись римским временем (IOSPE, I², № 471), а Ватцингер — началом I в. н. э. См.: *Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, S. 72.

⁹ IOSPE, I², № 486.

¹⁰ IOSPE, I², № 484, 543.

¹¹ IOSPE, I², № 491.

¹² IOSPE, I² № 385(?), 389, 412, 471; НЭПХ, II, № 112.

¹³ КБН, № 597 и 1266.

¹⁴ *Pape W., Benseler G.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884, Bd. I, S. 265, s. v. Δαίσκος

¹⁵ *Meleescu G. G.* Nomitraci nei territorio scito-sarmatico.— Ephemeris Dacoromana, 1924, t. II, p. 229; *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, S. 97.

¹⁶ *Russu J. L.* Elemente traco-getice in Scitia și Bosporul Cimmerian.— SCIV, 1958, t. 9, N 2, p. 318 и сл.

¹⁷ *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der Nordlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 190, § 284.

¹⁸ IOSPE, I², № 471.

¹⁹ НЭПХ, II, 112 и с. 29.

²⁰ *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Квартал XVIII.— МИА, 1952, № 34, с. 190.

²¹ IOSPE, I², № 359—361, 363, 386, 389, 390, 394, 412, 691, 701, 702; ЕЭПХ, II, № 111, 112.

²² *Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs..., S. 72; НЭПХ, II, с. 29.

КВАРТАЛ РЕМЕСЛЕННИКОВ В ГОРГИППИИ

Находки античных вещей и остатков гончарной печи в 1958 г.¹ при рытье котлована во дворе старого здания Анапского Горисполкома (между Набережной и Кубанской улицей, где сейчас находится музей археологического заповедника «Горгиппия»), вызвали необходимость организации систематических исследований территории города Горгиппии. Впервые городские слои античной Горгиппии начала изучать экспедиция под руководством В. Д. Блаватского в 1949 г.² Но ей удалось лишь выявить стратиграфию культурных слоев. Строительных остатков античного города не обнаружили и исследования продолжены не были.

Археологические раскопки на территории города не производили до 1954 г., когда при строительстве кинотеатра «Родина» был обнаружен грунтовой некрополь, исследовавшийся затем И. В. Поздеевой³. В 1959 г. И. В. Поздеевой на территории города был заложен небольшой разведочный раскоп рядом с упомянутым выше котлованом 1958 г. Была обнаружена часть помещения, примыкавшая, по-видимому, к обжигательной печи, которая, как выяснилось при последующих раскопках, была полностью разрушена котлованом.

В 1960 г. Анапская археологическая экспедиция ИА АН СССР и Анапского краеведческого музея⁴ начала систематические исследования Горгиппии, главным образом в местах новостроек. Но основным участком работ экспедиции был раскоп «Город» в районе открытой в 1958 г. гончарной печи. За 12 полевых сезонов с 1960 по 1972 г. на этом раскопе была вскрыта площадь около 5500 кв. м. (рис. 1), положившая начало созданию в Анапе музея под открытым небом — археологического заповедника «Горгиппия».

Здесь был обнаружен перекресток двух улиц. Одна из них тянулась с запада на восток с небольшим отклонением к юго-востоку, другая (под плитами ее вымостки находился канал водостока) пересекала ее в западном конце, ограничивая с запада кварталы жилых домов. Западная сторона этой улицы не расчищена, и ширина ее не известна. Ширина главной магистральной улицы, по обе стороны которой расположены блоки жилых домов, была от 6,5 до 7 м, включая тротуары, тянувшиеся вдоль фасадов домов. Ширина каждого из тротуаров достигала одного метра. Проезжая часть улицы была мощеной. В первые века н. э. она была покрыта крупными каменными плитами различных очертаний и размеров. Величина наиболее крупных из плит достигала 2×1 м; 1,5×1 м; 1,65×0,75 м и др.

За блоками жилых домов, расположенных с северной стороны улицы тянулся переулок, отделявший эти дома от построек северного квартала. Этот переулок отклонялся к северо-востоку, благодаря чему центральный жилой квартал был сужен в западной части до 11,5 м и расширялся в восточной до 15 и более метров, приобретая трапециевидные очертания. Ширина переулочка была около 3 м. В его западном конце сохранились следы вымостки, но ее плиты были мельче, чем плиты покрытия магистральной улицы.

К северу от переулочка находился еще один квартал жилых построек, фасадные стороны которых выходили на параллельную северную улицу. Они не были раскопаны, так как находятся под современными постройками и под набережной Анапы. Выявлена лишь линия помещений, расположенных вдоль переулочка.

Из домов, размещавшихся с южной стороны магистральной улицы, до 1972 г. были открыты лишь три смежных помещения и часть двора, примыкавшего к ним с юга и вымощенного плитами. Таким образом, полностью удалось выявить планы домов только в средней части раскопа между улицами и переулочком.

Участок Горгиппии, где расположены исследовавшиеся кварталы, относился к окраинной части античного города. Центральная часть Горгиппии находилась значительно западнее и частично исследовалась экспедицией во дворе гостиницы «Анапа» и еще западнее ближе к порту.

Городская застройка восточной части города, по-видимому, продолжалась до городской оборонительной стены, которая должна была проходить недалеко

от раскопа «Город», где-то в районе Русских ворот, сохранившихся на линии стены турецкой крепости. Далее к востоку вне городских стен находился грунтовой некрополь Горгииппии.

Остатки гончарных печей, относящихся к разному времени, находки форм для изготовления терракот и светильника, скопление изделий гончара, находившихся около гончарной печи и еще не бывших в употреблении⁵, железная наковальня, крицы железа, кузнечные клещи, брусок свинца — все это свидетельствует о том, что обитателями данного квартала Горгииппии были ремесленники — гончары и металлурги. Их жилые дома располагались рядом с мастерскими. Судя по инвентарю, обнаруженному в домах, эти ремесленники имели определенный материальный достаток.

Нахождение гончарных печей на территории города — на его окраине не представляет исключения для античных городов. Хорошо известен афинский внутренний Керамик — район гончаров, расположенный к юго-западу от агоры. В Афинах в квартале ремесленников по соседству жили гончары, скульпторы, металлурги, кузнецы и другие ремесленники⁶. В Херсонесе Таврическом гончарные печи обнаружены как за стенами города, так и внутри его⁷. В Пантикапее мастерская коропласта открыта внутри города⁸, а позднеантичная печь на его окраине, но внутри жилого квартала в пределах городища⁹. В Фанатории район Керамика с целым комплексом гончарных печей был расположен на окраине города, по-видимому, тоже в пределах городской территории¹⁰.

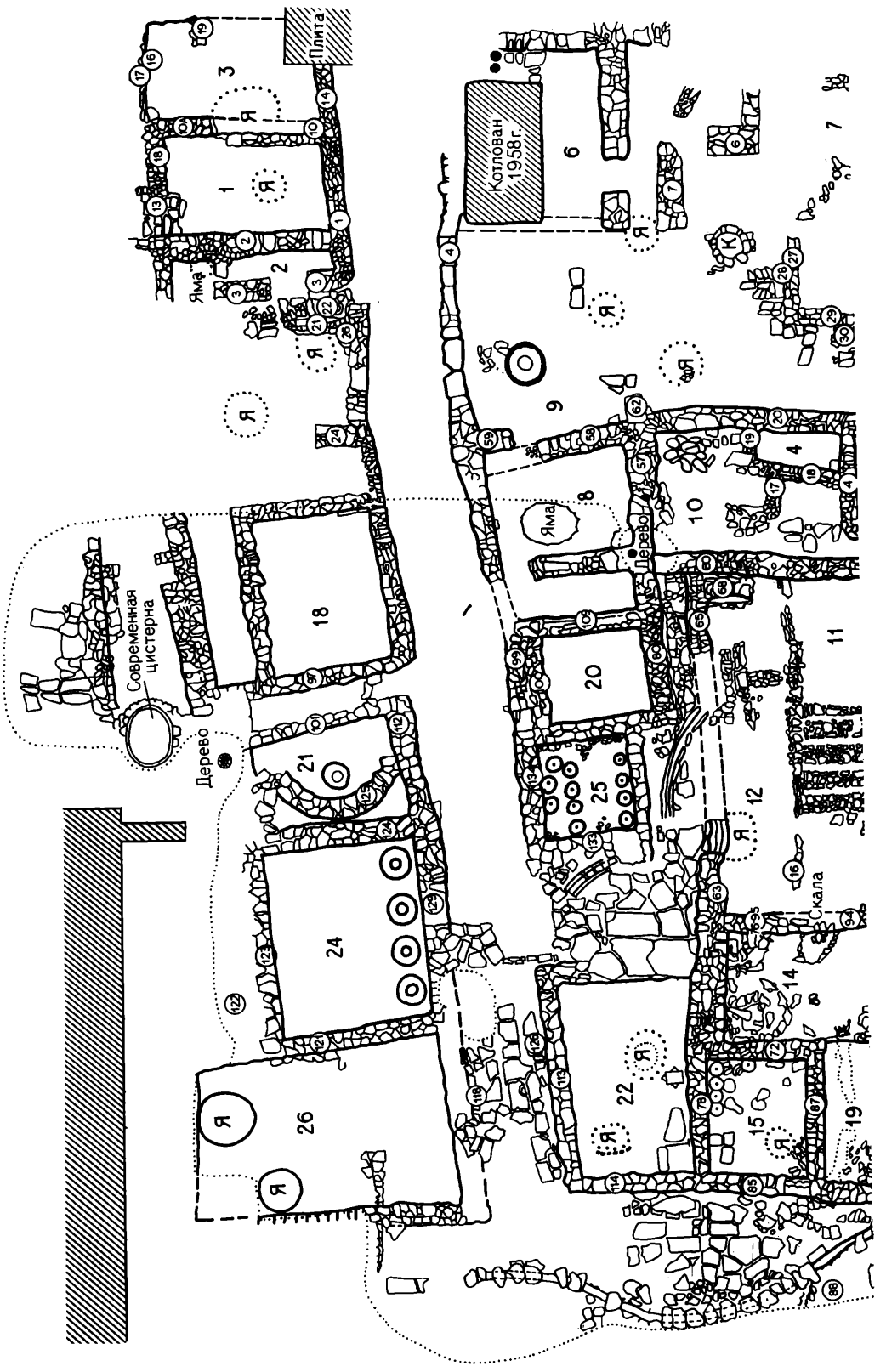
Самая ранняя из обнаруженных на раскопе «Город» гончарных печей находилась на участке, где в 1958 г. был вырыт котлован. А. И. Салов сообщает, что свод печи уходит в южный борт котлована¹¹. Однако на раскопе 1959 г., примыкавшем к котловану с юга (помещение 6), остатки печи зафиксированы не были.

В 1961 г. на небольшом участке, примыкавшем к котловану 1958 г. с востока¹², были обнаружены сырцовые кирпичи, сильно обожженная глина, куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев и мощный слой золы и саж, в котором находились керамические изделия. Вынув их из печи, гончар, по-видимому, к моменту гибели помещения в пожаре еще не успел рассортировать. Среди хорошо обожженных сосудов и пирамидальных грузил там встречены недообожженные и бракованные изделия¹³. Там же была довольно грубо вылепленная от руки фигурная ваза в виде сидящего человека. Его голова и правая рука отбиты, оставшиеся части тела, не скрытые одеждой, выкрашены красной краской, куски которой были найдены в помещении. Среди сосудов была форма для оттиска статуэтки сидящей богини. Возможно, она была снята самим мастером с какой-то привозной статуэтки и обожжена в печи вместе с сосудами. При обжиге форма слегка деформировалась, поэтому оказалась непригодной для изготовления оттисков¹⁴.

Хотя устройство обжигательной печи проследить не удалось, находки этих изделий позволяют предположить, что эта печь не была крупной. В ней обжигали посуду средних размеров и мелкие предметы — терракоты, грузила для ткацких станков, домашние алтарики, подставки для светильников и т. д.

С данной гончарной мастерской, вероятно, надо связать железную мотыгу с заостренным концом, которой разбивали комки глины при приготовлении глиняного теста. Мотыга находилась в соседнем помещении, часть которого была расчищена в 1962 г. на площади XVI, примыкавшей с востока к площади, раскопанной в 1959 г. Мотыга лежала в горелом слое, где было много обломков амфор и других сосудов (кувшинов, лагиноса, кастрюль, рельефных, так называемых «мегарских» чаш). В этом же слое были монеты, относящиеся к периоду от IV в. до н. э. по II в. до н. э., а также бусины из синего египетского стекла с глазками. Помещение погибло во II в. до н. э. в том же пожаре, что и соседнее, где была сложена продукция гончара и находилась гончарная печь.

Остатки второй из гончарных мастерских обнаружены в 1964 г. примерно в 10—12 м к западу от гончарной печи 1958 г. Эта мастерская существовала в I в. до н. э. — I в. н. э. Обнаружены развал печи и площадка, где готовили глину (помещение 9). Из-за деревьев, которые нельзя было удалить, полностью развал печи расчищен не был, так как часть его уходила под деревья, а часть была повреждена ямой, перерезавшей этот слой. От печи

7 8 9

11

Скала

19

Котлован
1958 г.

Современная
цистерна

Дерево

Плита

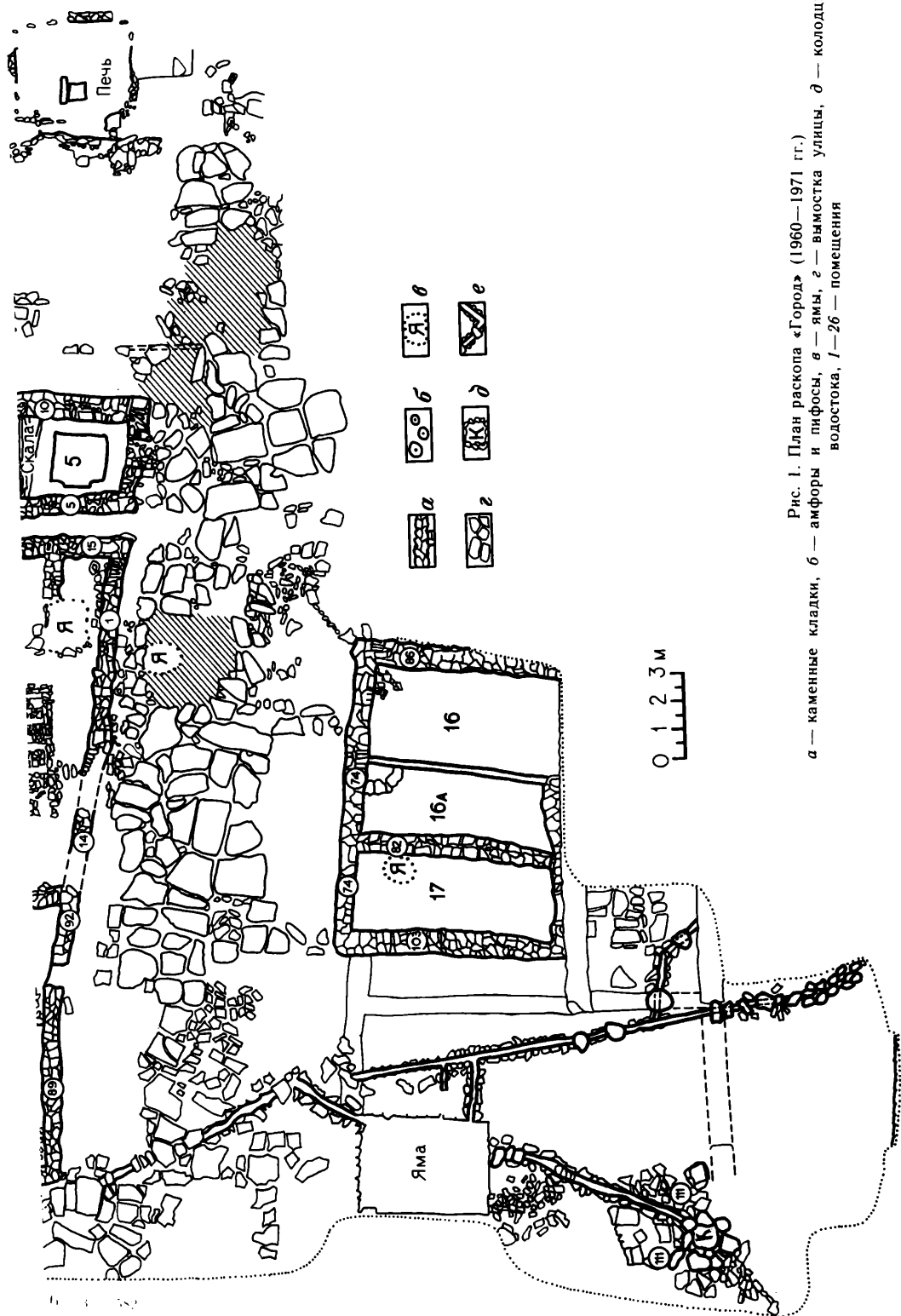

Рис. 1. План раскопа «Город» (1960—1971 гг.)

a — каменные кладки, *б* — амфоры и лифосы, *в* — ямы, *г* — вымостка улицы, *д* — колодцы, *е* — канал водостока, 1—26 — помещения

сохранились обломки очень сильно пережженных (до светло-розового цвета) сырцовых кирпичей, лежавших слоем толщиной до 1 м. Все кирпичи поломаны, определяется лишь их толщина — 4 см и длина около 30 см. Среди кирпичей были обломки черепиц. Под слоем кирпичей лежал горелый слой с сажой и углями. В 1,5 м восточнее развала печи на том же горизонте в грунт был вкопан большой пифос, вероятно, для воды. Он был раздавлен на мелкие куски, но все они лежали на месте, поэтому можно восстановить диаметр пифоса — 1,3 м. Рядом с пифосом лежал слой чистой глины, возможно, приготовленной для отмучивания и предназначенной для изготовления глиняного теста для формовки сосудов. Мощность глиняного пласта доходит до 0,8 м.

Среди золы под развалом кирпичей найдена стенка светлоглиняной амфоры I в. до н. э. — I в. н. э. Вероятно, она соответствует времени гибели этой печи. Все остальные находки в золе относились к более раннему времени: монета конца IV в. до н. э., стенки эллинистических амфор и край лутерия синопской глины.

Третья из гончарных печей, открытых на раскопе «Город», выявлена в помещении 7 в 13 м южнее печи 1958 г. Она функционировала во II — начале III в. Наиболее поздняя из найденных при ее расчистке монет относится ко времени Савромата II (196—210 гг.), первой половиной III в. датируются и обломки амфор из завала печи. По-видимому, печь была прямоугольной в плане и имела размеры 3,54 м с юга на север и 3,1 м с востока на запад¹⁵. Судя по большому скоплению золы и сажы у юго-западного угла, именно с этой стороны находилась топка. От печи сохранилось лишь основание из четырех каменных кладок без углов. Стенки были взаимно перпендикулярны и являлись основанием кирпичных кладок. В центре печи, чуть ближе к юго-западному углу лежали каменные плиты основания подпорного столба. Расстояние между столбом и восточной стенкой печи равнялось 1,9 м, от северной стенки до столба — 1,5 м, от южной — 1,3 м, тогда как расстояние между столбом и западной стенкой только 0,6 м. Размеры столба 0,8 м с севера на юг и 0,6 м с востока на запад. В высоту он сохранился на 0,2—0,3 м. Основание столба представляло собой выложенный из камней прямоугольник. При этом с северной стороны лежал длинный блок песчаника длиной 0,84 м, толщиной 0,24 м, а с южной — несколько мелких камней неправильных очертаний. В центре — два плоских камня 0,4×0,4 м и 0,2×0,34 м. Пол печи находился на глубине 2—2,6 м от современной поверхности почвы, он был врезан в материк. На полу лежал слой золы, а в юго-западном углу слой черной сажы. Камни столба с внешних сторон носили следы обжига до красного цвета. С севера печь примыкала к каменной стене толщиной 0,3 м. Только здесь сохранились следы глинобитного свода печи. Вплотную к камням стены прилегал слой глиняной обмазки — печины толщиной 0,035 м. К печине прилегали сырцовые кирпичи толщиной по 0,085 м, стоявшие на ребре и наклоненные внутрь печи, образуя начало ее свода. Кирпичи были сильно обожжены до красного цвета. Их поверхность со стороны печи была обмазана слоем глины, обожженной до ярко-желтого цвета. Этот перекаленный слой печины имел толщину 0,035 м.

Внутри печи находилось большое количество кусков глиняной обмазки со следами отпечатков плетеных прутьев. Можно предположить, что эти прутья составляли основу верхней части печного свода. Они обмазывались плотным слоем глины внутри и снаружи и выдерживали сильный обжиг. Может быть, таким же способом закрывали верхнее отверстие в печи, через которое ее загружали. Интересно, что саманные кирпичи клались не плашмя, что было бы устойчивее при сооружении свода, а наклонно на ребро. При таких условиях свод должен был иметь каркас.

Западная стена печи сохранилась на высоту 0,28 м. Она была сложена из плоских камней, с включением кусков черепицы, положенных на глине. Сохранился небольшой отрезок стены длиной около 1 м, толщиной 0,2 м. Такая незначительная толщина стенки свидетельствует, что она являлась облицовкой углубленной в землю части печи. Дневной уровень поверхности, соответствующий времени существования печи, выявлен с западной стороны, где он находился на глубине 1,6—1,9 м ниже современной поверхности

почвы. Таким образом, топочная часть печи была углублена не менее, чем на метр. На дневной поверхности лежала куча чистого морского песка, вероятно, предназначенная для добавления в глиняное тесто. Толщина слоя песка 0,35 м.

Восточная стена, ограничивающая топочную часть печи, сохранилась на высоту 0,2 м. Она была сложена из небольших камней, уложенных на глине с включением кусков саманных кирпичей и черепицы. Стена расчищена в длину на 1,8 м, толщина ее 0,4 м. От южной стены выявлена лишь часть внутреннего панциря. Наземные части стенок печи сложены из сырцовых кирпичей, и на них лежало и глинобитное основание свода. Вся центральная часть печи была заполнена желтой, иногда с зеленоватым отливом глиной сильно обожженной, кусками глиняной обмазки со следами прутьев, кусками керамического шлака и пережженной черепицы, приварившейся к кускам желтой глины.

При разборе завала печи были найдены муфтообразная подставка, аналогичная применявшейся для обжига амфор в фанагорийских печах¹⁶, нижняя часть амфоры с отверстием в ножке, слабо обожженный горшочек, являющийся, вероятно, браком производства, хорошо обожженный лощеный горшочек со стилизованными зооморфными ручками и еще четыре аналогичных ручки¹⁷, обломки трех маленьких глиняных алтариков со следами росписи красной и черной красками¹⁸, обломки мисок и кувшинов, светильник с рельефными щитками¹⁹, обломок железной мотыги и железная лопаточка. Две муфтовидные подставки, идентичные найденной в печи, обнаружены в помещении I дома, расположенного в северном квартале и одновременного печи II—III вв. н. э., но, по-видимому, не относившегося к данной мастерской.

Все три гончарные печи, функционировавшие в различные периоды, размещались на одном большом участке к востоку от жилого блока, расположенного между магистральной улицей и переулком. На этом участке сохранились остатки сооружений III—II вв. до н. э. Но уже в I в. до н. э. над их руинами появляется большой двор с колодезем в центре. Существовал ли этот колодезь в III в. до н. э. в период функционирования гончарной мастерской, установить не удалось. В засыпи колодца до глубины 3,9 м встречена керамика III в. н. э., а ниже колодезь не расчищался.

Во II—III вв. уровень поверхности двора был поднят. Остатки мастерской I в. до н. э. — I в. н. э. в северо-западном углу двора оказались засыпанными и новая, более крупная гончарная печь была сооружена в юго-восточной части двора.

Ближе к улице между печью II—III вв. и мостовой обнаружена яма, диаметр устья которой 1 м, колоколовидной формы, глубиной 1 м, засыпанная в III в. Таким образом двор отделяется от улицы и переулка, не ясно. Возможно, забор был деревянным. Печи, погибшие в I и III вв. по-видимому, стояли в этом дворе, а печь III—II вв. до н. э. находилась в помещении. Каковы были планы гончарных мастерских III—II вв. до н. э. и I в. до н. э. — I в. н. э., установить трудно, так как от построек III—II вв. до н. э. сохранились лишь обрывки стен, а от дома I в. до н. э. — I в. н. э. четко выявляется лишь восточная часть с помещениями 4, 5, 8, 10. О плане построек конца II — начала III в. н. э. дают нам представление сохранившиеся каменные фундаменты и подвальные помещения.

В центральном квартале дома II—III вв. стоят на фундаментах, для которых использованы нижние части стен помещений эллинистического периода. Иногда помещения эллинистического времени использовали как подвалы для склада амфор, а жилые помещения возводили над ними. Дома неоднократно перестраивались. Каменные кладки раннего периода перекладывались. Верхние наземные части стен большей частью были сложены из сырцовых кирпичей.

Можно предположить, что здесь на окраине застройка не была сплошной и между домами имелись свободные участки. Так, например, в центральном квартале в восточной половине раскопанной его части, где сохранились остатки построек IV—II вв. до н. э. и был дом гончара, в I в. до н. э. образовался пустырь и в его северо-западном углу поместили гончарную печь. Ко II в. н. э. размеры пустыря еще более увеличились. Гончарная мастерская перестала существовать, так же как и дом с помещениями 4, 5, 8, 10,

расположенный к западу от нее. Гончар во II в. строит печь в юго-восточном углу пустыря в отдалении от дома с помещениями 11, 14, 15, 19, 20, 22 и 25, занимавшего западный конец квартала. Этот дом включал дворик, вымощенный крупными плитами с каналом водостока, высеченного в каменных блоках. Из дворика, примыкающего к северной улице, можно было попасть в помещение 11—12, спустившись по небольшой каменной лестнице. Помещения 14, 15, 20, 22 и 25 были подвальными. В некоторых из них сохранились склады амфор (помещения 15 и 25) и врытые в земляные полы пифосы. Дверные проемы, заложенные камнями в помещениях 14 и 19, упирались в культурный слой, наросший над мостовыми улицы. Это свидетельствует о том, что в основании помещений II—III вв. лежали стены домов эллинистического периода, соответствующие нижнему уровню покрытия улицы.

Кроме гончаров, на этом участке города жили металлурги. На полу помещения 14 в 1966 г. вместе с 14 остродонными амфорами и с горшочком с зооморфными ручками, аналогичным найденному в гончарной печи II—III вв., были обнаружены четыре железных бруска, может быть, заготовок для кузнеца, не идентичных, но близких по размерам — 22,5×3,5×5 см; 18×6,8×4 см; 20,6×4,4×2,9 см; 20,6×4,5×3,9 (3,4) см. В 1962 г. восемь кусков железного шлака найдены близ печи II—III вв., а недалеко на вымостке улицы III в. — свинцовая болванка. В 1963 г. в этом же районе в 8 м западнее на вымостке найдены шарнирные обломанные железные клещи кузнеца длиной 16 см и слиток железа, а еще в 5 м к западу на уровне вымостки и в яме ниже поверхности ее плит лежала небольшая железная наковальня, квадратная в основании (12×12 см), высотой 17,5 см и большое количество бесформенных кусков железа и бронзы, железные крицы, шлак. Эти отходы кузнечной мастерской были раскиданы так же на соседних южной и западной площадях. Судя по тому, что они сконцентрированы на сравнительно небольшом пространстве, можно предполагать здесь выкид из расположенной поблизости мастерской металлурга, где кузнечное дело было отделено от литейного. Мастерская была, вероятно, разрушена в III в. н. э.

¹ Салов А. И. Археологические находки в Анапе.— СА, 1962, № 2, с. 215—217.

² Блаватский В. Д. Разведки в Анапе.— КСИИМК, М., 1951, вып. XXXVII, с. 245.

³ См.: Кругликова И. Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954—1964 гг.— В кн.: Горгиппия. Краснодар, 1982, II, с. 117—139.

⁴ В раскопках принимали участие И. Т. Кругликова — начальник экспедиции, Г. А. Кошеленко, Л. П. Маринович и И. В. Позднеева. В последующие годы на этом раскопе, получившем название «Город», кроме И. Т. Кругликовой, работали: Г. А. Цветаева (1961 г.), Т. М. Смирнова (1963—1971 гг.), Е. М. Алексеева (1972 г.). С 1973 г. Анапскую экспедицию возглавила Е. М. Алексеева.

⁵ Кругликова И. Т. О гончарной мастерской Горгиппии.— СА, 1962, № 2, с. 216.

⁶ Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961, с. 106.

⁷ Керамическое производство и античные керамические строительные материалы.— САИ, М., 1966, вып. Г1-20, с. 31 и сл.

⁸ Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея.— КСИИМК, М., 1951, вып. XXXVII, с. 223; *Он же*. Строительное дело Пантикапея.— МИА, М., 1957, № 56, с. 64.

⁹ Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи.— Известия ГАИМК, М.; Л., 1934, вып. 80, с. 3.

¹⁰ Керамическое производство..., с. 109, табл. 22, 1.

¹¹ Салов А. И. Археологические находки..., с. 215.

¹² Растущие здесь деревья и каменный забор позволили расчистить только площадь 1,5×2 м.

¹³ Кругликова И. Т. О гончарной мастерской..., с. 129.

¹⁴ Там же, с. 222.

¹⁵ Керамическое производство..., с. 115, табл. 25, 7.

¹⁶ Там же, с. 119, табл. 27, 5, 6; Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 145, рис. 34.

¹⁷ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время, с. 157, рис. 41.

¹⁸ Там же, с. 159, рис. 43.

¹⁹ Там же, с. 158, рис. 42, 4.

ДВЕ ГРУППЫ КРАСНОЛАКОВЫХ СОСУДОВ ИЗ ТАНАИСА

Краснолаковая керамика в Танаисе составляет одну из массовых категорий находок. В слоях первых веков нашей эры по числу обломков профильных частей она занимает без учета фрагментов амфор второе место после лепной посуды¹. В могилах некрополя по количеству находок керамики она также стоит на втором месте после лепной посуды². Формы краснолаковых сосудов достаточно разнообразны, эти сосуды представлены многими десятками целых экземпляров. У нас нет никаких оснований предполагать, что хотя бы часть краснолаковой керамики могла изготавливаться в самом Танаисе, поэтому все краснолаковые сосуды мы считаем привозными.

Определение центров производства краснолаковых сосудов наталкивается на ряд трудностей. К настоящему времени хорошо исследована только западная группа керамики, изготавливавшаяся в Италии и в западных провинциях Римской империи. Но именно эта керамика в Северное Причерноморье почти не поступала, некоторое исключение представляют Ольвия и Херсонес и только в начале нашей эры³. Восточнореческие производственные центры, откуда главным образом вывозилась в Северное Причерноморье краснолаковая керамика, изучены далеко недостаточно. Известен всего один памятник с остатками керамического производства, расположенный недалеко от Пергама, в местечке Чандарли⁴. Остальные центры устанавливаются по косвенным данным и предположительно главными из них считаются Пергам и Самос⁵.

Также предположительно выделяется и местная краснолаковая керамика, сделанная в Северном Причерноморье. Пока нигде не обнаружено следов ее производства; критерии определения местного происхождения керамики довольно условны: глина с белыми включениями извести, лак плохого качества, более небрежная отделка деталей. Местные сосуды делались в подражание привозным образцам, что тоже затрудняет их выделение. Химические анализы глины и лака в должном числе еще не производились. Предполагается, что краснолаковая керамика изготавливалась на Боспоре. Отдельную группу боспорской керамики выделяет Т. Н. Книпович, она считает, что часть керамики могла изготавливаться и в Херсонесе⁶. Л. Ф. Силантьева, исследуя краснолаковую керамику из Илурата, выделяет две группы боспорской посуды и говорит о существовании по крайней мере двух производственных центров⁷. Н. М. Лосева допускает возможность изготовления керамики в Пантикапее и Фанагории⁸. Свообразная краснолаковая керамика выделена в Западно-Цукурском поселении на Тамани, что позволяет предполагать ее производство не только в городах, но и на небольших поселениях⁹.

Большая часть открытых в Танаисе краснолаковых сосудов происходит из малоазийских мастерских. В этом отношении Танаис не представляет исключения среди других боспорских городов. Качество глины и лака сосудов настолько разнообразны, что можно говорить о многих малоазийских центрах и мастерских, вывозивших керамику. В настоящей статье мы остановимся только на двух группах керамики, сделанных в разных малоазийских центрах и достаточно ярко между собой различающихся.

Первая группа представлена в Танаисе серией разных сосудов, имеющих одинаковые особенности, позволяющие говорить об одном месте их изготовления. Их сближают следующие признаки: все сосуды, независимо от формы имеют одинаково оформленное дно, на нем снаружи в центре находится небольшая вмятина, сделанная пальцем или каким-либо инструментом, внутри ей часто соответствует небольшая выпуклость (рис. 1, 1—3), дно покоится на низкой кольцевой подставке, опорная плоскость и боковые грани которой имеют почти одну ширину; глина сосудов мелкозернистая, желтоватого оттенка, иногда серого; лак коричневый или серый, на отдельных экземплярах красный и довольно блестящий; часто один сосуд имеет многоцветно окрашенную поверхность, что, видимо, связано с обжигом. Следует отметить тщательность выделки и аккуратность отделки деталей. Все сосуды найдены в помещениях, разрушенных в середине III в. н. э. во время разгрома города

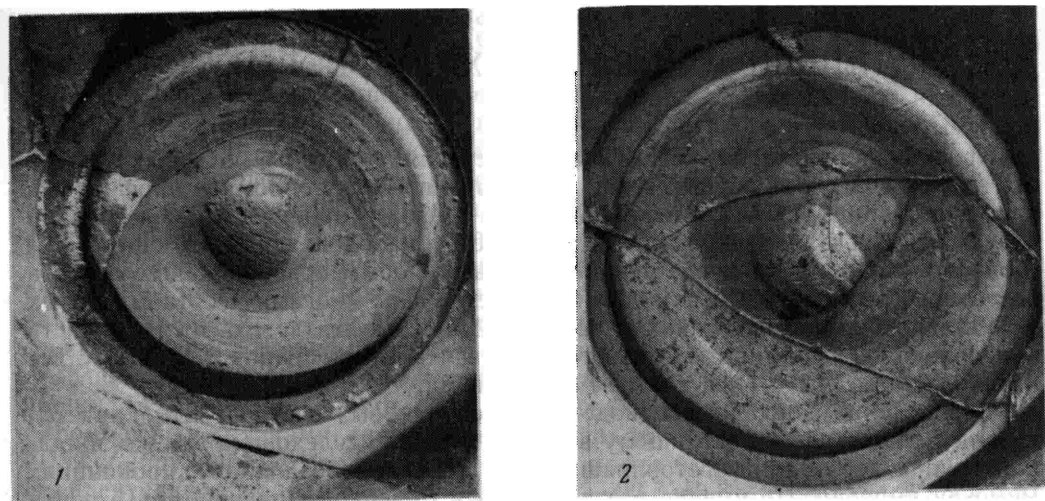

Рис. 1. Донца сосудов с вмятиной в центре (1—3)

племенами готского союза. Обломков керамики этой группы в культурном слое встречено сравнительно немного, поэтому можно думать, что импорт ее в Танаис приходился на довольно короткий отрезок времени в первой половине III в. н. э. Могут быть выделены сосуды следующих форм.

1. Тарелки с прямым вертикальным бортиком, имеющим небольшие округлые выступы снаружи по краю и при переходе от бортика к стенкам. Внутри также резко подчеркнут переход от венчика к стенкам. Стенки прямые. Эта форма представлена только одной (Т65 IV подвал И № 155) довольно большой тарелкой, диаметр ее по краю 22 см, диаметр поддона 8 см, высота 6,6 см (рис. 2, 10). Тип довольно обычен, он происходит от малоазийских тарелок, распространенных в I в. н. э.¹⁰

2. Тарелки с выгнутым бортиком, близким к вертикальному положению, снаружи при переходе от бортика к стенке четко выделенное ребро, на некоторых экземплярах край бортика отогнут наружу, на других отгиб очень слабый. Стенки прямые или слегка выпуклые. Найдено шесть тарелок этой формы (табл.) Подобной формы тарелки имеют своим прототипом более ранние малоазийские экземпляры¹¹.

3. Тарелки с отогнутым краем, близким к горизонтальному, и четким перегибом при переходе к стенкам. Стенки прямые, снаружи на них обозначены ровные параллельные борозды. Эта форма представлена одной (Т 65, IV, помещение И № 130) большой тарелкой, диаметр ее по краю 27 см, диаметр

Таблица 1
Размеры тарелок, см

Шифр	Диаметр по краю	Диаметр поддона	Высота	Рис.
Т 73, XIV, помещение Б, № 321	15,2	6,8	5,2	2, 15
Т 82, XIV, подвал ДК, № 56	24	7,2	7,3	—
Т 65, IV, помещение, № 113	20,4	8,5	5,5	2, 11
Т 72, VI, помещение, Аф., № 4	20,5	8,4	6,3	—
Т 65, IV, подвал И, № 193	21,2	8,6	6,7	2, 14
Т 65, IV, подвал И, № 192	22,4	8,6	6,6	2, 16

Таблица 2
Размеры мисок, см

Шифр	Диаметр по краю	Диаметр поддона	Высота	Рис.
Т 64, IV, помещение И, № 403	12	5,5	4,7	2, 2
Т 64, IV, помещение И, № 334	12,2	5,5	5,2	2, 5
Т 64, IV, помещение И, № 433	12,8	6	5	2, 8
Т 65, IV, подвал И, № 290	13	5,4	5,1	2, 3

поддона 8,6 см, высота 5,2 см (рис. 2, 1). Тарелки с отогнутым краем, происходящие из других производственных центров, широко представлены в Танаисе¹², встречаются они часто и среди керамики большинства античных городов¹³.

4. Миски с округлыми загибающимися внутрь стенками. Это одна из распространенных форм сосудов в танаисской керамике, но рассматриваемая группа представлена только одним экземпляром (Т 74, XIV, подвал Д № 2071), диаметр миски по краю 19 см, диаметр поддона 7,4 см, высота 6,2 см (рис. 2, 4).

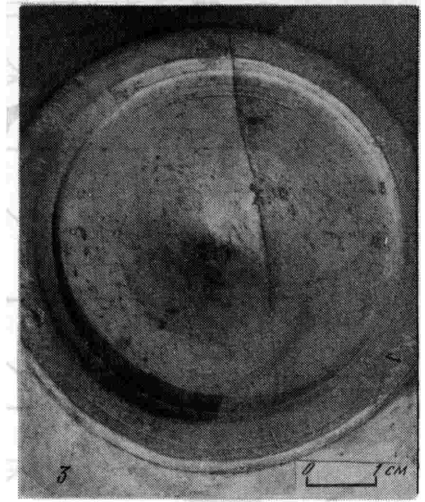
5. Небольшие мисочки по профилю близки предыдущим. Это тоже одна из ведущих форм в керамике Танаиса. Рассматриваемая группа представлена четырьмя целыми экземплярами (табл. 2).

6. Довольно глубокие чаши, по форме напоминающие горшочки, стенки у них округлые, загибаются внутрь, край расширен, немного выступает наружу и скошен внутрь. Эта форма представлена одним целым экземпляром и 13 чашами, сохранившимися в крупных обломках. Целая чаша (Т 73, XIV, помещение Г № 408) украшена двумя параллельными бороздками, опоясывающими тулово, диаметр чаши по краю 12,4 см, диаметр поддона 6 см, высота 8,2 см (рис. 2, 9). На чашах, дошедших до нас в обломках, также имеется орнамент из одной-двух борозд на стенках; кроме бороздок, иногда встречается дополнительный орнамент в виде глубоких насечек (Т 66, IV, подвал И № 1028 — рис. 2, 12; Т 64 помещение И № 378 — рис. 2, 13).

7. Чаши с косыми стенками и бортиком, близким к вертикальному. Часто бортик имеет вогнутую поверхность, как у тарелок формы 2. В некоторых случаях бортик украшен двояными налепами полуовальной формы и смазанными пальцем, на других чашах налепов нет. Снаружи при переходе от бортика к стенкам имеется резкое ребро, внутри переход или плавный, или подчеркнутый. Стенки чаш чаще всего выпуклы внизу и вогнуты вверх. Форма четкая, вытянутая. Склеено два почти целых экземпляра и десять чаш представлены в крупных обломках, на трех из них сохранились следы починки свинцовыми скрепами (табл. 3).

В памятниках Северного Причерноморья аналогичные чаши встречаются довольно часто, они выделены в Ольвии¹⁴, в Илурате¹⁵ и в поселении у дер. Семеновки¹⁶.

Происхождение второй группы керамики почти не вызывает сомнений. По морфологическим особенностям ее можно связать с пергамским кругом производства и даже считать сделанной в производственных комплексах Чандарли. Глина у этих сосудов плотная, светлая, коричневато-желтая с мельчайшими блестками слюды. Лак коричневато-красный покрывает почти всегда обе поверхности, внутри он более блестящий, чем снаружи. Внешняя сторона, хотя и целиком покрыта лаком, но неровно. Такое сплошное лаковое покрытие обеих поверхностей характерно для керамики раннего времени, оно встречается в I—III вв. н. э. только на сосудах немногих производственных центров. На поверхности крупных сосудов рассматриваемой группы прослеживаются круглые отпечатки — следы глиняных кружков, прокладываемых между сосудами при обжиге. Применение таких прокладок отмечено при изготовлении сосудов в Чандарли¹⁷, о них говорит и Т. Н. Книпович, выделяя керамику

Т а б л и ц а 3
Размеры чаш, см

Шифр	Диаметр по краю	Диаметр поддона	Высота	Рис.
Т 65, IV, подвал И, № 290	13,2	5,5	12,5	2, 7
Т 67, IV, помещение С, № 112	11,5	6	12,5	2, 6

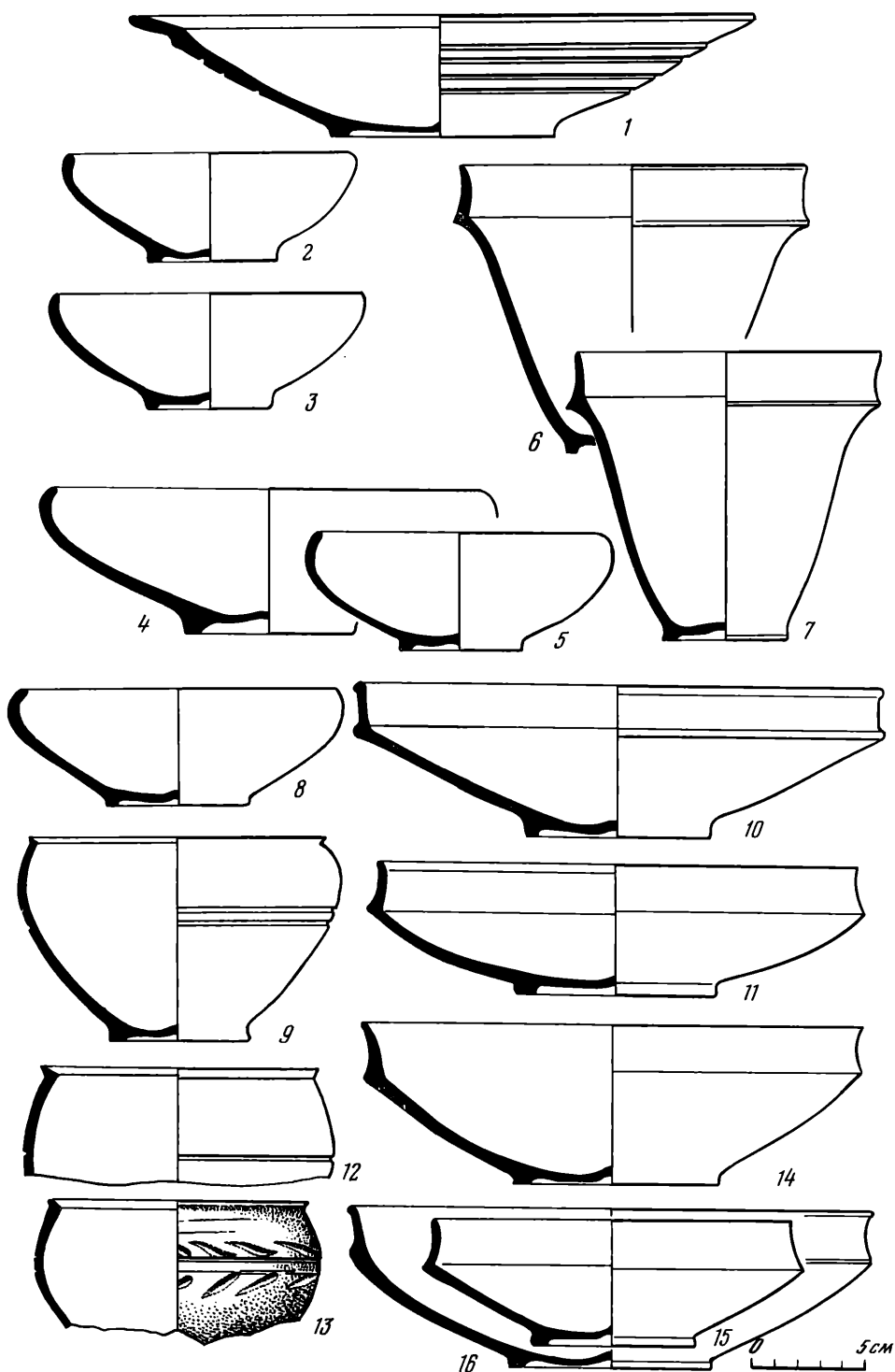

Рис. 2. Краснолаковая керамика (1—16)

этого центра в материалах Ольвии, Мирмекия и Тиритаки¹⁸. В Танаисе сосуды этой группы бытовали на протяжении всех первых трех веков нашей эры. Значительное их число было открыто в помещении АГ конца II в. н. э.¹⁹ Но экземпляры такой же формы встречались в комплексах, разрушенных в середине III в. н. э. Так как сосуды из помещения АГ изданы, мы лишь кратко остановимся на формах, принадлежащих к рассматриваемой группе.

1. Миски с прямыми расходящимися кверху стенками, по краю снаружи

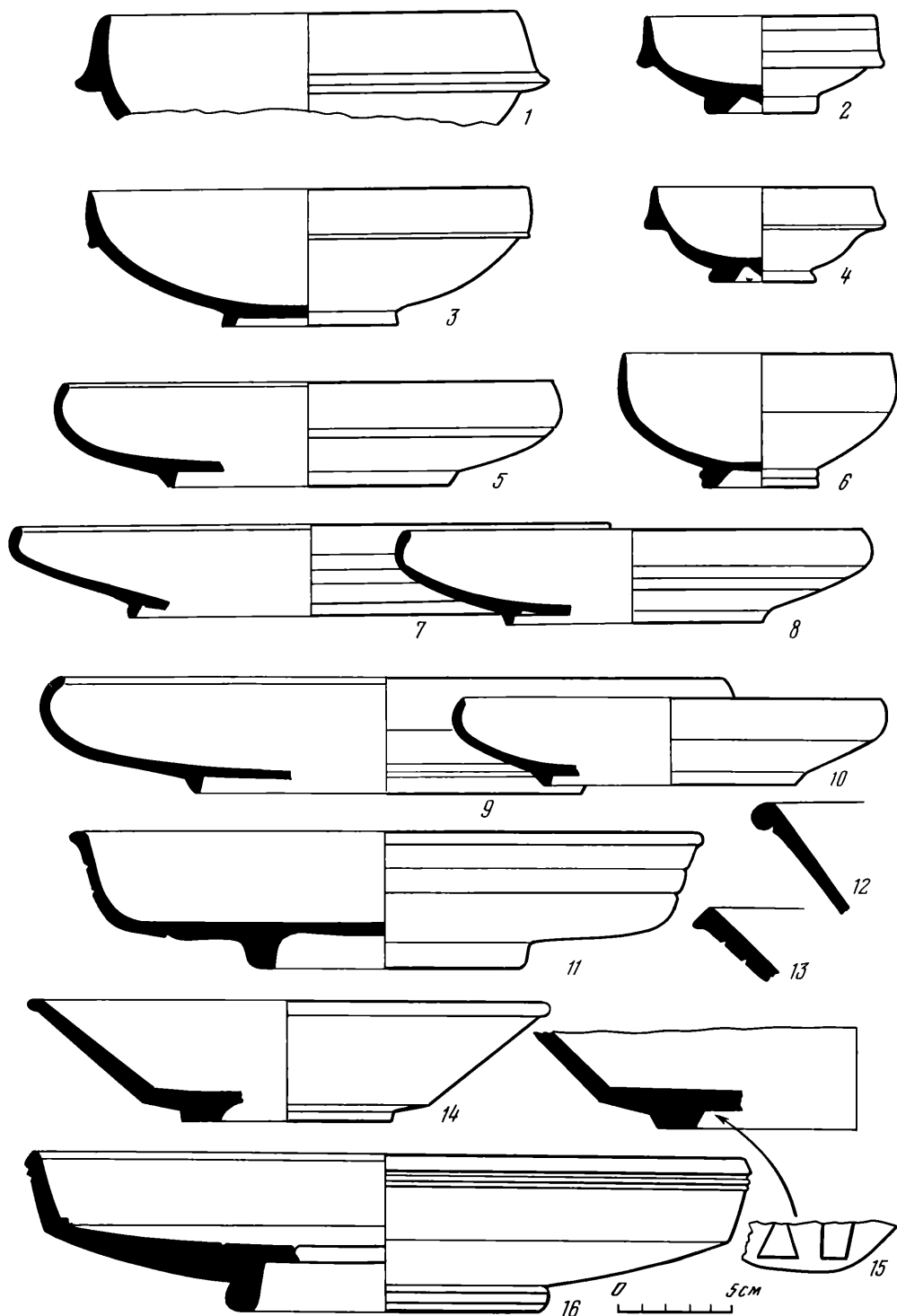

Рис. 3. Краснолаковая керамика (1—16)

у них выделен бортик, дно плоское, широкое. Диаметр кольцевого поддона значительно меньше, чем диаметр дна внутри сосуда, а снаружи внутри кольцевого поддона дно почти не углублено — признаки, характерные для мисок типа 26А Чандарли I в. н. э.²⁰

Этот тип мисок представлен одним экземпляром из разрушенного погребения. Стенки и дно у нее снаружи, вне поддона украшены бороздкой, в центре дна внутри прочерчен круг, диаметром 7 см. Диаметр миски по краю

Таблица 4
Размеры блюд, см

Шифр	Диаметр по краю	Диаметр поддона	Высота	Дата	Рис.
Т 68, VI, подвал АГ, № 30504	17,2	9,7	4	Конец II в. н. э.	—
Т 68, VI, подвал АГ, № 3466	18,4	10	3,6	«	—
Т 68, VI, подвал АГ, № 3482	19,8	11,4	4,4	«	—
Т 68, VI; подвал АГ, № 3476	21	12,4	4	«	—
Т 68, VI, подвал АГ, № 3500	21,4	10,8	4,5	«	—
Т 76, VI, № 1897	17,4	10	3,5	первая половина III в. н. э.	—
Т 79, XIV, помещение III, № 972	18	11	3,7	«	3, 10
Т 69, IV, помещение С, № 594	19	10,2	4,1	«	—
Т 65, IV, помещение И, № 481	19	7,2	4,6	«	—
Т 74, XIV, подвал Д, № 2071	19	7,4	6,2	«	—
Т 83, XIV, подвал КЕ, № 94	19,5	12	4,5	«	—
Т 69, IV, помещение С, № 588	19,8	10,6	4	«	3, 8
Т 71, VI, помещение АД, № 1672	20,8	10,8	4,6	«	3, 5
Т 67, IV, № 73	23,6	15	3,7	«	—
Т 69, IV, помещение С, № 566	25,8	15,4	4	«	3, 7
Т 68, IV, помещение С, № 560	28,6	17	5	«	3, 9

Таблица 5
Размеры чаш, см

Шифр	Диаметр по краю	Диаметр поддона	Высота	Рис.
Т 68, VI, подвал АГ ³²	9,5	4	4	3, 2
Т 69, погребение 250 ³³ , № 12	9,5	2,8	4,2	3, 4
Т 76, курган 20, погребение 5	19	7,2	6	3, 3

27,2 см, диаметр поддона 10 см, высота 5,9 см (рис. 3, 11). Миски этой ранней разновидности в материалах боспорских городов не представлены, известен только один сосуд, близкой формы с Гниловского городища²¹.

2. Миски, отличающиеся от предыдущей формы углубленным внутри кольцевого поддона дном, признаком более поздних сосудов²². Тип представлен тоже одним целым экземпляром (Т 56, V, № 214), найден он с материалом I—II вв. н. э. Бортика у миски нет, стенки вдоль края снаружи украшены двумя углубленными бороздками, центр дна изнутри окружен прочерченным кругом. Переход стенок ко дну резкий, подчеркнутый. Диаметр миски по краю 31,2 см, высота 6,7 см, диаметр поддона по внутреннему краю 11,4 см (рис. 3, 16).

3. Миски с расходящимися кверху стенками и небольшим выделенным снаружи бортиком. Дно небольшого диаметра и близко диаметру кольцевого поддона. Переход стенок ко дну резкий, подчеркнутый. Эта форма представлена одним экземпляром из помещения, разрушенного в середине III в. н. э. (Т 55, II, помещение Г № 1041). Диаметр миски по краю 22,8 см, высота 5,4 см, диаметр поддона по внутреннему краю 6 см (рис. 3, 14). Всего в Танаисе найдено 45 обломков сосудов, близких описанным мискам. Несмотря на разную моделировку профильных частей (см. рис. 3, 12, 13, 15; на донце рис. 3, 15 процарапано граффити), все они вышли из одной производственной мастерской. Как говорилось, производство подобной керамики засвидетельствовано в Чандарли и, видимо, в Северное Причерноморье она поступала

из Малой Азии. Но следует указать, что такая форма сосудов широко применялась в античном мире и воспроизводилась во многих центрах²³.

4. Низкие блюда с округлым загнутым внутрь краем. Они представлены 16 почти целыми экземплярами. Пять из них найдены в помещении II в. н. э.²⁴, остальные в комплексах первой половины III в. н. э. (табл. 4).

Близко напоминают наши блюда отдельные экземпляры, опубликованные Л. Ф. Силантьевой²⁵.

5. Тонкостенные чашечки с округлыми стенками и прямым близким к вертикальному краем. Кольцевой поддон у них имеет широкую опорную плоскость. Они представлены 17 экз. с полным профилем, 14 из них открыты в помещении АГ (еще около 8 чаш из этого помещения дошло до нас в обломках)²⁶, три чаши найдены с материалом первой половины III в. н. э. Размеры большинства чаш почти одинаковы, поэтому данных по каждой чаше в отдельности мы не приводим. Диаметр чаш по краю от 7,8 до 9 см, высота от 4,2 до 4,5 см (рис. 3, 6). Только одна чаша первой половины III в. н. э. (Т 81, XIV, № 2443) имеет несколько больший размер, диаметр по краю у нее 12 см, высота 5,7 см (рис. 4).

6. Чашечки, отличающиеся от предыдущих выделенным снаружи и нависающим над стенками венчиком (рис. 3, 1—4). В комплексах Танаиса II в. н. э. найдено три целых таких сосуда, еще 32 представлены в обломках. Этот тип чаш был выделен и в материалах дореволюционных раскопок Танаиса²⁷. Подобные сосуды известны в керамике Северного Причерноморья²⁸ и Чандарли²⁹, но ареал их более широк, близкой формы чаши отмечены среди находок афинской агоры³⁰, а также в западных центрах производства краснолаковой керамики³¹ (табл. 5).

Вероятно, в дальнейшем с мастерскими Чандарли можно будет связать и некоторые другие формы сосудов, но пока мы учитываем только экземпляры с полным профилем и сопоставляемые с этими формами обломки.

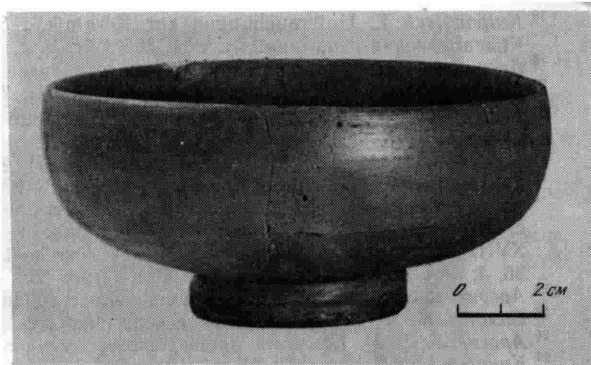

Рис. 4. Чаша первой половины III в. н. э.

¹ Каменецкий И. С. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса.— АДПП, с. 164.

² Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса. М., 1961, с. 58; Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977, с. 118.

³ Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг.— МИА, 1952, № 25, с. 289, 290, 324.

⁴ Löeschcke S. Sigillata-Töpfereien in Tschandarli.— AM, XXXVII, 1912, S. 344.

⁵ Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика..., с. 291—294.

⁶ Там же, с. 321, 322.

⁷ Силантьева Л. Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата.— МИА, 1958, № 85, с. 304 и сл.

⁸ Лосева Н. М. Краснолаковая керамика Боспора (II в. до н. э.— IV в. н. э.), по материалам Пантикапея и Фанагории. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1950.

⁹ Шелов Д. Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани.— КСИИМК, 1953, вып. 51, с. 162, 164; Он же. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г.— КСИИМК, 1955, вып. 58, с. 96, рис. 38, 4, 5.

¹⁰ Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика..., с. 298, рис. 2, 1, 2.

¹¹ Силантьева Л. Ф. Краснолаковая керамика..., с. 285, 286, рис. 3, 1, 2.

¹² Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса, с. 41, 69, табл. XXIX, 2.

¹³ Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика..., с. 308, рис. 5, 8; Силантьева Л. Ф. Краснолаковая керамика..., с. 288, рис. 4, 3; Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов.— МИА, 1959, № 69, с. 204, 205, рис. 79, 1.

¹⁴ Knirowitsch T. Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit aus den Griechenstädten an der Nordküste des Schwarzen Meeres. I. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage.— Materialien zur römisch-germanischen Keramik. Berlin, 1929, IV, tabl. II, 24 Ab.

¹⁵ Силантьева Л. Ф. Краснолаковая керамика..., с. 304, 305, рис. 18, 1.

¹⁶ Круликова И. Т. Раскопки поселения у дер. Семеновки.— В кн.: Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. М., 1970, с. 51, рис. 41, 10.

¹⁷ Löeschcke S. Sigillata-Töpfereien..., S. 355, 356, fig. 4, 2—6.

- ¹⁸ *Книпович Т.* Untersuchungen zur Keramik..., S. 48, Fig. 11, tabl. VI, 7; *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 304, 305, рис. 5, 2, 3.
- ¹⁹ *Арсеньева Т. М.* Комплекс краснолаковых сосудов II в. н. э. из Танаиса.— ИИКАМ, с. 13 и сл.
- ²⁰ *Loeschke S.* Sigillata-Töpfereien..., tabl. XXVIII, 26a.
- ²¹ *Каменецкий И. С.* Нижне-Гниловское городище (раскопки 1954—1955 гг.)— Краеведческие записки. Таганрог, 1957, вып. I, с. 130, рис. 6.
- ²² *Loeschke S.* Sigillata-Töpfereien..., tabl. XXVIII, 26b.
- ²³ См., например: *Altertümer von Pergamon*. I. Berlin, 1892, S. 268, fig. 5; *Велков Ив.* Разкопките около Мезекъ и гара Свиленград.— Известия на Болгарския Археолог. ин-т, 1937, т. XI, с. 163, рис. 156; *Thompson A.* Excavations in the Athenian Agora 1948.— *Hesperia*, 1949, XVIII, p. 217, tabl. 41, 2; *Pelletier A.* Revue archéologique, 1966, p. 136, 137, fig. 34, 2, 3; 35, 7, 8; 36, 3; *Oxé A.* Terra sigillata aus dem Kerameikos.— *AM*, 1927, LII, S. 222, fig. 2, 27.
- ²⁴ *Арсеньева Т. М.* Комплекс краснолаковых сосудов II в. н. э., рис. 1, 8, 9.
- ²⁵ *Силантьева Л. Ф.* Краснолаковая керамика..., с. 301, рис. 15, 1.
- ²⁶ *Арсеньева Т. М.* Комплекс краснолаковых сосудов II в. н. э., рис. 1, 1—4.
- ²⁷ *Книпович Т. Н.* Танаис..., Л., 1949, с. 70.
- ²⁸ *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 303, 315, рис. 3, 4, 5; *Силантьева Л. Ф.* Краснолаковая керамика..., с. 291, 292, рис. 6, 1, 2; *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов, с. 207, 210, рис. 79, 3.
- ²⁹ *Loeschke S.* Sigillata-Töpfereien..., S. 370, 371, tabl. XXVIII, 19.
- ³⁰ *Robinson H. S.* Pottery of the Roman Period. Princeton, 1959, p. 24, 29, tabl. 5, G74; 61, G13; G14; 66 G74.
- ³¹ *Voise J.* La terra sigillata hispanique en Mavrétanie Tingitane. I. Les Marques de potiers.— In: *Etude et travaux d'archéologie Marocaine*, I, Rabat, 1965, fig. 6, 2, 3.
- ³² *Арсеньева Т. М.* Комплекс краснолаковых сосудов II в. н. э., рис. 1, 6.
- ³³ *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса, с. 68, 126, 128, табл. XXIII, 3.

О. Д. ЧЕВЕЛЕВ

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КЫЗАУЛЬСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Античный некрополь у с. Яковенково (бывш. Кыз-аул) к югу от Керчи раскапывался экспедицией Керченского археологического музея под руководством Ю. Ю. Марти в 1930 г. Тогда было раскопано 12 погребений в плитовых гробницах¹ или в ямах, перекрытых плитами; они датируются второй половиной I в. до н. э.— II—III вв. н. э. Материалы этих раскопок издал в 1959 г. В. Ф. Гайдукевич². В 1979 г. Керченский историко-археологический музей возобновил исследования некрополя. В ходе их установлено, что протяженность некрополя вдоль берега моря, с запада на восток, составляет около 200 м. За 1979—1981 гг. вскрыто 44 погребения II в. до н. э.— II—III вв. н. э. По типу погребальных сооружений их можно разделить на четыре группы: 24 погребения в грунтовых ямах; 2 — в грунтовых ямах с оградками; 6 — в грунтовых ямах, перекрытых плитами; 10 — в плитовых гробницах.

Кроме того, раскопана часть погребения конца I в. до н. э.— начала I в. н. э., совершенного в грунтовой яме с уступами (заплечиками). Возможно, оно было перекрыто досками и камкой. Следы досок не сохранились, но в засыпи могилы найдены камка и верхняя часть бронзового гвоздя. Встречены и два погребения смешанных типов: одно — II в. до н. э. было перекрыто лишь частично плоским камнем, другое — I в. н. э.— в плитовой гробнице имело оградку из камней, побывавших в огне.

Для II—I вв. до н. э. характерны могилы в грунтовых ямах, а с I в. н. э. преобладают могилы в ямах, перекрытых плитами, и в плитовых гробницах, часто встречаются и погребения в ямах. К этому же времени относятся три погребения с оградками³. В двух эллинистических погребениях и в двух могилах I в. н. э. зафиксированы поперечные земляные уступы. В раннее время на них покоилась голова погребенного, позднее уступы потеряли эту функцию, но продолжали существовать. Эта черта обряда в боспорских грунтовых некрополях отмечена впервые. Одиночные погребения во второй половине I в. до н. э. сменяются парными и повторными; повторные захоронения совершаются только в могилах с перекрытиями и в плитовых гробницах. Количество погребенных в них колеблется от двух до 12. Преобладающий способ погребения — трупоположение, факты кремации единичны⁴. Ориенти-

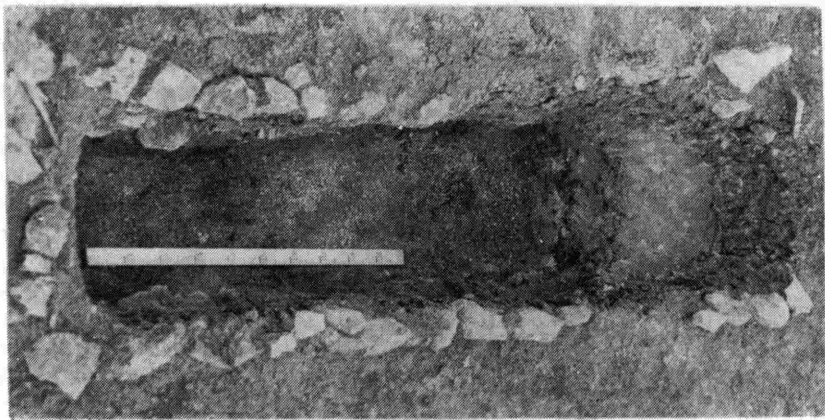

Рис. 1. Могильная яма погребения I в. н. э.

Рис. 2. Погребение в каменном ящике I в. н. э.

ровка погребенных довольно устойчива: во II—I вв. до н. э. — южная, позднее — юго-восточная и восточная, изредка — северная и западная. В 13 погребениях встречена подсыпка из песка и ракушек.

В 44 могилах найдены останки не менее 76 погребенных, из них 38 детей. При раскопках 1930 г. в 12 могилах найдены останки примерно 43 взрослых костяков.

Из 11 эллинистических погребений многие полуразрушены. Семь из них детские, при этом шесть найдены в одном месте. Как правило, в инвентарь погребений входил лепной или гончарный сосуд, который ставился слева от головы или между ног покойника, и бусы, до 100 и более штук. Кроме того, в двух погребениях найдены бронзовые круглопроволочные браслеты со стилизованными головками змей на концах и серьга, в одном — железный нож. Лишь одно погребение выделяется относительным богатством. В грунтовой яме, в южной части, перекрытой плоским камнем, лежал костяк девушки. В погребальный инвентарь входили красноглиняные кувшин и флакон, лощеная изнутри сероглиняная чаша, железный и два серебряных перстня, бронзовая фибула, серебряные браслет, серьги и подвески в виде сфинксов. Платье погребенной было расшито более чем 350 бусами из сердолика, стекла, пасты, янтаря, хрустала и лигнита. Дно могилы посыпано песком и ракушкой.

Над одним из разрушенных погребений лежало тщательно обработанное антропоморфное известняковое надгробие.

Во второй половине I в. до н. э. появляются новые типы погребальных сооружений, изменяется и погребальный обряд, отражающий крупные изменения, происходившие внутри боспорского общества того времени.

Инвентарь погребений в грунтовых ямах всех трех типов довольно скромный. Керамика хорошего качества, в большинстве своем импортная краснолаковая.

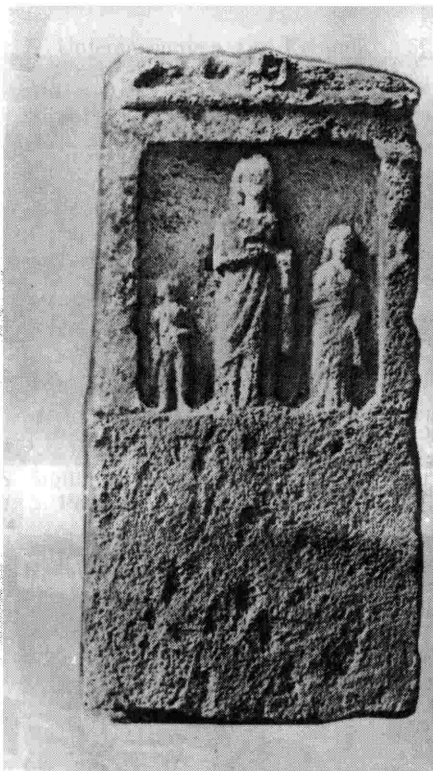

Рис. 3. Известняковое надгробие из некрополя

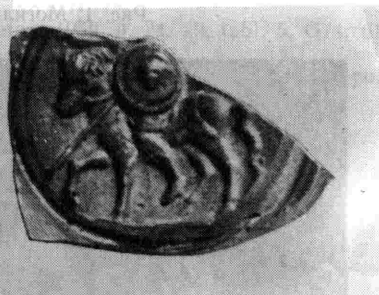

Рис. 4. Штамп на донце краснолакового сосуда

В погребении обычны два-три сосуда, которые ставились, как правило, в ногах. Открытые сосуды сочетаются с закрытыми. Бусы встречаются реже и в меньшем количестве, чем в эллинистических погребениях, зато чаще употребляются серьги, браслеты, кольца и перстни. Изредка встречаются фибулы. Предметы вооружения — железные наконечники стрел, найдены лишь в одном погребении второй половины I в. до н. э. — начала I в. н. э.

В западной части некрополя открыты два скорченных погребения младенцев в небольших ямах. Один из них ориентирован на юг, другой — на север.

Интересна конструкция одного из погребений. Грунтовая яма с поперечным уступом была обложена по верхнему краю мелкими камнями и перекрыта крупными плитами (рис. 1). Роль каменной обкладки не ясна. Возможно, она должна была сохранять от разрушения стенки могильной ямы, но, может быть, это новая деталь обряда погребений, наподобие упомянутых оградок и уступов.

Более разнообразен и богат материал из погребений в плитовых гробницах. Семь из них детские (рис. 2). Все гробницы сложены из тщательно отесанных плит, лишь в одном случае гробница была вырублена из одного куска известняка. В двух случаях пол погребений опущен ниже основания плит⁵. Гробницы перекрывались плитами, обработанными в местах соединения. В качестве перекрытия использованы два надгробия I в. н. э. Рельеф одного из них изображает стоящую женщину, справа от нее, видимо, ее дочь, а слева — сын (рис. 3). Едва прослеживается верхняя строка эпитафии: ΠΑΠΑ ΜΑΙΣ... (?). Рельеф другого надгробия, возможно, изображал стоящую женщину. Еще одно надгробие — I—II вв. н. э. найдено на берегу моря в 1967 г.⁶ Рельеф изображает женщину, сидящую в кресле вправо, позади кресла стоит служанка. При сооружении одной из гробниц использован известняковый жертвенник. Его размеры 0,83 × 0,71 × 0,32 м. В середине плиты вырублено прямоугольное отверстие размером 0,58 × 0,22 × 0,30 м. Короткая сторона углубления соединена с краем плиты сливом шириной 6 и глубиной 2,5 м. Боковые грани жертвенника тщательно отесаны.

К описанного типа погребениям примыкает еще одно сооружение. В небольшой овальной яме лежали три камня, некогда бывшие стенками маленького ящика, размерами около 0,45 × 0,45 м; четвертой стороной служил выход предскальной щебенки. Вещей и останков погребенного не найдено. Возможно, это был кенотаф.

В погребальный инвентарь входила многочисленная утварь: в каждой могиле от трех до семи сосудов, большей частью краснолаковых, по несколько фибул, браслетов, серег, перстней, подвесок и бусы. Среди подвесок две бронзовые антропоморфные, медная монета и два бронзовых колокольчика. Найдены восемь стеклянных сосудов: четыре бальзамария, чаша, два кувшина и сосуд с прямоугольным туловом и «клеймом» на донце⁷.

В оgrabленной плитовой гробнице I—II вв. н. э. обнаружены остатки деревянного саркофага и три гипсовые маски Медузы Горгоны. В засыпи погребения найдена золотая серьга в два оборота. В другой гробнице стояли два саркофага идентичных размеров: 1,80×0,35 м. Их крышки украшали гипсовые прилепы, совершенно расслоившиеся от сырости. Еще один — детский саркофаг длиной около 1,10 м, шириной 0,40 м и высотой 0,20 м найден в грунтовой яме. Саркофаг был обмазан гипсом или алебастром и выкрашен в красный цвет.

Довольно часто в погребениях всех типов встречалась напутственная пища в виде костей птицы или животного. В пяти погребениях они лежали в мисках. Иногда пищу сопровождали железные ножи, но они были найдены и в некоторых погребениях, не содержащих пищи.

Рядом с детскими погребениями в плитовых гробницах, в центральной части некрополя, расчищены остатки тризны, содержащие большое количество фрагментов столовой посуды I в. н. э., в том числе краснолаковой. Обращает на себя внимание штамп на донце открытого краснолакового сосуда с изображением вооруженного всадника (рис. 4). Часть керамики из тризны оплавлена, прослеживается слабый слой золы. Это первая находка места тризны в Кызаульском некрополе, но на Боспоре тризны в грунтовых некрополях известны достаточно хорошо.

В восточной половине некрополя найдены три захоронения черепов, костей ног лошадей и один целый костяк. У одного черепа лежали железные удила, у другого — железное кольцо; рядом с черепом скелета — два железных и одно бронзовое кольца. Подобные захоронения известны в некрополях Танаиса⁸ и Кобяковского городища, встречали их и в грунтовом некрополе Пантикапея на западном склоне Длинной скалы. Рядом с головой лошади одного из пантикапейских захоронений лежали два бронзовых кольца и бронзовая бляха с остатками ремня⁹. Все эти захоронения надо связывать с сарматским погребальным обрядом.

Следует отметить, что целый ряд погребений отличается от ранее известных в этом некрополе. Вызывают интерес впервые раскопанные эллинистические погребения, разнообразие типов погребальных сооружений, довольно устойчивый набор инвентаря, связанный с определенными типами погребений.

Сложный вопрос представляет определение этнической принадлежности погребенных. В эллинистический период это, очевидно, были варвары, но уже испытывавшие сильное воздействие греческой культуры. Это влияние проявилось прежде всего в подборе инвентаря, часть которого составляет импортная керамика и украшения, а также сосуды, вышедшие из боспорских мастерских. В двух погребениях найдены флаконы.

К местным чертам можно отнести устойчивую южную ориентацию, подсыпку из песка в единичных случаях и устройство уступов для головы покойника. Южная ориентация характерна для меотских могильников. В пантикапейском некрополе на южном склоне горы Митридат южная ориентировка встречается с VI—V вв. до н. э. Этот участок некрополя связывают с наиболее бедным и варварским населением Пантикапея¹⁰.

Может быть, пантикапейские погребения и погребения Кызаульского некрополя свидетельствуют об обитании в Восточном Крыму, наряду с греками и скифами, и, вероятно, потомками киммерийцев¹¹, еще одной группы населения, этнически связанной с меотами Азиатского Боспора.

В обряде погребений с I в. до н. э. мы можем проследить влияние обряда обитателей окраин Европейского Боспора, оставивших нам коллективные погребения в каменных ящиках. Сарматским влиянием объясняется появление жертвенной пищи, некоторых типов амулетов, северной ориентации, положение покойников с перекрещенными ногами. Подсыпка из песка и ракушек, помещенные жертвенной пищи в миски¹² говорят о связях с жителями Тамани и

Таблица 1
Классификация погребений

Способ захоронения	Погребальные сооружения					Способ положения в могилу	
	Грунто- вые ямы	Грунто- вые ямы с оград- ками	Грунтовые ямы, пере- крытые пли- тами	Плитовые гробницы	Грунтовые ямы, пере- крытые дос- ками	В гробу	Без гроба

Раскопки 1979—1981 гг.

<i>Труполо- ложение</i>							
Вытянутое на спине	21	3	10	17	1	4	43
Скорченное на боку	2	—	—	—	—	—	2
Неопреде- ленное	2	—	3	18	1	—	27
<i>Трупосожжение</i>							
Без урны	1	—	—	—	—	—	—

Раскопки 1930 г.

<i>Труполо- ложение</i>							
Вытянутое на спине	—	—	3	13	—	4	12
Неопреде- ленное	—	—	1	24	—	—	25
<i>Трупосожжение</i>							
В урне	—	—	—	1	—	—	—
Без урны	—	—	—	1	—	—	—

Прикубанья. Преобладают черты греческого обряда: восточная ориентация, погребения в саркофагах, установка надгробий, кремация, «обол Харона»¹³ и т. д.

Существование различных типов погребальных сооружений и ясно прослеживаемое различие в количестве и составе погребального инвентаря предполагают существование определенного имущественного неравенства. Надо полагать, некрополь принадлежал поселению городского типа¹⁴. Погребения Кызаульского некрополя I в. до н. э. — II—III вв. н. э. отличаются от синхронных им в других некрополях хоры европейского Боспора¹⁵ более эллинским характером погребального обряда. Объясняется это влиянием греческих традиций и культов среди местного населения и близостью крупных центров Боспора: Киммерика и Китея.

В прилагаемой таблице классификации погребений для более полной характеристики некрополя даются сведения о раскопках 1930 г., выделенные в особый раздел (табл.).

¹ Иногда их называют каменными ящиками.

² Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов.— МИА, № 69, 1959, с. 187 и сл.

³ Подобные сооружения отмечены в некрополях Танаиса, Тирамбы и Тиритак; Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса.— МИА, 1961, № 98, с. 86, 87; Коровина А. К. Тирамба (городище и некрополь).— СбГМИИ, 1968, IV, с. 68; Кобылина М. М. Раскопки некрополя Тиритак в 1934 г.— МИА, 1941, № 4, с. 84.

⁴ Одно погребение с кремацией раскопано в 1981 г. и дважды она встречена в 1930 г. (Гайдукевич В. Ф. Некрополи..., с. 207).

⁵ Эта деталь в устройстве плитовых погребений является одной из особенностей некрополя (Гайдукевич В. Ф. Некрополи..., с. 207).

⁶ Керченский лапидарий, № 1109 (Корпусова В. Н. Надгробные стелы некропелей сельских поселений Боспора.— В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 145.

⁷ Сорокина Н. П. Стекланные сосуды из Танаиса.— МИА, 1965, № 127, ч. 230, рис. 12, 20.

⁸ Казакова Л. М., Каменецкий И. С. Курганы Танаиса.— КСИА, 1970, вып. 124, с. 83.

⁹ ИАК, № 47, с. 9.

¹⁰ Цветаева Г. А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав.— МИА, 1951, № 19, с. 67.

Ориентация костяка					Инвентарь							
Север	Юг	Восток	Юго-восток	Запад	Монеты	Керамическая и стеклянная посуда	Напутственная пища	Предметы личного убранства	Орудия труда	Оружие	Игры	
Раскопки 1979—1981 гг.												
3	9	20	12	3	1	20	5	31	5	1	—	
1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	1	7	2	—	1	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Раскопки 1930 г.												
—	—	—	16	—	1	15	2	15	4	2	—	
—	—	—	—	—	—	7	1	8	3	1	1	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

¹¹ Масленников А. А. О населении прибрежных районов Восточного Крыма в VI—I вв. до н. э.— СА, 1980, № 1, с. 5 и сл.

¹² Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23, с. 158 и сл.; Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской.— МИА, 1958, № 64, с. 293.

¹³ Одна монета, сопровождающая покойника в качестве «обола Харона», найдена в 1930 г., другая — в 1979 г.

¹⁴ Наше предположение совпадает с мнением А. А. Масленникова. См.: Масленников А. А. О локализации некоторых городов Европейского Боспора первых веков н. э.— В кн.: Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода. М., 1979, с. 34, 35.

¹⁵ Арсеньева Т. М. Могильник у дер. Ново-Отрадное.— МИА, 1970, № 155, с. 82 и сл.; Корпусова В. Н. Некрополь у с. Золотое.— КСИА, 1971, № 128, с. 86 и сл.; Кругликова И. Т. Некрополь поселения у дер. Семеновка.— СА, 1969, № 1, с. 98; Корпусова В. М. Про населення хори античної Феодосії.— Археологія, Київ, 1972, № 6, с. 41 и сл.

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

ИЛУРАТСКАЯ ВИНОДЕЛЬНЯ

В 1981 г. в Илурате впервые был открыт достаточно хорошо сохранившийся комплекс винодельни II—III вв. н. э., размещавшийся в одном из центральных городских кварталов к северо-востоку от Большой поперечной улицы (V участок). Он включал в себя небольшой двор (7,42×2,05 м) и помещение, выполнявшее производственные функции (7,5×5,7 м).

Двор вымощен известняковыми плитами неправильных очертаний. Его восточная часть так же, как северный и восточный углы производственного помещения, целиком выбрана. Здесь, как и во всем комплексе винодельни, отмечается три строительных периода. К первому из них относится юго-западная стена винодельни, возможно, связанная со зданием, носившим общественный

Рис. 1. Илуратская винодельня. Общий вид с севера

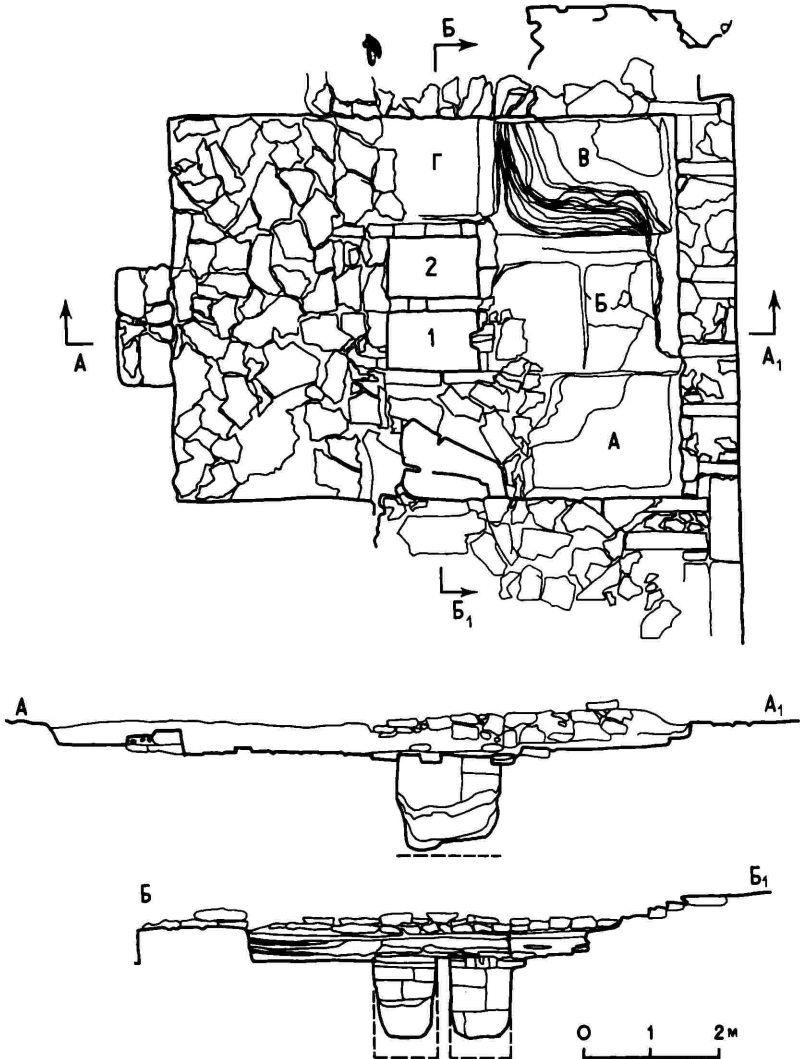

Рис. 2. План и разрезы винодельни в Илурате

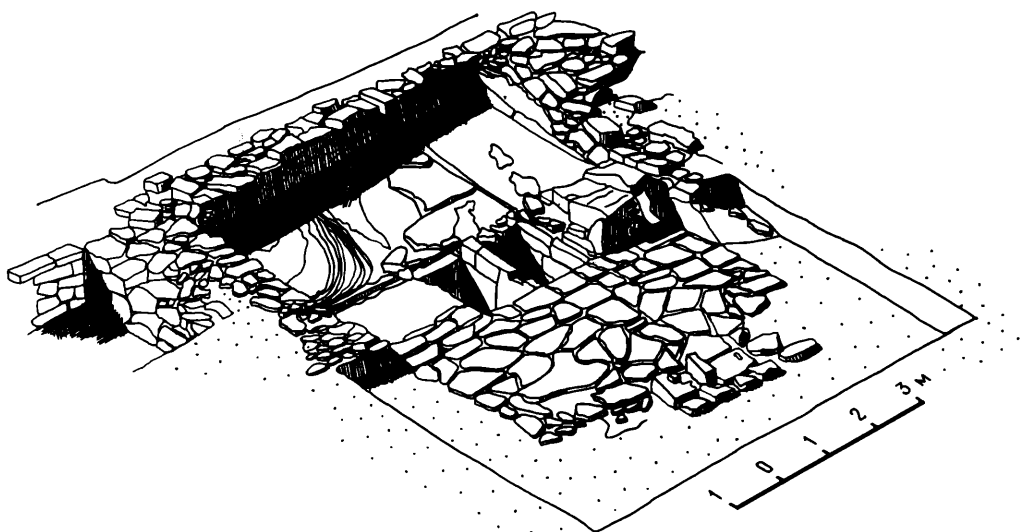

Рис. 3. Илуратская винодельня (аксонометрия)

характер. На это указывает регулярный характер кладки, тщательно сложенной из хорошо обработанных квадратов известняка с применением прямоугольных блоков, впущенных в кладку стены на всю ее ширину (0,93 м) через равные промежутки в 0,71—0,73 м. Ко второму строительному периоду, уже связанному с функционированием винодельни, относятся три ямы колоколовидной формы, расположенные на одной оси. Горловины ям прямоугольной формы обрамляют блоки пиленого известняка. Наибольший интерес представляет яма в юго-западной части двора. Глубина ее от верхнего края горловины 2,85 м, диаметр дна 1,95 м. В заполнении найдены обломки красноглиняных боспорских амфор и фрагменты красноглиняных сосудов, в том числе кувшина с воронкообразным горлом¹. На дне ямы был полуметровый слой виноградных косточек, среди которых наряду с винными сортами присутствовали остатки столового и дикорастущего винограда². Этот слой, очевидно, представляет собой единовременный сброс мезги из винодельни, сделанный в период, когда необходимость в эксплуатации ямы отпала и она была засыпана. На образовавшийся впоследствии культурный слой уложены плиты вымостки двора, относящейся к третьему строительному периоду. Для того чтобы связать вымостку с уровнем пола производственного помещения винодельни потребовалось соорудить лестницу из пяти ступеней. Вся северо-восточная половина этого помещения занята вымосткой из плоских плит известняка, которая граничит с двумя цистернами для винного сула и давальными площадками, обмазанными цемянкой (рис. 1—3). Последних выявлено четыре, из них наиболее четко фиксируется площадка А, расположенная в западном углу помещения. Это гладкая платформа (2,78×1,87 м), имеющая наклон в сторону цистерн. Разница в уровне между юго-западным и северо-восточным краями площадки 0,18 м. С юго-восточной стороны она отделяется от соседней площадки Б, расположенной на более низком уровне, небольшим бортиком высотой 0,08 м. Размеры трех других площадок Б, В и Г соответственно 2,5×1,8 м; 2,53×2,03 м и 1,68×1,5 м.

Устройство давольных площадок хорошо прослеживается на центральной площадке Б, в значительной степени разрушенной упавшими камнями. В основании ее находится настил из крупных плит, перекрытых сверху слоями цемянки, образующими саму площадку, где производилось выдавливание винограда. На стыке площадки Б с соседними, в юго-западной стене винодельни имеются два паза размерами 0,18×0,17 м и глубиной 0,1 м, которые, возможно, использовались для установки деревянных перегородок.

Давильная площадка В частично разрушена. Это позволило выявить 11 слоев подмазки. Такое многослойное покрытие является характерной особенностью давольных площадок в боспорских винодельнях первых веков н. э.³ Толщина слоев колеблется в пределах 0,8—1,0 см.

Стены винодельни, обрамляющие давольные площадки, были оштукатурены раствором цемянки, покрыты темно-красной краской. Обломки штукатурки

такого рода в большом количестве извлечены из заполнения помещения.

В центре винодельни находились две смежные цистерны общим объемом около 3,5 тыс. л. Такое количество выжатого винного сусла соответствует урожаю с виноградника площадью около 1,5 га⁴, т. е. соотносится с земельным наделом средней величины⁵.

Цистерны сложены из тщательно обработанных и плотно подогнанных друг к другу квадратов известняка, обмазанных цемянкой, которая в углах образует тяги, делая все переходы плавными, чтобы здесь не скоплялись осадки. Использованный строительный раствор по своему составу аналогичен покрытию давяльных площадок. Зафиксировано 5 слоев подмазки толщиной 0,4—0,5 см.

Цистерна 1 имеет внутренние размеры 1,54×0,94 м. Дно ее постепенно понижается в северо-восточном направлении с глубины 1,12 м до 1,3 м, образуя углубление для скопления осадка во время отстаивания сусла. На юго-западной стороне цистерны находился слив подтреугольной формы с желобом шириной 0,08 м. Фрагмент другого слива, относящегося к цистерне 2, был найден в ее заполнении. Внутренние размеры цистерны 2: 1,52×0,93 м. Дно ее понижается в северо-восточном направлении с глубины 1,18 м до 1,38 м. Как регулировалось поступление винного сусла в цистерны, установить невозможно вследствие сильной поврежденности давяльных площадок в примыкающей к цистернам части.

Отсутствие в комплексе винодельни хранилища готовой продукции свидетельствует, что выжатый виноградный сок отстаивался на месте, прямо в цистернах, хотя не исключено, что винодельня могла использоваться в течение сезона несколько раз. На небольшой объем производства вина в илуратской винодельне указывает отсутствие остатков рычажного пресса, прочно вошедшего в практику боспорского виноделия в первые века н. э.⁶

Рассмотренный комплекс по своему характеру вполне соответствует боспорской традиции сооружения виноделен. Единственное отличие от наиболее распространенного типа виноделен — устройство двух цистерн вместо обычных трех⁷.

Открытие винодельни II—III вв. н. э. в Илурате служит еще одним свидетельством значительного развития виноделия на Боспоре в первые века н. э.

¹ Гайдукевич В. Ф. Илурат: Итоги археологических исследований 1948—1953 гг.— МИА, 1958, № 85, с. 128, рис. 136.

² Пользуемся случаем выразить благодарность З. В. Янушевич за проведенный ею анализ семян винограда.

³ Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре.— МИА, 1958, № 85, с. 411.

⁴ Там же, с. 450.

⁵ Ср.: Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 113.

⁶ Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре, с. 399.

⁷ Кроме илуратской, на Боспоре известны только две винодельни с двумя цистернами — в Пантикапее и Нимфее. См.: Блаватский В. Д. Новые данные о строительстве Пантикапея.— СА, 1953, XVIII, с. 178; Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре, с. 438.

ХРОНИКА

ПАМЯТИ Н. А. ОНАЙКО

Советское антиковедение понесло тяжелую утрату — 17 октября 1983 г. скончалась Надежда Анисимовна Онайко, старший научный сотрудник сектора античной археологии ИА АН СССР. Надежда Анисимовна родилась в 1921 г. в семье рабочего на Кубани. На ее долю выпало тяжелое детство; рано лишившись родителей, она тем не менее смогла получить среднее образование. В 1940 г. Надежда Анисимовна поступает на исторический факультет МГУ и продолжает учиться и в годы войны, работая одновременно на одном заводе и лесозаготовках. С 1942 г. она принимает участие в археологических экспедициях, а в послевоенное время окончательно связывает свою судьбу с античной археологией.

В 1944—1947 гг. Н. А. Онайко работала в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, а в 1955 г. успешно заканчивает под руководством проф. В. Д. Блаватского аспирантуру при ИИМК, ныне ИА АН СССР, с которым связана вся ее последующая научная деятельность. Надежде Анисимовне принадлежит ведущая роль в изучении античных памятников Северо-Восточного Причерноморья, которое она вела систематически с 1955 г. В 1958—1960 гг. Надежда Анисимовна выполняла обязанности заместителя начальника Советско-Албанской экспедиции. Именно в эти годы окончательно определяется круг ее научных интересов: античная торговля, торевтика и история Северо-Восточного Причерноморья. По этой тематике ею написано 79 научных работ, включая три монографии: «Античный импорт в Приднестровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.», «Античный импорт в Приднестровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.» и «Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта». Ей принадлежит целый ряд важных выводов по проблемам скифской и античной археологии; уточненная датировка многих памятников, определение центра производства ряда ювелирных изделий древних мастеров, происхождение некоторых сюжетов в греко-варварском искусстве и т. п. В последние годы она напряженно работала над темой об античной торевтике Северного Причерноморья, которую ей не удалось завершить.

Для Надежды Анисимовны как ученого были всегда характерны высокая требовательность к себе, целеустремленность, тщательность исследования, глубокая проработка материала. Столь же принципиальной, честной и справедливой была она и в отношениях с окружающими ее людьми. Вместе с тем она охотно и много помогала молодым сотрудникам, работникам музеев, живо откликалась на все события жизни сектора и института. Все это снискало Надежде Анисимовне заслуженное уважение и признание.

Светлая память о Надежде Анисимовне Онайко, замечательном исследователе и человеке навсегда останется в нашей памяти.

А. А. Масленников

РАБОТА СЕКТОРА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

В 1980—1983 гг.

Основными направлениями работы сектора за истекший период были исследование и интерпретация античных памятников Северного Причерноморья и Афганистана и общие вопросы античной археологии и археологии Боспора. Этой тематике посвящены плановые темы Е. М. Алексеевой («Горгиппия»), Т. М. Арсеньевой (Танаис II—III вв.), В. С. Долгоорукова, М. М. Кобылиной (Фанагория), Э. Я. Николаевой (Ильичевское городище), И. Т. Кругликовой (Дильберджин), Ю. М. Десятчикова (Азиатский Боспор во II в. до н. э.), А. А. Масленникова (Население Боспора в первых веках нашей эры), Г. А. Кошеленко «Археология эллинистического Востока», В. К. Голенко «Денежное обращение и монетное дело раннеселевкидского государства», А. М. Акопяна «Связи Закавказья с Парфией», В. Д. Кузнецова «Строительное дело древней Греции», Б. Г. Петерса «Военное дело в античных государствах Северного Причерноморья».

В 1980 г. завершены следующие плановые темы: А. А. Масленников «Некрополи городов Азиатского Боспора», Н. А. Онайко «Статьи об античной торевтике», Э. Я. Николаевой «Крупная тара Ильичевского городища». в 1981 г. закончилась тема Э. Я. Николаевой «Находки оружия на Ильичевском городище». В 1982 г. завершены плановые темы: Т. М. Арсеньевой «Светильники Танаиса», Н. А. Онайко «Экономические и культурные связи античных городов Северного Причерноморья с племенами Приднепровья и Побужья в VII—III вв. до н. э.» и Э. Я. Николаевой «Занятия населения Ильичевского городища».

За период с 1980 по 1981 г. вышли из печати следующие монографии сотрудников сектора: Н. А. Онайко «Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта» (М., 1980), 13,6 п. л.; А. А. Масленников «Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. (М., 1981), 9,36 п. л.; Б. Г. Петерс «Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья (М., 1982), 9,1 п. л.; Е. М. Алексеева «Античные бусы Северного Причерноморья» (САИ, вып. Г1—12. М., 1982), 13,5 п. л.; И. Т. Кругликова «Античная археология», 15 п. л., Вышел из печати том «Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья». Ответственные редакторы: Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгооруков (М., 1984), 50 п. л., в подготовке которого приняли участие почти все сотрудники сектора. Сдан в печать том «Археология СССР. Средняя Азия и Кавказ в античную эпоху», отв. редактор Г. А. Кошеленко, 50 п. л. Опубликованы сборники: «Горгиппия», ч. I. Материалы Анапской экспедиции (Краснодар, 1980); часть II (Краснодар, 1982), отв. редактор И. Т. Кругликова, авторы статей Е. М. Алексеева, И. Т. Кругликова и др.; «Древняя Бактрия». Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции, вып. 3 (М., 1984), отв. редактор И. Т. Кругликова, авторы статей В. С. Долгооруков, И. Т. Кругликова и др..

Подготовлены к печати монографии: Т. С. Арсеньева «Светильники Танаиса», (отв. редактор Д. Б. Шелов; Б. Г. Петерс «Косторезное ремесло в античных государствах Северного Причерноморья, отв. ред. Г. А. Кошеленко; И. Т. Кругликова «Дильберджин», вып. 3, отв. ред. Г. А. Кошеленко; Е. М. Алексеева «Некрополи хоры Горгиппии». Подготовил к печати научно-популярную книгу Г. А. Кошеленко «Судьба Парфенона», 16 авт. л. Сдано в печать и опубликовано более 200 статей и заметок сотрудников сектора, в том числе и за рубежом:

В Софии (Болгария) — статьи Б. Г. Петерса («О морском деле древней Греции в переходное и архаическое время») и Г. А. Кошеленко («О некоторых аспектах культурных связей между Фракией и греческими городами Северного Причерноморья»), в Бухаресте (Румыния) опубликован доклад Г. А. Кошеленко «О взаимодействии греческих и местных элементов в Северном Причерноморье», в Галле (ГДР) — статья И. Т. Кругликовой «Храмы и святилища Дильберджина», в Афганистане — ее статьи «О работах советско-афганской археологической экспедиции»; Г. А. Кошеленко совместно с В. Н. Пилипко написан раздел

«Парфия» в сборник «История цивилизаций Центральной Азии» для ЮНЕСКО.

Успешно защитили кандидатские диссертации: в 1980 г. А. М. Акоюн «Связи Армении и Кавказской Албании с Парфией», в 1983 г. соискатель Н. М. Секерская (Гос. Одесский археологический музей) «Никоний и Нижнее Поднестрие», в 1984 г. — соискатель А. А. Зедгендзе (Гос. Херсонесский музей-заповедник) «Херсонес Таврический в классический период».

Приняты к защите кандидатские диссертации Э. Я. Николаевой «Боспор после гуннского нашествия» и соискателя М. В. Агбунова «Античная география Северо-Западного Причерноморья».

Сотрудники сектора продолжали руководить археологическими экспедициями:

Анапская экспедиция (начальник Е. М. Алексеева) вела исследования города Горгиппии и его округа; Причерноморская экспедиция (начальник А. А. Масленников) изучала античные поселения на берегу Азовского моря, на Керченском п-ове — на мысе Зюк (пос. Курортное) и к западу от него — «Генеральское» и др.; Михайловская экспедиция (начальник Б. Г. Петерс) продолжала раскопки городища и некрополя у дер. Михайловки; Ильичевская экспедиция (начальник Э. Я. Николаева) исследовала ремесленные кварталы на поселении IV—VI вв. у дер. Ильич на Таманском п-ове; Танаисская экспедиция (начальник Т. М. Арсеньева) копала городские районы античного Танаиса; Гераклеяская экспедиция (начальник И. Т. Кругликова) завершила раскопки двух античных усадеб на наделах 9 и 86 хоры Херсонеса на Гераклеяском п-ове; Ново-Отраденская экспедиция (начальник И. Т. Кругликова) вела раскопки боспорской крепости-усадьбы II в. до н. э. — III—IV вв. н. э. на берегу Азовского моря у дер. Ново-Отраденное на Керченском п-ове; Фанагорийская (начальник В. С. Долгоруков) продолжала раскопки Фанагории; Маргианская экспедиция (начальник Г. А. Кошеленко) исследует античные памятники Туркменской ССР; Бактрийская экспедиция (начальник Г. А. Кошеленко) ведет работы на территории Узбекской ССР.

Проведено более 100 заседаний сектора, на которых заслушаны доклады и сообщения сотрудников сектора и ученых других научных учреждений (информации о полевых исследованиях, доклады по плановым темам, по темам диссертаций, обсуждены статьи для советских и зарубежных изданий, главы монографий и т. д.). С докладами, кроме сотрудников сектора, выступали ученые Ленинграда, Одессы, Севастополя, Ростова-на-Дону, Керчи, Сухуми, Еревана, Баку, Чернигова, Владимира), а также археолог Поль Бернар (Франция).

На чтениях памяти В. Д. Блаватского 25 января 1983 г. выступил Г. А. Кошеленко, доклады прочли также В. И. Кузицин (МГУ) «Котис II или Котис I?» А. Ч. Козаржевский (МГУ) «Рукописи новозаветного канона и их источниковедческое значение», С. И. Финогорова (ГМИИ им. Пушкина), «Настенные росписи и мозаичные полы Пантикапейского пританея».

На чтениях памяти Н. И. Сокольского 18 августа 1983 г. в Таманском археологическом музее с докладами, посвященными археологическим раскопкам на Таманском полуострове, выступили Ю. М. Десятчиков, В. С. Долгоруков, Э. Я. Николаева.

На Всесоюзной конференции в Москве в декабре 1980 г., посвященной проблеме «Идеологические представления древнейших обществ» были зачитаны доклады Г. А. Кошеленко «Классы и классовая идеология древнегреческого общества в современном зарубежном антиковедении» Г. А. Кошеленко и Н. А. Онайко «Античная экономика и античная идеология (греческий вариант)», М. М. Кобылиной «Воздействие эллинистической культуры на идеологические представления населения древнего Египта», А. А. Масленникова «Эволюция греческого погребального обряда у боспорян», Ю. М. Десятчикова «К иконографии культа Бога-Всадника на Боспоре».

В мае 1980 г. в Ереване состоялся Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке, организованный сектором античной археологии и Институтом археологии и этнографии АН Арм.ССР. С докладом выступили: Г. А. Кошеленко, В. Д. Блаватский «О некоторых явлениях в художественной жизни эллинизма», М. М. Кобылина «Терракоты эллинистического города», А. А. Масленников «О некоторых аспектах взаимоотношений местных и эллинских культур на Боспоре в IV—I вв. до н. э.».

На III Всесоюзном симпозиуме по истории Причерноморья в Цхалтубо читали свои доклады Г. А. Кошеленко «Эллинизм и Причерноморье», Ю. М. Десятчиков «К вопросу о происхождении династии Спартокидов», А. А. Масленников «Боспор в эпоху эллинизма»; В. К. Голенко «Торгово-экономические связи раннеселевкидского государства».

На Всесоюзной конференции в ГМИНВ, посвященной 20-летию раскопок Кара-Тепе выступили с докладами И. Т. Кругликова (Буллы из Джига-тепе), Ю. М. Десятчиков («Митридат Боспорский и Зорсин Сиракский»).

Е. М. Алексеева представила на обсуждение на Всероссийской конференции ВООПИК доклад «Реконструкция Горгиппии»; Т. М. Арсеньева прочла доклады на конференциях в Ростове-на-Дону и Владимире о раскопках Танаиса.

Г. А. Кошеленко выступил с докладами на Ленинских чтениях в МГПИ («Современное зарубежное марксистское антиковедение»). На I Всесоюзной конференции по подводной археологии в 1982 г. Б. Г. Петерс прочел доклад «Методика подводных археологических исследований».

На Всесоюзной археологической сессии ИА АН СССР в Москве в 1983 г. И. Т. Кругликова на пленарном заседании выступила с докладом «Усадьбы Херсонеситов на Гераклеяском полуострове». На секционных заседаниях доклады сделали Т. М. Арсеньева, Ю. М. Десятчиков, В. К. Голенко, Э. Я. Николаева. На XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма Ю. М. Десятчиков и Э. Л. Николаева сделали совместный доклад «К проблеме византийского лимеса». Т. М. Арсеньева на конференции в Ростове-на-Дону — доклад «Итоги работ в Танаисе за последние годы».

На Всесоюзной конференции в Харькове «Проблемы античной истории и классической филологии» в 1980 г. с докладами выступили: Г. А. Кошеленко «Проблемы кризиса полисной системы», И. Т. Кругликова «Усадьбы херсонеситов эллинистического времени», Н. А. Онайко «Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры», Ю. М. Десятчиков «Митридат II Боспорский и Рим», А. А. Масленников «О грунтовых склепах некрополей боспорских городов». На X Крупновских чтениях Ю. М. Десятчиков сделал доклад «К вопросу о локализации замка сиракского царя Арифарна». Сотрудники сектора принимали участие в международных симпозиумах. На советско-индийском симпозиуме в Ашхабаде Г. А. Кошеленко прочел доклад «Археологические исследования буддийских памятников в Мервском оазисе». Он же на советско-французском симпозиуме в Душанбе прочел доклад «Древнебактрийские традиции и культурные эталоны эллинистического мира» на симпозиуме в Болгарии Г. А. Кошеленко прочел доклад «О некоторых аспектах культурных связей между Фракией и греческими городами Северного Причерноморья», а на симпозиуме во Франции был заслушан его доклад «Фортификации эллинистического Востока». На Испано-Советском симпозиуме в Мадриде (Испания) в ноябре 1983 г. выступила И. Т. Кругликова на тему «Позднеантичный Херсонес». На конференции в ноябре 1982 г. в г. Галле (ГДР) И. Т. Кругликова прочла доклад «Храмы и святилища Дильберджина».

На XV Международном конгрессе историков в Бухаресте был зачитан совместный доклад Г. А. Кошеленко и Е. С. Голубцовой «Взаимодействие греческих и местных элементов в Причерноморье».

Г. А. Кошеленко принял участие в заседании международного редакционного комитета по подготовке «Истории цивилизации Центральной Азии».

Теоретическая работа сектора ведется главным образом по плану общепланового методологического семинара. В. С. Долгоруков прочел на этом семинаре доклад «Строительное дело и социальная сущность раннегреческих фортификационных сооружений». На теоретическом семинаре сектора В. С. Долгоруков сделал доклад «Укрепление раннегреческого города», а Е. М. Алексеева — «Административное устройство Горгиппии».

На объединенном теоретическом семинаре сектора и кафедры древнего мира и средних веков МГПИ им. Ленина Г. А. Кошеленко выступил с докладом «Классики марксизма о двух путях развития античной государственности», а Ю. М. Десятчиков — с докладами: «К. Маркс и Ф. Энгельс о генезисе города», «Формы государственных политических образований», «Формы организации господствующего класса у скифов».

На теоретическом семинаре, посвященном Ленинским дням, с докладами выступили: Г. А. Кошеленко «В. И. Ленин и изучение проблемы античной экономики», Н. А. Онайко «Проблемы культуры» в теоретическом наследии В. И. Ленина» и А. А. Масленников «В. И. Ленин и проблемы происхождения государства».

Одно из заседаний семинара было посвящено решениям Июньского Пленума ЦК КПСС. На семинаре выступили: Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, Б. Г. Петерс.

Пропаганда научных знаний также стоит в плане работ сектора. В обществе «Знание» Г. А. Кошеленко прочитана лекция «Важнейшие открытия в изучении античного общества»; Б. Г. Петерс написал предисловие к книге Г. Ланицкого «Амфоры, погибшие корабли и затонувшие города», а также отредактировал русское издание журнала «Музеум» для «Юнеско» («Подводная археология»).

Кроме книги «Судьба Парфенона» Г. А. Кошеленко написал статью «Еще одна Атлантида» и был научным консультантом диафильма «Урарту — древнейшее государство на территории СССР». Г. А. Кошеленко написал ряд глав для учебников «История древней Греции», «Источниковедение Древнего Востока», Ю. М. Десятчиков редактировал учебное пособие «Первобытные памятники Южного Туркменистана».

Совместно с А. С. Кобытиным И. Т. Кругликова подготовила книгу «Из прошлого Анапы».

Е. М. Алексеева принимала участие в создании научно-популярного фильма о Горгиппии, Т. М. Арсеньева, Е. М. Алексеева и В. С. Долгоруков выступали по телевидению.

К. К. МАРЧЕНКО, В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

ГРУППА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА АН СССР

В 1980—1983 гг.

Основные усилия группы античной археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР были направлены на разработку темы: «Античная культура в Причерноморье и ее взаимосвязь с культурами местного населения».

В 1980—1983 гг. в Группе закончены следующие работы: И. Г. Шургая «Илурат»; И. Б. Брашинский «Методы исследования античной торговли», Е. Г. Кастанаян «Малые города Боспора. Мирмекий, Порфмий, Тиритака (Итоги археологических исследований)», Ю. А. Виноградов «Ранний зольник Мирмекия», В. Д. Денисова «Ольвия (VI в. до н. э.— III в. н. э.)», И. Ю. Шауб «Боспорские культы VI—V вв. до н. э.» и «Боспорские культы IV — первой половины III в. до н. э. (по данным нумизматики)», К. К. Марченко «Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья во второй половине VII — первой половине I в. до н. э.».

В 1980 г. успешно завершены докторская диссертация И. Б. Брашинского «Античная торговля. Проблемы и методы исследования» и кандидатская диссертация М. Ю. Вахтиной «Возникновение и развитие греко-варварских связей в VII—VI вв. до н. э.» (научный руководитель А. Н. Шеглов), в 1981 г. — кандидатская диссертация В. А. Горончаровского «Эллинистический Пергам и Северное Причерноморье (к проблеме контактов)» (научный руководитель И. Г. Шургая), в 1982 г. — кандидатская диссертация С. Ю. Монахова (Саратовский гос. университет), «Керамическая тара эллинистического Херсонеса» (научный руководитель А. Н. Шеглов).

За отчетный период сотрудниками группы опубликованы три монографии: И. Б. Брашинский «Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. (Л., 1980)», Е. Г. Кастанаян «Лепная керамика боспорских городов» (Л., 1981), В. И. Денисова «Коропластика Боспора» (Л., 1981)

и около 65 статей и заметок. Сданы в печать две монографии: Е. И. Леви (Ольвия. Город эпохи эллинизма) и И. Б. Брашинского и К. К. Марченко (Die Scythische Stadt am delta Don) (печатается в ФРГ).

Одновременно сотрудники группы продолжали вести широкие полевые исследования античных памятников Северного Причерноморья.

Боспорская экспедиция. В 1980—1981 гг. (руководитель И. Г. Шургая, с 1982 г. — Е. Г. Кастанаян). С 1982 г. работала в составе трех отрядов.

Порфмийский отряд (руководитель Е. Г. Кастанаян). Проводилось дальнейшее исследование оборонительных сооружений и жилых кварталов города, перестроенного во второй половине III в. до н. э. по единому регулярному плану, и выяснена в основном его топография. У западной оборонительной стены открыты четыре пристроенных к ней помещения, возможно, использовавшиеся в качестве арсенала.

Мирмекийский отряд (руководитель Ю. А. Виноградов). В 1982—1983 гг. в Мирмекии открыта группа строительных комплексов позднеархаического времени, среди них три заглубленных в материк конструкции (типа полуземлянок), ранее на городище неизвестных. Выявлена часть оборонительной стены, которая предположительно может быть отнесена к первой половине V в. до н. э.

Илурацкий отряд (руководитель В. А. Горончаровский). Исследовались пять домовладений в центральной части города, в одном из которых открыта винодельня II—III вв. н. э. На северо-восточном склоне городища выявлены остатки ранней оборонительной стены и башни с рустованной кладкой, датирующиеся I в. н. э. Велись также раскопки потайного осадного колодца (внутренние размеры 1,85 × 1,80 м, глубина 7,85 м), связанного с крепостью подземным ходом.

Южно-Донская экспедиция. Руководители И. Б. Брашинский и К. К. Марченко. Продолжались работы на Елизаветовском городище. Основные усилия были направлены на изучение остатков боспорского эмпория первой трети III в. до н. э., обнаруженного на территории городища в западной части так называемого акрополя. Исследованная площадь нового поселения около 1200 кв. м. Удалось установить, что эмпорий имел регулярную застройку. Выявлены остатки трех наземных сырцовокаменных домов, состоявших из двора и объединенных вокруг них помещений.

Тарханкутская экспедиция. Руководитель А. Н. Щеглов. Экспедиция в составе трех отрядов продолжила комплексные исследования памятников Северо-Западного Крыма. Основным направлением являлись поиски и изучение следов древнего размежевания. В западной части Тарханкутского плато открыта крупная система наделов IV — начала III в. до н. э., занимающая площадь более 100 кв. км. Продолжались раскопки опорного памятника — поселения Панское I. В 1981 г. начаты раскопки укрепленной усадьбы IV—II вв. до н. э. В 1983 г. раскопано святилище II в. до н. э. в урочище Джангуль, давшее большое количество посвячительных граффити.

Ольвийская экспедиция. Руководитель В. И. Денисова. В 1980—1981 гг. и 1983 г. велись работы по изучению городского квартала, лежавшего вблизи ворот в западной оборонительной стене города. Открыты строительные остатки различных периодов. К числу наиболее ранних из них относится круглое в плане помещение (диаметр около 4 м), заглубленное в материк. Этот комплекс, сооружение которого относится ко второй половине VI в. до н. э., в первой четверти V в. до н. э. был разрушен и засыпан. К западу от него вскрыты остатки здания конца V — первой половины IV в. до н. э. с глубокими подвалами. Исследовалось также частично сохранившееся здание периода эллинизма, при этом в одном из помещений была выявлена большая цистерна глубиной около 7 м. Среди различного вещевого материала здесь была обнаружена большая терракота — полуфигура женского божества. В одной из ям с материалом первых веков нашей эры найдено мраморное надгробие с четырехстрочной метрической надписью.

Нижнебугская античная экспедиция. Руководитель К. К. Марченко. Продолжалось исследование сельских поселений в Ольвийской округе: Куцуруб 1, Старая Богдановка 2 и Станислав. На поселении Старая Богдановка 2 удалось полностью раскрыть крупнейшую в Нижнем Побужье землянку

площадью около 170 кв. м и выявить новый тип монументального памятника, так называемое святилище.

На научных заседаниях группы все сотрудники регулярно выступали с докладами по темам своих работ и отчетам об исследованиях экспедиций. Часть сотрудников принимала активное участие в работе Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической археологии» (г. Харьков) — И. Г. Шургая, Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко; XVII конференции ИА АН УССР (г. Днепропетровск) — И. Г. Шургая, Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко, А. Н. Щеглов; III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (г. Цхалтубо) — К. К. Марченко, А. Н. Щеглов; Всесоюзного пленума ИА АН СССР по полевым исследованиям 1981—1982 гг. (г. Москва) — К. К. Марченко, А. Н. Щеглов, В. А. Горончаровский; V Донской археологической конференции (города Ростов и Азов) — К. К. Марченко, В. А. Горончаровский, А. Н. Щеглов.

На заседаниях группы ставились доклады сотрудников других учреждений. Среди последних отметим выступления Э. Я. Яковенко (Чернигов) «К вопросу о происхождении гидронимов «Боспор киммерийский» и «киммерийские переправы», В. Г. Житников (Ростов-на-Дону) «О бронзолитейном производстве Елизаветовского городища на Дону», В. П. Копылов (Ростов-на-Дону) «К вопросу о типах семей населения дельты Дона в V—IV вв. до н. э.», В. Н. Федоров (Ленинград) «Классификация пьедесталов надгробий херсонесского некрополя IV—III вв. до н. э. и их особенности», С. Ю. Монахов (Саратов) «Типология и хронология херсонесских амфор», В. Н. Андреев (Ленинград) «Землевладение горожан и рабство в сельских хозяйствах Аттики в V—IV вв. до н. э.», Кац В. И. (Саратов) «Динамика производства керамической тары в эллинистическом Херсонесе», Н. В. Шебалин (Ленинград) «Из причерноморской эпиграфики», Г. К. Шамба (Сухуми) «О новых открытиях раннеантичных памятников в окрестностях Сухуми».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДПП — Античные древности Подонья-Приазовья. М., 1969
АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья
АО — Археологические открытия
АМ — Анапский музей
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ — Вестник древней истории АН СССР
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ГМИНВ — Государственный музей истории народов Востока
ДАН СССР — Доклады Академии наук СССР
ЕГИМ — Ежегодник Государственного Исторического музея
ЗОО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия археологической комиссии
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР
ИИКАМ — История и культура античного мира. М., 1977
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической архивной комиссии
КБН — Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965
КИАМ — Керченский историко-археологический музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГИ — Ленинградский Горный институт
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МГПИ — Московский Государственный педагогический институт
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОПИ — Московский Областной педагогический ин-т им. Н. К. Крупской
НИИФ — Научно-исследовательский институт физики
НЭПХ — Новые эпиграфические памятники Херсонеса
ОАК — Отчет Археологической комиссии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГУ — Саратовский Государственный университет
ТД — Тезисы докладов
ТрГИМ — Труды Государственного Исторического музея
УЗ — Ученые записки
УСА — Успехи среднеазиатской археологии
ХС — Херсонесский сборник
АУА — American Journal of Archaeology
АМ — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Berlin
BSA — The Annual of the British School of Archaeology at Athens
DHA — Dialogues d'histoire ancienne
NTM — National Technical Museum

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>А. Н. Щеглов.</i> 25 лет работ Тарханкутской экспедиции: итоги и перспективы	3
<i>Б. Н. Федоров.</i> К вопросу о реконструкции северо-восточной площади Херсонеса Таврического	8
<i>Г. М. Николаенко.</i> Межевание полей херсонесской хоры	11
<i>Ю. М. Десятчиков.</i> К вопросу о происхождении династии Спартокидов	15
<i>А. В. Сазанов.</i> Происхождение одной группы боспорских ритуальных терракот	18
<i>Б. Г. Петерс.</i> О работах Михайловской экспедиции (1963—1983 гг.)	23
<i>Н. Н. Терехова, Л. С. Хомутова.</i> Технологическое исследование железных изделий из античных памятников близ Новороссийска	28

Публикации

<i>К. К. Марченко, Н. В. Головачева.</i> Новый тип строительных комплексов позднеархаического времени в Нижнем Побужье	34
<i>Е. Н. Жеребцов.</i> Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова	38
<i>Е. Я. Рогов.</i> Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I	45
<i>А. А. Масленников, О. Д. Чевелев.</i> Разведочные раскопки на городище Генеральское	50
<i>А. И. Салов.</i> Случайные находки у хут. Красный курган в 1971 и 1972 гг.	56
<i>М. Я. Чорэф.</i> Терракота из с. Заветное	58
<i>Н. Н. Грандмезон.</i> Неопубликованные разновидности монет античного Херсонеса	60
<i>В. А. Мешкерис.</i> Три новых памятника коропластики Бактрии (переднеазиатские параллели)	63
<i>В. И. Кадеев.</i> Новый надгробный памятник II в. н. э. из Херсонеса	66
<i>И. Т. Кругликова.</i> Квартал ремесленников в Горгииппи	70
<i>Т. М. Арсеньева.</i> Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса	77
<i>О. Д. Чевелев.</i> Новые погребения Кызаульского некрополя	84
<i>В. А. Горончаровский.</i> Илуратская винодельня	89

Хроника

<i>А. А. Масленников.</i> Памяти Н. А. Онайко	93
<i>Э. Я. Николаева.</i> Работа сектора античной археологии в 1980—1983 гг.	94
<i>К. К. Марченко, В. А. Горончаровский.</i> Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1981—1983 гг.	97
Список сокращений	100

ПАМЯТНИКИ
АНТИЧНОЙ
АРХЕОЛОГИИ

КСИА, вып. 182

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *Г.Н. Улунян*
Художественный редактор *Г. П. Валлас*
Технический редактор *Г.И. Астахова*
Корректор *Т.И. Шеповалова*

Фотонабор выполнен во 2-й типографии
издательства "Наука"

ИБ № 29476

Подписано к печати 01.07.85. Т – 02790
Формат 70 x 108 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура литературная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 9,1 + 0,1, вкл. Усл. кр.-отт. 9,5
Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 2900 экз.
Тип. зак. 582. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука", 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12